

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 1 (21)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2016**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

LEGAL SCIENCES

№ 1 (21)

Published since 2008

Quarterly

**Moscow
2016**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Реморенко И.М.</i> председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации
<i>Рябов В.В.</i> заместитель председателя	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i> заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Агранат Д.Л.</i>	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Пашенцев Д.А.</i> главный редактор	доктор юридических наук, профессор
<i>Северухин В.А.</i> зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР
<i>Андреянова Н.Н.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ефимова О.А.</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Ростокинский А.В.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Ситдикова Л.Б.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Пряхина Т.М.</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Чурилов С.Н.</i>	доктор юридических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

Права человека: теория и практика реализации

- Борисова Н.Е.* Детский омбудсмен в системе защиты прав ребенка 8
- Дорская А.А.* Российская конституционно-правовая традиция регулирования свободы совести..... 17

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Малахов В.П.* Природа и свойства нормативно-правового мышления 25
- Марченко М.Н.* Влияние римского права на формирование и развитие романо-германского права 32
- Пашенцев Д.А.* Социальное значение банковского законодательства Российской империи..... 42
- Честнов И.Л.* Диалогическая методология юридической науки 48

Публичное право

- Куксин И.Н.* Коррупция в сфере образования: причины и меры противодействия..... 53
- Пряхина Т.М.* Уметь применять международное право 62
- Сбежнев В.А.* Торговый сбор в городе Москве 72

Частное право

- Ситдикова Л.Б.* Здания, сооружения и объекты незавершенного строительства как правовые категории в гражданском праве..... 79
- Логинова Е.В.* Принцип неприкосновенности собственности в гражданском праве..... 88

Трибуна молодых ученых

- Бегичев Е.В.* Вопросы правовой природы векселя
в работах дореволюционных российских исследователей 93
- Уткин В.В.* Гармонизация законодательства
в сфере стандартизации в условиях экономической
региональной интеграции 98
- Шестопалов М.А.* Брак: акт гражданского состояния
или таинство? 104

Научная жизнь

- Бурьянов С.А.* Перспективы развития международного права
и глобальных исследований в сфере права
на IV Международном научном конгрессе
«Глобалистика – 2015» 110

Критика. Рецензии. Библиография

- Чердаков О.И.* Рецензия на монографию Д.А. Пашенцева
«Финансово-правовая традиция России»
(М.: Кнорус, 2015. 192 с.) 114

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Юридические науки»,
2016, № 1 (21)..... 116**

- Требования к оформлению статей 119**

CONTENTS

Human Rights: Theory and Practice of Realisation

<i>Borisova N.E.</i> Children's Rights Ombudsman in the Protection of Children's Rights	8
<i>Dorskaya A.A.</i> Russian Constitutional and Legal Tradition of Freedom of Conscience Regulation	17

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Malakhov V.P.</i> The Nature and Properties of Legal and Regulatory Thinking	25
<i>Marchenko M.N.</i> The Influence of Roman Law on the Formation and Development of Romano-Germanic Law	32
<i>Pashentsev D.A.</i> The Social Significance of Banking Legislation in the Russian Empire.....	42
<i>Chestnov I.L.</i> Dialogic Methodology of Jurisprudence.....	48

Public Law

<i>Kuksin I.N.</i> Corruption in Education: Causes and Countermeasures	53
<i>Pryahina T.M.</i> Being Able to Apply International Law.....	62
<i>Sbezhnev V.A.</i> Sales Tax in Moscow.....	72

Private Law

<i>Sitdikova L.B.</i> Buildings, Structures and Objects of Construction in Progress as a Legal Category in Civil Law	79
<i>Loginova E.V.</i> The Principle of Property Inviolability in Civil Law	88

Young Scientists' Platform

- Begichev E.V.* The Problems of Legal Nature of the Bill
in the Works of Pre-Revolutionary Russian Researchers 93
- Utkin V.V.* Harmonisation of Legislation in the Field
of Standardization in Terms of Economic Regional Integration 98
- Shestopalov M.A.* Marriage: an Act of Civil Status or a Sacrament? 104

Scientific Life

- Buryanov S.A.* Prospects for the Development of International Law
and Global Studies in the Sphere of Law at the IV International
Scientific Congress«Globalistics – 2015» 110

Critical Survey. Reviews. Bibliography

- Cherdakov O.I.* Review of the monograph by D.A. Pashentsev
«Financial and legal tradition in Russia»
(M.: KnoRus, 2015. 192 p.)..... 114

«MCU Vestnik Series “Legal Sciences”» — № 1 (21), 2016 / Authors 116

Style Sheet..... 119

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Н.Е. Борисова

Детский омбудсмен в системе защиты прав ребенка

В статье анализируются понятия защиты и охраны прав ребенка, понятие системы защиты прав ребенка, наличие и специфика деятельности института Уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: уполномоченный по правам человека; уполномоченный по правам ребенка; защита и охрана; система защиты прав ребенка; семья; закон.

На сегодняшний день вопросы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних по-прежнему актуальны. Необходимость повышенной правовой защиты ребенка обусловлена прежде всего его особой правосубъектностью. Недостаточное развитие физической, психической и социальной зрелости не позволяет ребенку в полной мере воспользоваться принадлежащими ему от рождения правами. Добавляет сложностей появление новых сфер общественных отношений с участием несовершеннолетних; изменение прежних правил, идеалов и ценностных установок; к ранее существовавшим угрозам подрастающему поколению добавляются новые риски и вызовы времени. И в этих условиях государство еще недостаточно защищает «невзрослого» гражданина [2: с. 123].

Новые реалии требуют поиска и применения соответствующих методов, видов и технологий повышенной правовой защиты несовершеннолетних. Под защитой понимается совокупность установленных законом средств и способов, которые направлены на предупреждение, устранение и пресечение правонарушений, охрану и обеспечение прав и свобод личности. В отношении ребенка недостаточно говорить о качественном и эффективном правовом регулировании всех сфер общественных отношений с участием несовершеннолетних. Защита предполагает установление постоянного контроля за реализацией принадлежащих ребенку прав и законных интересов, а также установление и обязательное применение жестких мер ответственности в случае нарушения этих прав.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ [4: с. 632]. Гарантиями прав и свобод любого человека и гражданина (следовательно, и ребенка) выступают как административная (органы исполнительной власти), так и судебная защита (суды общей юрисдикции, конституционные и уставные суды). Отдельной строкой назовем международно-правовой механизм защиты прав человека (Европейский суд по правам человека). Законная самозащита в реальной жизни ребенка практически неприменима, учитывая его недостаточную физическую, психическую и социальную зрелость. В ряде стран вышеназванная совокупность средств и методов защиты ребенка дополнена ювенальной юстицией как самостоятельной системой судов по делам о несовершеннолетних.

Необходимо отметить, что понятие «охрана прав» может употребляться в широком и узком смыслах. В первом случае под охраной прав подразумевается вся совокупность мер как правового, так и иного характера (экономического, политического, организационного), обеспечивающих реализацию субъективных прав человека и гражданина. В узком смысле под охраной как раз и понимается собственно защита нарушенных прав, которая предполагает их восстановление.

Обратим внимание на то, что понятия «защита» и «охрана» нередко употребляются в Конституции РФ в важнейших главах об основах конституционного строя и правах и свободах человека и гражданина. Например, в соответствии со статьей 38 «материнство и детство находятся под защитой государства»; «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (статья 45); «достоинство личности охраняется государством» (п. 1 статьи 21); «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь» (п. 1 статьи 41) и т. д.

Даже по смыслу конституционных установлений получается, что эти термины близки по своему лексическому значению и используются как синонимы. Тем более можно говорить о едином значении терминов «защита» и «охрана» в отношении прав и законных интересов несовершеннолетних, что, собственно, и прослеживается не только в публицистике, но и в научной литературе, посвященной правовому статусу несовершеннолетних.

Нам представляется, что термин «защита» применительно к правам ребенка более актуален, конкретизирован и выразителен, что подтверждается широким употреблением его в «детском» законодательстве.

Очевидно, что защита прав подрастающего поколения, включающая наиболее полную реализацию прав, свобод и законных интересов ребенка, будет эффективной, если представляет собой систему. Понятие «системы» в отношении защиты прав ребенка встречается также довольно часто, однако без должного раскрытия содержания данного термина. К сожалению, в настоящее время

понятие «системы» как таковой ушло из лексикона управленцев, в том числе воспитательно-образовательным процессом. В ходу сегодня тактика «точечных ударов» [3: с. 27].

Принятый в 1999 году Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в статье 4 содержит перечисление органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних¹. Как видим, понятие «системы профилактики» исчерпывается совокупностью входящих в нее элементов. Даже с учетом взаимосвязи понятий «система»² и «структура»³ нельзя сказать, что в упомянутой статье закреплена структура органов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, поскольку связи между ними не определены⁴.

В Национальной Стратегии детства на 2012–2017 годы [5] в качестве ключевого принципа названа защита прав каждого ребенка. Далее сказано, что в Российской Федерации должна быть сформирована система, обеспечивающая реагирование на нарушение прав каждого ребенка без какой-либо дискриминации, включая диагностику ситуации, планирование и принятие необходимого комплекса мер по обеспечению соблюдения прав ребенка и восстановлению нарушенных прав; правовое просвещение; предоставление реабилитационной помощи каждому ребенку, ставшему жертвой жестокого обращения или преступных посягательств.

Название раздела VI Стратегии говорит само за себя: «Создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия». Анализ современной принятой Стратегии ситуации свидетельствует о том, что «в настоящее время в Российской Федерации отсутствует

¹ В систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних входят комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования (далее — органы, осуществляющие управление в сфере образования), органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции). URL: <http://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 03.12.2015).

² Система (от др.-греч. — целое, составленное из частей; соединение) — совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство.

³ Структура — схема связей между элементами.

⁴ Справедливости ради укажем на имеющиеся рекомендации по осуществлению взаимодействия ряда органов и учреждений в организации определенного вида профилактической работы. См., например, Письмо Министерства образования и науки РФ, МВД РФ, Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков от 21 сентября 2005 г. № ВФ-1376/06; Приказ Минтруда РФ и МВД РФ от 20 июня 2003 г. № 147/481.

эффективная система защиты детства, не разработаны стандарты обеспечения и защиты прав ребенка, механизм планомерного выполнения на межведомственном уровне положений Конвенции о правах ребенка и заключительных замечаний Комитета ООН по правам ребенка, не определен координирующий федеральный орган исполнительной власти по выработке и реализации государственной политики в отношении детей...» [4].

Считаем необходимым подчеркнуть, что речь идет именно об эффективной системе защиты детства, поскольку в стране уже сделано немало. Имеется развитое «детское» законодательство, а также большое количество структур, в функции которых входит как обеспечение, так и защита прав несовершеннолетних. Однако ведомственная разобщенность, неразвитость современных технологий работы с несовершеннолетними, слабость профилактической деятельности не приводит к высокой эффективности. Нельзя не согласиться с тем, что потенциал современного подрастающего поколения еще не соответствует задачам инновационного развития страны. «Масштабы и острота существующих проблем в сфере детства, возникающие новые вызовы, интересы будущего страны и ее безопасности настоятельно требуют от органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, гражданского общества принятия неотложных мер для улучшения положения детей и их защиты» [4].

Представляется, что весомый вклад в практику защиты прав ребенка к настоящему времени внес институт Уполномоченного по правам человека (омбудсмена). Должность федерального уполномоченного по правам человека в соответствии с Конституцией РФ введена Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»⁵ в 1997 году.

Что касается уполномоченных по правам ребенка, то они появились уже в 1998 году, но на уровне субъектов Российской Федерации, где детский омбудсмен не всегда являлся государственным органом. Детские омбудсмены, функционирующие в различных странах Европы, создали свою организацию — Европейскую сеть детских омбудсменов — ENOC, которой разработаны и приняты международные региональные стандарты. Стандарты были единогласно приняты на пятой ежегодной встрече детских омбудсменов Европы в Париже в октябре 2001 года [1: с. 114]. Разумеется, деятельность европейских омбудсменов имеет и свою специфику. Например, в Финляндии омбудсмен выступает исключительно в качестве защитника по индивидуальным жалобам, подаваемым либо самими детьми, либо от их имени. В Норвегии уполномоченный по правам ребенка наряду с защитой интересов отдельных детей представляет интересы норвежских детей в целом. Шведский омбудсмен не обладает полномочиями по рассмотрению конкретных дел и работает по упрочению и расширению прав и интересов всех детей.

⁵ Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/10200006/> (дата обращения: 03.12.2015).

В России первые уполномоченные по правам ребенка появились в Волгоградской, Калужской, Новгородской областях, в городах Санкт-Петербурге и Екатеринбурге, но на общественных началах и без необходимой законодательной базы. Затем такие должности были введены еще в целом ряде регионов РФ на основе регионального законодательства. По данным сайта⁶ Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, уполномоченные по правам ребенка имеются во всех регионах РФ.

Любопытно, что у большинства региональных уполномоченных в названии должности отсутствует предлог «при», что свидетельствует об определенной независимости от глав исполнительной власти субъектов РФ. Встречаются и другие названия: уполномоченный при Главе Республики Дагестан по защите семьи, материнства и прав ребенка; заместитель уполномоченного по правам человека, уполномоченный по правам ребенка в Челябинской области; начальник Управления по защите прав и законных интересов несовершеннолетних — уполномоченный по правам ребенка в городе Москве; уполномоченный по правам ребенка в Вологодской области Службы по правам ребенка правительства области.

В деятельности уполномоченных по правам ребенка можно выделить следующие основные функции: защита прав конкретного ребенка и представительство его интересов; расследование дел по индивидуальным жалобам детей; наблюдение за осуществлением законодательства, касающегося защиты интересов детей; внесение рекомендаций в государственные органы по изменению законодательства в области охраны прав детей; содействие повышению информированности о правах ребенка как самих детей, так и взрослых; действие в качестве посредника в случаях возникновения конфликтов между детьми и родителями; представление докладов о проделанной работе и о положении дел в вопросе соблюдения прав ребенка. Собственно, в той или иной мере вышеперечисленные функции отражены в соответствующем законодательстве субъектов Российской Федерации.

Несмотря на то, что Комитет по правам ребенка ООН многократно рекомендовал Российской Федерации ввести должность федерального Уполномоченного по правам ребенка, именно внедрение в практику защиты прав ребенка уполномоченного по правам ребенка на уровне субъектов РФ позволило, на наш взгляд, подготовить соответствующую базу для учреждения аналогичного института на федеральном уровне.

Указом Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка»⁷ учреждалась должность Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка,

⁶ URL: <http://rfdeti.ru/> (дата обращения: 15.10.2015).

⁷ Указ Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=91194;req=doc> (дата обращения: 03.12.2015).

который назначается на должность и освобождается от должности Президентом Российской Федерации. Также было рекомендовано органам государственной власти субъектов Российской Федерации учредить должность уполномоченного по правам ребенка, хотя на тот момент детские омбудсмены функционировали уже в большинстве регионов.

Для выполнения возложенных на него обязанностей Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка были предоставлены права запрашивать и получать в установленном порядке необходимые сведения, документы и материалы от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций и должностных лиц; беспрепятственно посещать федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации; проводить самостоятельно или совместно с уполномоченными государственными органами и должностными лицами проверку деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также должностных лиц, получать от них соответствующие разъяснения и т. д.

Позднее были внесены изменения в Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»⁸, в соответствии с которыми «Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в пределах своих полномочий, предусмотренных соответствующим указом Президента Российской Федерации, обеспечивает защиту прав и законных интересов детей. В соответствии с законом и иным нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации может учреждаться должность уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации». Как видим, из текста закона не следует обязательность учреждения подобной должности в регионах России.

Изменения коснулись и Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»: Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и уполномоченные по правам ребенка в субъектах Российской Федерации вошли в состав органов и учреждений профилактики.

Таким образом, можно утверждать, что институт Уполномоченных по правам ребенка законодательно включен в систему (структуру) защиты прав ребенка. Памятуя об отсутствии четкого официального определения широко употребляемого понятия «система защиты прав ребенка», попытаемся тем не менее определить ее элементы. На наш взгляд, необходимыми составляющими системы являются:

⁸ Федеральный закон от 03.12.2011 № 378-ФЗ (ред. от 30.12.2012) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка». URL: <http://base.garant.ru/179146/1/#ixzz3oxIfMoNs> (дата обращения: 15.10.2015).

законодательная, структурно-организационная, координационная (определяющая взаимосвязи, ответственность и при необходимости подчиненность органов и учреждений, представляющих структурно-организационную составляющую), кадровая, учебно-методическая и т. д.

В числе первых должность уполномоченного по правам ребенка ввела Москва. В Законе города Москвы «Об Уполномоченном по правам ребенка в городе Москве» достаточно подробно были прописаны задачи, полномочия и ответственность уполномоченного⁹. В качестве основных выделены два направления работы: рассмотрение жалоб по конкретным случаям правонарушений, в случае отсутствия таковых (ведь дети обычно не пишут жалобы сами) реагирование на информацию о нарушениях прав ребенка и принятие предусмотренных законом мер; постоянное сотрудничество с органами власти по созданию эффективной системы защиты прав ребенка. Кроме того, уполномоченный входил в состав субъектов права законодательной инициативы. Об эффективности его работы свидетельствовали ежегодные доклады о деятельности уполномоченного.

В настоящее время Закон города Москвы «Об Уполномоченном по правам ребенка в городе Москве» утратил силу в связи с принятием Закона города Москвы от 15 апреля 2009 г. № 6 «Об Уполномоченном по правам человека в городе Москве»¹⁰. В соответствии с данным законом приоритетным в деятельности уполномоченного является защита прав, свобод и законных интересов ребенка. Возникшие на основании этого закона права и обязанности уполномоченного по правам ребенка в городе Москве и его аппарата по вопросам признания, соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов ребенка в городе Москве передаются Уполномоченному по правам человека в городе Москве и его аппарату.

В конце апреля 2015 года правительство Ярославской области устранило отдельную должность уполномоченного по правам ребенка. В то же время депутаты Московской областной Думы ввели должность уполномоченного по правам ребенка в Московской области с 1 июня 2015 года¹¹. Ранее уполномоченный по правам ребенка в Подмоскovie входил в аппарат уполномоченного по правам человека в Московской области. Будет справедливым отметить, что практически во всех отчетных докладах региональных уполномоченных по правам человека присутствуют разделы (подразделы), посвященные их деятельности по соблюдению, защите прав ребенка и/или семьи.

Можно полагать, что обратная тенденция объединения должностей уполномоченного по правам человека и уполномоченного по правам ребенка

⁹ См.: Закон города Москвы 2001 г. № 43 «Об Уполномоченном по правам ребенка в городе Москве» // Ведомости Московской Городской Думы. 2001. № 11.

¹⁰ Закон города Москвы от 15 апреля 2009 г. № 6 «Об Уполномоченном по правам человека в городе Москве». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/292028/> (дата обращения: 03.12.2015).

¹¹ URL: <http://360tv.ru/news/oksana-pushkina-vozmet-pod-zaschitu-detej-podmoskovja-24343> (дата обращения: 12.06.2015).

в регионах РФ будет набирать силу. Одной из причин видится дублирование функций, в том числе и обусловленных решением разнообразных проблем защиты семьи, с которой ребенок связан непосредственно.

По-прежнему острой остается проблема ущемления прав и законных интересов детей в результате действия или бездействия административных органов и должностных лиц. И здесь возникает вопрос об объективном независимом решении «детской» проблемы омбудсменом, если должность уполномоченного учреждена *при* губернаторе области или *при* Президенте республики. Предлог «при» сводит должность уполномоченного по правам ребенка на уровень советника главы исполнительной власти субъекта по детским вопросам.

Напомним, что целью создания института омбудсмана по правам ребенка (на основе европейского опыта) было отстаивание прав и интересов детей. Причем особо подчеркивалось, что данное ведомство, учреждаемое законодательным путем, должно иметь статус независимого органа. Отсюда происходят независимость омбудсмана от руководства региона, а его непосредственный контакт и доступность для детей, достойная репутация и заслуженный авторитет будут залогом его эффективной защитной деятельности.

Литература

1. Автономов А.С. Мониторинг соответствия законодательства субъектов Российской Федерации и муниципальных актов стандартам Европейской сети детских омбудсменов (ENOC). М.: ГУ ВШЭ, 2008. 144 с.
2. Борисова Н.Е. О правовом статусе несовершеннолетних и молодежи в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2011. № 3 (34) С. 123–128.
3. Борисова Н.Е. К вопросу об истории развития законодательства о детях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 3 (15). С. 20–29.
4. Конституционное право России. Основные законы, конституции и документы XIX–XX веков: хрестоматия / сост. А.П. Угроватов. Новосибирск: ЮКЭА, 2000. С. 538–555.
5. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761. URL: <http://base.garant.ru/70183566/#ixzz3p1> (дата обращения: 15.10.2015).

Literatura

1. Avtonomov A.S. Monitoring sootvetstviya zakonodatel'stva sub'ektov Rossijskoj Federacii i municipal'ny'x aktov standartam Evropejskoj seti detskih ombudsmenov (ENOC). M.: GU VShE', 2008. 144 s.
2. Borisova N.E. O pravovom statuse nesovershennoletnix i molodezhi v Rossijskoj Federacii // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2011. № 3 (34). S. 123–128.
3. Borisova N.E. K voprosu ob istorii razvitiya zakonodatel'stva o detyax // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 3 (15). S. 20–29.
4. Konstitucionnoe pravo Rossii. Osnovny'e zakony', konstitucii i dokumenty' XIX–XX vekov: xrestomatiya / sost. A.P. Ugrovatov. Novosibirsk: YuKE'A, 2000. S. 538–555.

5. Nacional'naya strategiya dejstvij v interesax detej na 2012–2017 gody'. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 1 iyunya 2012 g. № 761. URL: <http://base.garant.ru/70183566/#ixzz3p1> (data obrashheniya: 15.10.2015).

N.E. Borisova

**Children's Rights Ombudsman
in the Protection of Children's Rights**

The author analyses the concept of the protection of children's rights, the concept of the system of children's rights protection, availability and particularities of activity of the children's rights Ombudsman institute in the Russian Federation.

Keywords: human rights Ombudsman; children's rights ombudsman; protection and security; children's rights protection system; family; law.

А.А. Дорская

Российская конституционно-правовая традиция регулирования свободы совести¹

В статье охарактеризованы основные этапы становления и развития законодательства России о свободе совести, а также различные доктринальные подходы к ее содержанию. Проанализированы варианты определения свободы совести в советских Конституциях. Показано, что свобода совести развивалась в контексте государственно-правовой, а затем конституционно-правовой традиции Российского государства.

Ключевые слова: свобода совести; свобода вероисповедания; Конституция; конституционно-правовая традиция; государственно-церковные отношения; международно-правовые стандарты.

Свобода совести является одним из самых дискуссионных понятий, так как может рассматриваться и как религиозная, и как правовая, и как философская категория. Религия сыграла огромную роль в формировании российской правовой традиции [7: с. 168–173], однако с XVII–XVIII вв. возникла тенденция «высвобождения» правовых норм из-под религиозного влияния. Вместе с тем современные исследователи отмечают, что взаимодействие религиозных и правовых норм происходит и на современном этапе [6: с. 33–38].

Несмотря на то, что над юридической формулой свободы совести специалисты работают уже несколько столетий, пока нельзя говорить о том, что данный процесс близится к завершению. Как справедливо отмечает С.А. Бурьянов, «признавая вклад предшественников, приходится констатировать недостаточную научно-теоретическую разработанность проблемы свободы совести и смежных категорий. В частности, недостаточно разработанными являются вопросы соотношения «свободы совести» с сопряженными с ней понятиями «свободы вероисповедания», «светскости государства», «религиозной политики государства», «отношений государства с религиозными объединениями» и др. Нерешенность проблемы соотношения вышеупомянутых понятий с понятием «свободы совести» приводит к юридически некорректной трактовке относящихся к данному вопросу принципов и понятийного аппарата, в результате чего «религиозная политика государства» и «отношения государства с религиозными объединениями» представляются приоритетными по отношению к свободе совести» [2: с. 27].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния»), проект № 15-03-00255.

О свободе совести как этической категории можно говорить, как о существующей еще с древности. Например, в богословской науке издавна считалось аксиомой, что принцип свободы совести возник одновременно с христианством. При этом делалась ссылка на 27-е Апостольское правило: «Повелеваем епископа или пресвитера или диакона, бьющего верных согрешающих или неверных обидевших и через сие устрашати хотящего, извергати от священного чина» [3: с. 4].

Имперский период российской истории стал классическим с точки зрения государственно-церковных отношений, характеризующихся наличием государственной религии. Как отмечает М.А. Шестопапов, «государственная Церковь или государственная (официальная) религия — конституционно-правовой (применительно к историко-правовому материалу — государственно-правовой. — *А. Д.*) институт, означающий, что соответствующая Церковь признается частью официальной организации государства. Это проявляется в том, что государство, во-первых, финансирует данную церковь, во-вторых, участвует в назначении священников, в-третьих, утверждает акты, регулирующие внутреннюю деятельность данной церкви, в-четвертых, признает за ней право осуществлять такие функции, как регистрация браков, рождения, смерти» [11: с. 103]. Все эти признаки существовали в Российской империи, но при этом еще в петровское время законодательно была провозглашена свобода вероисповедания для иностранцев (1702 г.), старообрядцев, правда, при условии записи в двойной подушный оклад, было разрешено заключение браков между пленными шведами и православными русскими девушками.

Следующий поворот к веротерпимости в политике Российского государства произошел 29 января 1762 г., когда был объявлен именным указ Петра III о веротерпимости или о равенстве вероисповеданий. Всем раскольникам, бежавшим от преследований в Польшу и другие страны, законом было разрешено вернуться в Россию, поселиться в Сибири, Барабинской степи или в других подобных местах и жить по своим обычаям и старопечатным книгам. Раскольникам, содержащимся под караулом, предписывалось немедленное освобождение. Запрещалось гонение на инородцев на почве религиозных разногласий. В этой связи признавалось необязательным соблюдение постов. Екатерина II продолжила данную линию. Ее внук Александр I, как известно, на практике пытался демонстрировать веротерпимость и даже молился в католических костелах.

Одной из буржуазных реформ Александра II предполагалось провозглашение свободы совести. Как отмечает Т.П. Минченко, к Пасхе 1881 г. готовился Манифест о свободе совести, но смерть императора в результате покушения снова отложила решение этой наболевшей проблемы [5: с. 161].

Затем в России о свободе совести заговорили юристы-международники и специалисты в области церковного права. Так, известный русский юрист-международник Ф.Ф. Мартенс в 1880–1881 гг. высказывал мысль, что «духовная

сторона народа выражается прежде всего в его религии; <...> но религиозные интересы не могут быть замкнуты в пределах государственной территории и, переходя эти границы, становятся из вопросов внутреннего государственного законодательства — вопросом международным... Гарантия свободы совести и богослужения за иностранцами постоянно устанавливалась в разных трактатах: мореплавания, дружбы, союзных и т. п.» [4: с. 3–6]. С точки зрения юристов-международников вопрос о свободе совести был решен уже к 80-м гг. XIX века.

Совершенно другая позиция была у российских специалистов в области церковного права. Фактически новый для юридической науки вопрос о свободе совести поднял Н.С. Суворов, осуществив перевод и издание с немецкого книги доктора римского и канонического права в Венском университете, члена Академии наук Ф.Б.Х. Маасена (1848–1909) «Девять глав о свободной церкви и о свободе совести» (Ярославль, 1882). После этого данный вопрос стал более активно изучаться в России: уже на следующий год в свет вышла работа В. Кипарисова «О свободе совести. Опыт критического исследования вопроса в области церкви и государства с I по IX в.» (М., 1883; Вып. 1). Началось не только юридическое, но и философское осмысление свободы совести.

Вершиной в разработке понятия «свобода совести» в дореволюционный период стали труды М.А. Рейснера, который с 1899 по 1902 годы работал на юридическом факультете Томского университета и писал докторскую диссертацию об отношении государства к церкви и верующей личности. Главным лозунгом его работы была личная религиозная свобода, поэтому его защите препятствовали, и ему удалось опубликовать лишь сборник «Государство и верующая личность». Несмотря на то, что М.А. Рейснер в 1905 г. примкнул к большевикам, он был настолько признанным авторитетом, что когда в 1906 г. Департаменту духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел было поручено составить подробную справку о свободе совести, за основу были взяты именно его определения, понятия [10]. М.А. Рейснер считал, что нужно идти на самые радикальные меры вплоть до отделения церкви от государства и провозглашения свободы совести [8: с. 14–16].

В начале XX века в российской науке, да и в российском обществе в целом, выделились две позиции. Первая заключалась в том, что свобода совести приравнивается к свободе вероисповеданий. Вторая — разграничивала эти понятия, вводя три степени свободы в области религиозных верований: 1) свободу веры, т. е. свободу внутренних убеждений каждого лица; 2) свободу вероисповедания, состоящую в праве тех, кто принадлежит к одному и тому же религиозному учению, соединяться в союзы, совместно исповедовать свою веру и исполнять обряды своего культа; 3) свободу совести, являющуюся наиболее широким понятием, которое, кроме свободы вероисповедания, предполагает еще отсутствие любых ограничений, находящихся в зависимости от религиозной принадлежности, и официальное признание неверия.

Вскоре свобода совести стала одним из важнейших законотворческих вопросов в России. 26 февраля 1903 г. был издан Императорский Манифест о государственных нуждах, подлежащих немедленному удовлетворению. На первое место было поставлено укрепление «неуклонного соблюдения властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости, начертанных в Основных законах Империи Российской, которые... почитая Православную церковь первенствующей и господствующей, предоставляют всем подданным... свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной». Затем 12 декабря 1904 г. был опубликован Именной Высочайший указ Правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», шестой пункт которого поручал Комитету министров «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего ныне же в административном порядке принять соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленногo, стеснения». В результате 17 апреля 1905 г. был подписан указ Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости», ставший основой для серьезных законодательных разработок вплоть до 1917 г.

В Основных законах Российской империи от 23 апреля 1906 г., в главе II «О правах и обязанностях российских подданных», было закреплено, что «российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этой свободой определяются законом», т. е. законодатель побоялся использовать термин «свобода совести».

Впоследствии разработка свободы совести была связана уже с деятельностью Государственной Думы. 12 мая 1906 г. 49 депутатов I Государственной Думы подписали «Основные положения законопроекта о свободе совести», составленные фракцией кадетов, и представили их председателю Думы С.А. Муромцеву. Однако уже 9 июля 1906 г. I Государственная Дума была распущена. Далее Правительство под председательством П.А. Столыпина разработало семь законопроектов, направленных на реализацию в России свободы совести: «О переходе из одного вероисповедания в другое и об отмене статей, запрещающих этот переход», «Об отношении государства к отдельным исповеданиям», «Об обеспечении последователям всех вероисповеданий свободы богослужения и отправления религиозных обрядов, сооружения и постройки молитвенных зданий», «Об инославных и иноверных религиозных обществах», «О семейственных правах», «Об отмене гражданских и политических ограничений, вытекающих из принадлежности к какому-либо вероисповеданию», «О римско-католических монастырях». К сожалению, ни один из них так и не стал законом.

Таким образом, именно в дореволюционный период в России складывалась государственно-правовая, а с начала XX века конституционно-правовая традиция законодательного определения свободы совести.

Период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. также прошел под знаком борьбы за свободу совести: 14 (27) июля 1917 г. было принято постановление Временного правительства о свободе совести, в котором признавалось невероисповедное состояние; печатались работы, призывающие к терпимости в религиозной сфере.

В советский период была воспринята доктринальная дореволюционная государственно-правовая традиция. В частности, идеи М.А. Рейснера были напрямую воплощены в Конституции РСФСР 1918 г., так как, во-первых, они соответствовали новой концепции свободы совести, которую продекларировало Советское государство, а во-вторых, как известно, ученый был одним из авторов первой советской Конституции.

Понятие свободы совести стало отличаться точностью и определенностью.

В Конституции РСФСР 1918 г. свобода совести была поставлена на первое место среди прав трудящихся. Согласно статье 13, «в целях обеспечения за трудящимися свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Таким образом, свобода совести переведена на институциональный уровень.

В статье 124 Конституции СССР 1936 г. говорилось, что в целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви, свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами, т. е. из содержания понятия «свобода совести» исчезла религиозная пропаганда.

В статье 52 Конституции СССР 1977 г. было закреплено: «Гражданам СССР гарантируется свобода совести, т. е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в СССР отделена от государства и школа — от церкви». Таким образом, термин «атеистическая пропаганда» пришел на смену «антирелигиозной пропаганде», а «гарантированность» свободы совести — на смену «признанию».

Международно-правовые стандарты о свободе совести в Советском Союзе практически не учитывались. В целом, в советское время понятие светского государства фактически приравнивалось к атеистическому восприятию любых организационных форм, отношений, идей, явлений. Однако были и несомненные успехи именно с правовой точки зрения: были найдены юридические конструкции нейтрального отношения государства к религиозным организациям, которое, на наш взгляд, является единственно возможным в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия.

В 1990 г. был принят Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», а затем Закон РСФСР «О свободе вероисповеданий». Название последнего закона несколько противоречило сложившейся конституционно-

правовой традиции, так как свобода вероисповеданий носит больше «религиозный» характер и не подразумевает атеистического мировоззрения.

Формирование понятия свободы совести в Российской Федерации происходило под влиянием двух тенденций. Первая — приведение российского законодательства в соответствие международно-правовым стандартам. Причем в международно-правовых документах присутствовал абсолютно другой подход к определению свободы совести, чем в российской дореволюционной и советской традиции. Так, в статье 18 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. было закреплено, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает в себя свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и культовых порядков, т. е. в Декларации возобладал «неюридический» подход к понятию «свобода совести». Если в юриспруденции сложилась непреложная традиция трактовать свободу совести с точки зрения отношения человека к религии, то во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. перечисление через запятые свободы мысли, совести и религии позволило исследователям заявить, что свобода совести — это «феномен семантически многоплановый, а следовательно, контекстуально зависимый» [1: с. 8], и сделать вывод о том, что это — концентрация идей гуманизма, толерантности и свободы мировоззренческого выбора [9: с. 6].

Вторая тенденция — попытка выстраивания новой модели государственно-конфессиональных отношений на основе партнерства. В результате в статье 28 Конституции Российской Федерации 1993 г. было закреплено, что «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Таким образом, указание в Конституции Российской Федерации на свободу совести и свободу вероисповеданий как однопорядковых понятий стало нарушением конституционно-правовой традиции включать в свободу совести свободу вероисповеданий, а также право на атеистические воззрения. Эта новая тенденция была продолжена и в ныне действующем Федеральном Законе Российской Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ. Несмотря на то, что Закон имеет название «О свободе совести и о религиозных объединениях», в статье 3 закрепляется «право на свободу совести и свободу вероисповедания». Очевидно, что в международно-правовых документах и российском законодательстве возобладала тенденция понимать под свободой совести больше философскую, чем юридическую конструкцию, несомненным плюсом которой является возможность применения нейтральных формулировок.

Несмотря на то, что понятие «свобода совести» в России претерпело за века огромные изменения как с точки зрения содержания, так и формы, можно говорить об определенной конституционно-правовой традиции ее

закрепления. В советский период были восприняты достижения дореволюционной юридической науки в понимании свободы совести как суммы свободы вероисповедания и права на атеистические воззрения, но на практике плюрализм не только не был реализован, но и возобладало жесткое неприятие со стороны государства всего, что касалось религиозной сферы. Однако именно в советское время были предложены такие нейтральные юридические конструкции, которые при наполнении их современным содержанием являются оптимальными.

Литература

1. *Акопян Г.А.* Свобода совести: философско-антропологическое измерение: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2009.
2. *Бурьянов С.А.* О необходимости реформирования международно-правовых документов в сфере свободы совести // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 1. С. 25–32.
3. *Заозерский Н.А.* О принципе религиозной свободы. Сергиев Посад, 1908.
4. Конспект международного права, составленный по курсу профессора Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Мартенса 1880–1881 гг. Литография. СПб., 1881.
5. *Минченко Т.П.* Государственно-религиозные отношения и возможности конструктивной перспективы // Партнерство государства и церкви. Стабильность политической системы гражданского общества: сб. мат-лов Междунар. научно-теорет. конфер., посвящ. 250-летию со дня рождения преподобного Серафима Саровского (г. Курск, 25–26 июня 2004 г.). Курск, 2004. С. 159–166.
6. *Пашенцев Д.А.* Взаимодействие правовых и религиозных норм: историко-теоретический аспект // История государства и права. 2015. № 17. С. 33–38.
7. *Пашенцев Д.А.* Роль религии в формировании российской правовой традиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 6. С. 168–173.
8. *Рейснер М.А.* Государство и верующая личность: сб. статей. СПб., 1905.
9. *Савельев В.Н.* Свобода совести: теория и история. М.: Высшая школа, 1991. 144 с.
10. Справка о свободе совести. СПб., 1906.
11. *Шестопалов М.А.* К вопросу о моделях государственно-церковных отношений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 2. С. 101–105.

Literatura

1. *Akopyan G.A.* Svoboda sovesti: filosofsko-antropologicheskoe izmerenie: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Stavropol', 2009.
2. *Bur'yanov S.A.* O neobxodimosti reformirovaniya mezhdunarodno-pravovy'x dokumentov v sfere svobody' sovesti // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 1. S. 25–32.
3. *Zaozerskij N.A.* O principe religioznoj svobody'. Sergiev Posad, 1908.
4. Konspekt mezhdunarodnogo prava, sostavlenny'j po kursu professora Sankt-Peterburgskogo universiteta F.F. Martensa 1880–1881 gg. Litografiya. SPb., 1881.
5. *Minchenko T.P.* Gosudarstvenno-religiozny'e otnosheniya i vozmozhnosti konstruktivnoj perspektivy' // Partnerstvo gosudarstva i cerkvi. Stabil'nost' politicheskoy sistemy' grazhdanskogo obshhestva: sb. mat-lov Mezhdunar. nauchno-teoret. konfer.,

posvjashh. 250-letiyu so dnya rozhdeniya prepodobnogo Serafima Sarovskogo (g. Kursk, 25–26 iyunya 2004 g.). Kursk, 2004. S. 159–166.

6. *Pashencev D.A.* Vzaimodejstvie pravovy'x i religiozny'x norm: istoriko-teoreticheskij aspekt // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2015. № 17. S. 33–38.

7. *Pashencev D.A.* Rol' religii v formirovanii rossijskoj pravovoj tradicii // *Izvestiya vy'sshix uchebny'x zavedenij*. Pravovedenie. 2010. № 6. S. 168–173.

8. *Rejsner M.A.* Gosudarstvo i veruyushhaya lichnost': sb. statej. SPb., 1905.

9. *Savel'ev V.N.* Svoboda sovesti: teoriya i istoriya. M.: Vy'sshaja shkola., 1991. 144 s.

10. *Spravka o svobode sovesti*. SPb., 1906.

11. *Shestopalov M.A.* K voprosu o modelyax gosudarstvenno-cerkovny'x otnoshenij // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki»*. 2015. № 2. S. 101–105.

A.A. Dorskaya

Russian Constitutional and Legal Tradition of Freedom of Conscience Regulation

The article describes the main stages of formation and development of Russian legislation on freedom of conscience, as well as the different doctrinal approaches to its content. Examine options for the definition of freedom of conscience in the Soviet Constitution. It is shown that the freedom of conscience has evolved in the context of state-legal and then constitutional legal traditions of the Russian state.

Keywords: freedom of conscience; freedom of religion; Constitution; constitutional legal tradition; state-church relations; international legal standards.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В.П. Малахов

Природа и свойства нормативно-правового мышления

В статье на основе раскрытия природы нормативного мышления выясняются его свойства как типа правового мышления, позитивное и негативное значение в правообразовании, а также особенности его проявления в основных сферах действия права.

Ключевые слова: нормативность; нормативное мышление; тип правового мышления; регулирование; нормотворчество; правопонимание; правосудная сфера; правоохрана.

Нормативность — одно из выражений природы общественного сознания. Мышления, в котором полностью отсутствовал бы момент нормативного, нет.

Нормативность чужда миру природы по крайней мере по трем причинам: 1) все в природе существует только по непреложным ее законам; 2) неперемное условие существования всего живого — его избыточность, расточительность; 3) все, существующее в природе, исчерпывается своей наличностью, бытие всего существующего — только «здесь и теперь»; в природе есть только настоящее.

Человек как общественное существо, конечно, всегда существует, действует в конкретной ситуации, но никогда не «исчерпывается» ситуацией и обнаруживает себя в ней лишь частично; человек — в данном контексте не столько его наличность, сколько возможность быть человеком. Последнее придает человеку определенность. Нормативность (нормируемость) и есть один из способов обретения и сохранения определенности существования человека, общества в любой ситуации, как типичной, так и разовой.

Поскольку мышление связано с пониманием, нацелено на него, постольку нормативность должна быть определена как форма понимания реальности, а точнее, как форма самой этой реальности. По идее, нормативное мышление — мышление о реальности, ведущее к ее реконструкции в нормативном строе жизни.

Для нормативного мышления реальность такова, каковой оно может различать ее в действительности и одновременно домысливать сообразно своим установкам. Такими установками-очевидностями выступают в первую очередь следующие: 1) мир единообразен не только в своих законах, но и в существовании, и в предметной конкретности; 2) вне норм, оформленности ими реальности нет сознательного и деятельного присутствия человека в ней; 3) существенно общее, а не отдельное; 4) нормативность — универсальная форма организации общественной жизни; 5) нормативность придает действительности определенность и постоянство.

Нормативность можно понять, давая характеристику закономерности, поскольку нормативность — одна из форм закономерности, а именно она порождается в тот момент, когда динамическая закономерность, в которой заключена исключительно необходимость, и статистическая закономерность как форма существования случайного оказываются неразрывно связанными.

Нормативность может быть как следствием отражения объективных связей и процессов, так и результатом, продиктованным соображениями разума, который, как известно, не всегда реалистичен и дальновиден. Нормативное мышление в его общепринятом понимании — не только нахождение образцовых свойств, выделение их из всего множества свойств и в известной мере обособление, а также не только обнаружение закономерного, но и наделение чего бы то ни было такими свойствами.

Нормативное мышление по своей природе имеет свою особенность в придании случайному, а точнее — совокупности, череде случайностей (разовостей) свойств необходимого и повторяемого (неоднократно и повсеместно воспроизводимого). Такое становится возможным при условии отвлечения от индивидуального, содержательного, неразличения его. Единичное и общее в этом мышлении четко не разделены, и существует реальная возможность, нередко превращающаяся в тенденцию, отождествления единичного и общего. При этом сохраняется возможность тиражирования единичного, ситуативного как образцового условия, т. е. искусственного (намеренного, произвольного) наделения единичного свойствами регулярного.

Нормативное мышление — далеко не только мышление о нормах, в первую очередь оно — способ порождения нормы [1: с. 76–79]. Но это еще не значит, что понимание природы и логики нормы целиком заключено в понимании природы и логики нормативного мышления. Обретая реальность, т. е. артикулируясь и действуя, норма существует по своим законам, хоть и связанными с нормативным мышлением, но не исчерпанными ими [5: с. 234–261]. Так, если норма предполагает исключение и даже немыслима без него, а, значит, всегда существует возможность свободы выбора, то нормативному мышлению все это, в сущности, претит, и наличие исключений рано или поздно приводит к трансформации в нормативное мышление с существенной императивной направленностью. В частности, в сфере действия юридического

(государственного, официального, установленного и т. д.) права обнаруживается родство нормативного мышления с бюрократическим мышлением.

Нормативное мышление о реальности существует за счет дистанцирования от нее и в той или иной степени за счет противопоставления ей. Мера (величина) дистанцирования трудно определима и непостоянна, она зависит от множества факторов объективного и субъективного характера; это и правовая, и этическая проблема.

Нормативное мышление создает и поддерживает «систему координат», нормативные структуры разной степени жесткости в зависимости от того, какова общественная форма нормативного мышления — моральная, правовая, политическая, экономическая. В сравнении с ним, например, ценностное мышление связано с поиском векторов движения в сформированной нормативной системе координат.

Нет нормативного мышления вообще, кроме как в абстракции, и природа нормативного мышления как такового представляет исключительно умозрительный (спекулятивный) интерес. Если же характеризовать нормативное мышление в его действительности, в действии, тогда теоретический анализ должен быть конкретизирован, связан с нормативным мышлением в той или иной его общественной форме.

Чтобы установить, каковы характерные свойства нормативно-правового мышления, его особенности в совокупности типов правового мышления, необходимо рассматривать их связь с типами правопонимания.

Правопонимание — не формальная, а содержательная проблема, а потому оно может быть охарактеризовано в целом как отражение определенного типа ценностного мышления. Нормативистское правопонимание формируется на основе ценностно-обобщающего мышления, социологическое — на основе ценностно-конкретизирующего мышления, естественно-правовое — на основе ценностно-абсолютизирующего (абстрагирующего) мышления. Ценностно-абсолютизирующее мышление — философское, ценностно-конкретизирующее — инструментальное (праксиологическое), а ценностно-обобщающее и есть, в сущности, нормативное мышление. Вследствие этого проблема нормативно-правового мышления — проблема преимущественно юридическая, а не социологическая и не естественно-правовая.

Нормативное мышление может характеризоваться как в позитивном, так и в негативном плане. В своей действительности оно всегда предстает как определенное сочетание позитивных и негативных моментов. Идеальным или полностью деструктивным оно не бывает никогда.

Достоинства нормативного мышления проистекают из оптимального сочетания разных социально-духовных компонентов, прежде всего нравственного и правового, от их содержательной наполненности. Индикатором такой оптимальности является эффективность, способность отражать существенное и объективно необходимое в социальной реальности, насыщать общественные отношения

нормированным как нормальным. Позитивным в нормативном мышлении является то, что оно обнаруживает и обеспечивает непрерывность и устойчивость правовой жизни, самовоспроизводящийся осмысленный порядок.

Нормативное мышление, устанавливая права и обязанности, оценивается позитивно, когда эти права стабильно сбалансированы и не ущемляют и не обесценивают права человека.

Негативные черты нормативно-правового мышления порождаются абсолютизацией формального момента и его гипертрофированной способностью к конструированию правовой реальности. Индикатором негативного влияния нормативно-правового мышления на реальность является явное преобладание принудительности нормативного строя, перенасыщение общественных отношений нормированностью.

Указанная возможность абсолютизации формального момента характеризует исключительно нормативно-правовое мышление. Склонность (безудержная тяга) к превращению нормирования реальности в практику непрерывного конструирования и переконструирования общественных отношений и правопорядка, исходя преимущественно из соображений должностования, свойственна только юридическому праву. Всем формам нормативности чужда механистичность и положительная обратная связь в самовоспроизводстве, кроме права в юридической форме [4: с. 57–63]. В чем это выражается конкретно?

1. Нормативно-правовое мышление имеет тенденцию к неразличению существенного и несущественного, разового и массовидного. Превышение меры нормального ведет к превращению единичного в нормативно существенное.

Как следствие, нормативное мышление заполняет правовую жизнь избытком правил, порядков, полагаясь на то, что если хоть какая-то часть их срабатывает нормально, тогда расточительность нормирования оправдана. Если же это возможно только на основе действия механизма принуждения, тогда, как и в природе, в правовой сфере начинается деградация.

Будучи исчерпанным нормативностью, право оказывается лишь совокупностью самодовлеющих правил. Право неотвратимо отождествляется с совокупностью правил-требований.

2. Нормативное мышление лежит в основе регулирующего воздействия права. Правило является адекватным выражением нормативного.

По своей природе регулирование есть возвращение (или принуждение) к правилу. Однако нормативное мышление имеет тенденцию превращать регулирование в нормотворчество. Это возможно в числе прочего, потому, что творческое мышление само по себе не является альтернативой мышлению нормативному и в определенном смысле может быть понято как форма выражения конструирующей способности нормативного мышления [1: с. 97]. Творческий момент нормативного мышления заложен в нормотворчестве.

Нормотворчество — не правовой, а общесоциальный феномен. Правовое нормотворчество — лишь одна из форм нормотворчества, характеризующаяся рядом особенностей, и протекает оно всегда лишь в одной из своих форм. Тем не менее очистить правовое нормотворчество полностью от «инородных» вкраплений невозможно. Особенно если это касается нормотворчества в рамках неюридических форм права. Представляется, что в нормотворчестве в рамках обычного права доминирует связь правового и нравственного моментов, а в рамках международного права — связь правового и политического моментов.

Юридическое нормотворчество также не свободно от связи с другими формами нормотворчества, но «степень очищенности» и мера необходимого в нем самые высокие.

Юридическое нормотворчество материализуется в нормативных актах, в которых норма всегда выражена и присутствует частично; сама же норма не обязательно выражает нормальное [3: с. 91].

Постоянное и интенсивное замещение нормального нормированным вымывает нормальное из правовой жизни. Само же нормальное вырастает из правовой практики и лишь частично является результатом контролируемого и моделируемого процесса [3: с. 87–88].

3. Нормативно-правовое мышление создает организационно-техническую основу социального управления (воплощается в юридическую технику, которая имеет тенденцию замещать собой все действующее право), но не является средством или способом управления. Социальное управление, в том числе и в правовой сфере, имеет властный характер. Но властное воздействие не нормативно.

Возрастание управленческих начал в воздействии на общественные отношения по идее должно вести к уменьшению значимости нормативности; это соответствовало бы природе и нормативного, и управленческого начал в общественной жизни. Но на практике связь иная, положительная обратная: наложение нормативности на управление лишает последнее конкретности, само же нормирование сводится к регламентации. В результате, рано или поздно, достигается такой уровень заорганизованности правовой жизни, который лишает подвижности как управление, так и право. Превращение нормативного мышления в регламентирующее разрушительно как для общества, так и для государства.

4. Другое следствие этого процесса — превращение правового существа в нормативное существо, живущее в «усеченной» реальности, в которой различаемая и ценимая часть человека, возможно, не самая важная для характеристики человека как субъекта права, но важная и достаточная для его принятия в качестве элемента правоотношения. Это означает конец его индивидуальности, в том числе и конец индивидуального права.

5. Нормативно-правовое мышление — основа фиктивного мышления, порождающего реальность, заключающую в себе только постулирование и императивность. Нормативное как нормальное, целесообразное превращается в обязательное. Разница между нормативным и императивным мышлением очень неотчетливая и неуклонно стирается [2: с. 269–280].

6. Как следствие, нормативность в праве тяготеет к закономерности, отвергающей, осуждающей, повторим, исключения, т. е. тяготеет к законности. Но законность — уже лишь крайность нормативного, т. е. то, что уже не знает меры, а значит, и сущности правового.

Определенная государством законность исчерпывается нормативностью, поэтому она императивна. Законность же общественная не сводится к нормативности, она носит праксиологически-ценностный характер.

7. Нормативное действие права порождает (и предполагает) условно-рефлекторное реагирование и не требует нерутинных решений, полагается на условно-рефлекторную деятельность физических и юридических лиц, делает живое правосознание излишним, а постепенно и вовсе выводит его из правовой сферы или сводит его только к отражению действительности.

8. Чрезмерность нормативного мышления порождает внутренне противоречивое правовое состояние общества и государства. Нормативность является и способом самоорганизации, и путем к саморазрушению права [2: с. 158–163]. Поэтому право должно быть понято и как форма ограничения избыточной активности нормативного мышления.

Значение и характер нормативного мышления зависят от того, в рамках какой формы права оно осуществляется [4: с. 49–51].

Для юридического права характерно абсолютизированное нормативное мышление, порождающее установленные отношения. Для обычного права характерно традиционное мышление, ориентированное на самодостаточность повторяемости и неизменности; здесь нормативное отражает нормальное. В сфере международного права господствует установочное мышление, по отношению к которому нормативность предстает как вторичность и внешность. Индивидуальное право опирается на притязательное, ненормативное мышление, а именно на мышление ценностно-праксиологическое. Нормативное мышление в его рамках — не нормирующее (не нормообразующее), а лишь мышление о нормах, или в каркасе существующих норм.

Специфика нормативного мышления обусловлена, в числе прочего, сферой правовой практики, в которой оно проявляет себя.

В правосудной сфере существует возможность содержательного, индивидуализированного нормативного мышления. Оно не ведет с неизбежностью от нормотворчества к законотворчеству, но в первую очередь обеспечивает воспроизводство самой правосудной сферы, что, собственно, и порождает сознание действительного права. Мера нормативности выдерживается, если не начинают действовать внешние неправомерные механизмы. Положительная обратная связь для нормативного мышления в данной сфере не характерна, если вообще возможна.

В сфере законотворчества функционирует корпоративное, обезличенное, формализованное нормативное мышление, определенное неправомерными факторами, главным образом политическими. Юридическое мышление не является обязательным, не переменным и сводится к процессуальному, техническому.

Нормативистское мышление абсолютизирует формальность. Превалирует развертывание нормативного мышления на основе положительной обратной связи, что и характеризует законотворческую сферу как источник нормирующего перегруза правоотношений.

В сфере правоохраны нормативное мышление не имеет определяющего характера и имеет тенденцию к подмене его регламентирующим (организационно-техническим) мышлением, что в целом может быть охарактеризовано как трансформированное профессиональное правосознание. Здесь очевидна абсолютизация формы, в том числе внешней формы (видимости).

Литература

1. Варламова Н.В. Нормативность права: проблемы интерпретации // Правовая коммуникация и правовые системы. Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 76–116.
2. Исаев И.А. Нормативность и авторитарность. Пересечения идей. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 432 с.
3. Малахов В.П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 144 с.
4. Малахов В.П. Право в контексте форм общественного сознания. Принцип правопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 159 с.
5. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. 380 с.

Literatura

1. Varlamova N.V. Normativnost' prava: problemy' interpretacii // Pravovaya kommunikaciya i pravovy'e sistemy'. Trudy' Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2013. № 4. S. 76–116.
2. Isaev I.A. Normativnost' i avtoritarnost'. Peresecheniya idej. M.: Norma: INFRA-M, 2014. 432 s.
3. Malaxov V.P. Obshhaya teoriya prava i gosudarstva. K probleme pravoponimaniya. M.: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2013. 144 s.
4. Malaxov V.P. Pravo v kontekste form obshhestvennogo soznaniya. Princip pravoponimaniya. M.: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2015. 159 s.
5. «Normativny'e sistemy'» i drugie raboty' po filosofii prava i logike norm. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2013. 380 s.

V.P. Malahov

The Nature and Properties of Legal and Regulatory Thinking.

The properties of legal and regulatory thinking, its positive and negative value in law-making process and particularities of its aspects in the fields of law are clarified on the basis of the disclosure of the nature of legal thinking.

Keywords: normalization; legal and regulatory thinking; a type of legal thinking; regulation; rule making; legal consciousness; legal sphere; law protection.

М.Н. Марченко

Влияние римского права на формирование и развитие романо-германского права

В статье рассматривается круг вопросов, касающихся влияния римского права на процесс формирования и развития романо-германского права. Особое внимание уделяется его влиянию на эволюцию судейского права как составной части романо-германского права.

Ключевые слова: право; римское право; романо-германское право; эволюция; судейское право.

Одним из ключевых вопросов, касающихся изучения национальных правовых систем и правовых семей, является вопрос о факторах, оказавших значительное влияние на процесс их формирования и последующего развития.

В отношении романо-германского права можно с уверенностью сказать, что таким решающим фактором оказалось римское право, его принципы и «дух», активно проявлявшиеся и оказывавшие постоянное воздействие на европейское право на всех этапах развития европейского сообщества.

Оказывая постоянное и весьма активное воздействие на романо-германское право как на некое целостное образование, состоящее из многочисленных составных частей — национальных правовых систем, правовых институтов, традиций, обычаев и проч., римское право тем самым оказывает такое же влияние и на его отдельные части, включая судейское право. Это вполне закономерно по крайней мере в двух отношениях: 1) *в общефилософском плане*, поскольку воздействие на целостное образование не может не затронуть и составляющих его частей; 2) *в юридическом отношении*, так как сама рецепция римского права, его интерпретация и «адаптация» его к новым условиям, в которых зарождалось и развивалось романо-германское право, осуществлялись в большинстве своем с помощью судов.

В научной литературе в связи с этим обоснованно утверждается, что в Средние века, в «эпоху варварских правд и капитуляриев», прецедент играл большую роль в качестве источника уголовного и других отраслей права, что «судебный приговор почти не отличался по своему значению от законов» и что «рецепция римского права была осуществлена в середине XV века решениями судов» [5: с. 101–102].

Именно решения судов в первую очередь имели большое значение для адаптации и интерпретации римского права применительно к новой экономической

и социально-политической среде, хотя это вовсе не умаляет важности той роли, которую выполняли в процессе рецепции римского права и другие институты. Например, различные законодательные органы использовали при подготовке и принятии новых законов устоявшиеся принципы римского права и отдельные правовые институты; в западноевропейских университетах изучалось и «пропагандировалось» римское право и т. д.

В процессе воздействия римского права на развитие романо-германского, а в его рамках — судейского права проявились на разных этапах эволюции западноевропейского общества *два основных начала, две ярко выраженные тенденции развития римского права.*

Одно из них неизменно ассоциировалось с проявившейся на более поздней стадии развития римского права *кодификацией* законодательных актов и, как справедливо отмечают исследователи, «легло в большей или меньшей степени в основание важнейших кодификаций частного права, появившихся на свет в конце XVIII и в течение XIX столетий», таких, например, как прусское земское право, Code civil, Саксонское гражданское уложение, новое Гражданское уложение Германской империи, Свод местных узаконений прибалтийских губерний и др. [1: с. 48]. Данное начало — весьма важная черта римского права, которая, отражаясь и трансформируясь в структуре и содержании романо-германского права, оказывала и оказывает огромное влияние на процесс его развития и совершенствования на всех его более поздних, включая современный, этапах эволюции.

Как отмечается в связи с этим в западной юридической литературе, до сих пор в странах континентальной Европы и в других странах романо-германского права, наряду с многочисленными кодификациями послевоенных (после Второй мировой войны) лет, действуют старейшие «естественно-правовые кодексы» — Гражданский кодекс Франции (1804 г.) и Австрийский Гражданский кодекс (1911 г.), появлению которых предшествовал Гражданский кодекс Пруссии 1794 г. [24: с. 19].

И хотя некоторые авторы явно недооценивают степень влияния позднего римского, отчасти кодифицированного права, выступавшего в виде Кодексов Юстиниана, Грегориана, Гермогениана, Феодосия и др. [3: с. 250–255], на позднее романо-германское право, утверждая, что «римское право никогда не было кодифицированным» и что оно всегда «больше ассоциировалось с английским общим правом, нежели с современным континентальным частным правом» [21: с. 1591], факты остаются фактами: кодификация права как специфический исторический феномен, порожденный римским правом, оказала огромное влияние на характер, особенности развития и другие стороны романо-германского права.

Возродившись в западноевропейском обществе и его правовой среде в конце XVIII – начале XIX вв. вместе с появлением так называемых национальных государств, государств-наций (nationstate), идея кодификации и ее

реализация на базе романо-германского права достигла апогея в настоящее время. Последнее подтверждается не только весьма активной и широко охватывающей кодификацией правового массива на уровне отдельных государств и правовых систем, но и на уровне их объединений, в частности, Европейского Союза. Принятие конституции данного объединения рассматривается лишь как первый весьма важный шаг на пути дальнейшей интеграции Союза и унификации законодательств государств — его членов.

Если разработка и принятие в начале XIX в. Кодекса Наполеона способствовала систематизации и унификации обычного права во Франции, где на момент принятия Кодекса было более шестидесяти территориальных единиц со своими обычаями, а также в других европейских государствах, где существовали свои «обычные» правила, далеко не одинаково регламентировавшие отношения, касающиеся права собственности, наследства, семейных и других отношений, то разработка и принятие в настоящее время «Общеввропейского кодекса частного права», несомненно, способствовали бы систематизации и унификации существующего в разных государствах, входящих в Европейский Союз, статутного права.

Наряду с кодификацией как одним из начал, или одной из тенденций развития римского права, оказавшей заметное влияние на развитие романо-германского права, в римском праве существовала и другая тенденция, не менее важная и аналогичная ей по своему характеру и степени воздействия на романо-германское право, а именно *тенденция закрепления и развития судебного правотворчества*. Эта тенденция, будучи связанной с развитием судебного правотворчества и, соответственно, судейского права, *ассоциируется в основном с преторским правом*.

Преторское право, как известно, было характерно для так называемого предклассического (середина III в. до н. э. — I в. н. э.) и классического (I—III вв. н. э.) периода истории римского права [3: с. 240].

Идея судебного правотворчества, заложенная и отчасти реализованная в преторском праве, была столь мощна и универсальна с точки зрения ее исторической, теоретико-правовой и практической востребованности, что она, оказав заметное воздействие на романо-германское право, особенно на ранних стадиях его становления и развития, продолжает оказывать на него определенное влияние до сих пор.

В научной юридической литературе по данному вопросу нет единого мнения. Одни авторы, занимающиеся проблемами судейского права, в принципе не отрицая значимости римского преторского права для становления и развития «судейско-правового» аспекта романо-германского права, сводят его влияние лишь к незначительному воздействию идей древнеримского судейского права на романо-германское право. При этом иногда особо подчеркивается, что судейское право не только не значится среди «источников» романо-германского права, но, наоборот, всячески отрицается его существование в качестве такового. Сложилась даже своеобразная традиция («новая традиция») отвергать

не только факт существования и функционирования судейского права в системе романо-германской правовой семьи, но и саму идею существования такового [14].

Другие же авторы, наоборот, не только не отвергают и не умаляют значения римского права вообще и римского преторского права в частности для становления и развития романо-германского и судейского права, а всячески подчеркивают их неразрывную связь, огромное влияние теории и практики римского преторского права на романо-германскую правовую семью [22: с. 6–8].

Значение римского права, писал Р. Иеринг, заключается в том, что «оно произвело полный внутренний переворот, преобразовало все наше юридическое мышление. Римское право сделалось, так же как христианство, культурным элементом нового мира» [2: с. 2]. Цитируемый ученый особое внимание уделял важности влияния на данный процесс идей, касающихся римского правосудия и преторского права [2: с. 145–151].

Аналогичный подход к оценке роли и значения римского преторского права в отношении романо-германского права разделяли и использовали также многие другие авторы [7; 20].

С момента своего появления и постепенного выделения среди других правовых семей, самоидентификации по отношению прежде всего к англосаксонскому праву, романо-германское право развивалось далеко не равномерно. На каждом этапе развития романо-германской правовой семьи можно найти следы воздействия на нее самых различных идей римского права и самых различных свойственных ему тенденций.

Вопрос о том, является ли судья «простым счетным или логическим механизмом» в процессе применения права, должен ли он всегда и при всяких условиях быть только истолкователем и применителем закона, или же перед лицом конкретных жизненных обстоятельств ему должна быть предоставлена более самостоятельная и более творческая роль, в том числе в сфере правотворчества — этот вопрос проходит красной нитью через всю историю романо-германского права, включая современность. Он приобретает особую остроту в тех случаях, когда закон ощущается как несправедливый или когда он становится в силу тех или иных жизненных условий применительно к конкретному случаю несправедливым. «Закон, как бы совершенен он ни был в момент своего издания, — писал И.А. Покровский, — с течением времени может даже вообще превратиться в сплошную несправедливость» [4: с. 92]. Кроме того, в любом законе можно найти пробелы, возникающие «часто просто потому, что в момент своего издания закон еще не имел перед собой тех жизненных явлений, которые разворачивались впоследствии» [4: с. 92].

В связи с этим возникает проблема *характера взаимоотношений в рамках романо-германского права суда и закона*. Суть ее вкратце сводится к следующему: должен ли судья, скажем, при рассмотрении конкретного гражданского дела применять закон в строгом соответствии с его текстом даже тогда, когда это применение «приводит *in concreto* к явной несправедливости»? Или же,

напротив, судьям и суду «должно быть предоставлено более свободное положение», заключающееся в наделении суда правом «более свободного истолкования, восполнения и *даже исправления закона* сообразно требованиям справедливости и велениям судейской совести?» [4: с. 92].

Иными словами, вопрос ставится таким образом: а) должен ли суд применять закон даже тогда, когда он явно устарел и когда применение его далеко не согласуется со справедливостью, или не должен? б) следует ли наделять суд в целях достижения единства закона и справедливости, а также устранения пробелов, неясностей и других « пороков » действующего законодательства правотворческими функциями, или не следует?

Применительно к романо-германскому праву, точнее — к истории его становления и развития, данный комплексный по своему характеру вопрос, как свидетельствуют научные исследования, на разных этапах развития этой правовой семьи решался далеко не одинаково [9; 15].

Отмечая в связи с этим, что проблема соотношения суда и закона, сводящаяся в конечном счете к вопросу о судебном правотворчестве, «давала себя чувствовать уже в античном мире, в правовой истории Греции и Рима» и что эта проблема все время стоит и «перед новыми народами, начиная от эпохи раннего Средневековья, от того момента, до которого может только проникнуть наш исторический взгляд», И.А. Покровский вполне обоснованно констатировал: «В истории западноевропейского права могут быть отмечены периодические колебания в разрешении этой проблемы» [4: с. 93].

Есть моменты, подчеркивал автор, «когда жизнь и юриспруденция требуют строгого и неукоснительного подчинения судьи закону, полного воздержания его от всякой оценки и исправления закона сообразно своим представлениям о справедливости; и есть, с другой стороны, эпохи, когда торжествует тенденция противоположная: судье предоставляется право не только широкого толкования закона, но даже и его исправления *in concreto*» [4: с. 93].

Чем обуславливается смена этих «эпох» и что лежит в основе того, что на одних этапах развития романо-германского права предпочтение отдается судебному правотворчеству и, соответственно, судейскому праву, а на других все обстоит как раз наоборот? Почему, например, в системе французского права, составляющей сердцевину романо-германского права, в период между 1600 и 1750 гг., а точнее — вплоть до Великой французской революции (1789–1794), как отмечают исследователи, широко, «даже больше, чем в Англии в этот период, использовалось прецедентное (*case law*)», или, что одно и то же, судейское право, а после революции на судебное правотворчество и даже на свободное толкование Кодекса Наполеона и других законодательных актов, был наложен официальный запрет? [14: с. 126].

Пытаясь ответить на этот и аналогичные вопросы, касающиеся причин разного отношения к судебному правотворчеству и судейскому праву на разных этапах развития романо-германского права и в разных странах, относящихся к данной правовой семье, некоторые авторы приходят к выводу о том, что главной причиной

этого является *разный уровень воздействия соответствующих традиций римского права на романо-германское право в целом в разные периоды его развития, а также на формирующие его национальные правовые системы*. Так, если в Германии в силу политических и иных причин, особенно в конце XV в. наблюдается активная рецепция римского права и, соответственно, усиленное «внедрение» в правовую систему страны традиций римского права, то подобного не происходит в скандинавских странах, в России и на Балканах.

Другие исследователи при рассмотрении причин неодинакового воздействия «судебно-правовых» и иных традиций римского права на романо-германское право и относящиеся к нему национальные правовые системы видят их *исключительно в национальных традициях и обычаях — в их самобытности и самодостаточности* [8: с. 2–18].

Довольно типичными при этом являются рассуждения о том, что национальные традиции и обычаи «перебивают» в процессе своего воздействия на ход развития национального права не только традиции других, параллельно существующих с ним правовых систем, но и традиции римского права. Причем это касается, по мнению авторов, придерживающихся данной точки зрения, не только прошлого или настоящего, но и будущего романо-германской правовой семьи.

Дискутируя по поводу того, кто будет законодательствовать в Европе в XXI в. — парламент, суд или другие государственные (межгосударственные) органы, исследователи апеллируют прежде всего к национальным традициям в данной сфере. А эти *весьма разнообразные традиции*, например во Франции (периода Наполеона), отдавая предпочтение парламенту, сводятся в конечном счете к формуле: «*Верь только законодателю и остерегайся судей, ибо они извращают действующие законы (кодексы)*» [9: с. 135].

В Англии традиционно постулируется — «*верь только судьям, ибо только они являются истинными стражами права и правопорядка*». В Германии периода господства исторической школы права, когда в качестве одного из важнейших источников права рассматривалась правовая доктрина — «*верь только образованным юристам, ибо только они способны быть настоящими проводниками во всех хитросплетениях («зарослях» — thickets) права*» [9: с. 135].

Исходя из всего разнообразия национальных правовых традиций, существующих в рамках романо-германского права и оказывающих на него и на судебское право на всем историческом пути их развития, по мнению авторов, разделяющих рассматриваемую точку зрения, «решающее воздействие», а также учитывая тот факт, что традиции ни одной из отдельно взятых национальных правовых систем сами по себе не могут предопределить путь дальнейшего развития романо-германского, а точнее — западноевропейского права, последнее с неизбежностью должно сочетать в себе нечто общее, состоящее из наиболее действенных традиций различных национальных правовых систем [9: с. 135].

Существует группа исследователей, пытающихся найти адекватный ответ на вопрос о причинах разного отношения к судебному правотворчеству и судебскому праву на разных этапах развития романо-германского, а точнее —

западноевропейского права, которая видит эти причины *в изменении «от эпохи к эпохе» «естественно-правового настроения».*

Положительное или, наоборот, негативное отношение общества и соответственно общественного мнения к судебному правотворчеству и судебскому праву, пишет в связи с этим один из сторонников данного подхода И.А. Покровский, «находится в известной зависимости от падения или повышения естественно-правового настроения» [4: с. 93]. Замечено, продолжает автор, что «чем сильнее отрицательное отношение к позитивному праву, чем распространеннее вследствие этого симпатии к праву естественному, тем больше у судов склонности признавать справедливость (aequitas, которая отождествляется с jus naturale) непосредственным источником права, способным восполнять и даже исправлять положительный закон» [4: с. 93].

Так, поясняет И.А. Покровский, если первая и почти вся вторая половина XVIII в. — века «наибольшего подъема этого естественно-правового настроения», века «пестроты положительного права и его отсталости от требований жизни, выросшей из рамок старого феодального строя» — способствовали «установлению чрезвычайно свободного представления судов о своей роли», согласно которому они «под видом восполнения законов» проводили в жизнь то, что «им казалось вытекающим из принципов естественного права», то уже к концу XVIII в. в основном в силу того, что «широкая свобода судов приводила к развитию безграничного судейского субъективизма» и усилению непосредственности права, «от которой вообще страдал XVIII век», — в силу этих и других причин «окрепла тенденция усилить зависимость судов от закона» и тем самым ослабить их полномочия не только в сфере правотворчества, но даже в области толкования законов [4: с. 93].

Эта тенденция, резюмировал автор, «сказалась одинаково во всех руководящих государствах континентальной Европы» [4: с. 93]. Результатом ее стало жесткое ограничение судов исключительно правоприменительной деятельностью; запрещение судам «черпать нормы для своих приговоров» из естественного права, из «общих представлений о справедливости, целесообразности и тому подобных, вне закона лежащих инстанций»; признание только позитивного закона «источником судебного решения» [4: с. 95].

Такого рода тенденция по отношению к судебной власти и ограничению ее правотворческих и интерпретационных функций, как свидетельствуют исторические факты [7: с. 228–240], осуществлялась «во всех руководящих государствах континентальной Европы» почти все XIX столетие. Однако она не могла быть вечной, а тем более неизменной при резко изменяющихся жизненных обстоятельствах как в пределах XIX в. — века «чрезвычайно интенсивной государственно-правовой жизни», так и во всех последующих столетиях.

Под влиянием целого ряда экономических, социальных, политических и иных факторов, вызвавших необходимость пересмотра многих, в том числе юридических конструкций, социальная роль и значимость данной тенденции, входящей в противоречие с реальной действительностью, начали постепенно угасать.

Вместо ослабевающей тенденции и уходящей вместе с ней судебно-правовой конструкции появились их новые, отражающие резко изменившуюся реальность и выражающие новые «естественно-правовые настроения» варианты [10]. Суть их сводится к следующим двум постулатам, один из которых касается оценочной характеристики *закона*, а второй — *суда*.

Закон, по справедливой оценке И.А. Покровского и других авторов, «даже самый обширный, даже представляющий весьма полную кодификацию, неизбежно имеет пробелы», поскольку, несмотря «на все свое старание», он не может охватить собой все многообразие жизни [4: с. 93]. Кроме того, отмечает ученый, закон, «даже самый совершенный, неизбежно отстаёт от жизни», поскольку «раз изданный, он остается неподвижным», в то время как жизнь «идет непрерывно вперед, творя новые потребности и новые отношения». Искать для этих новых явлений решения в старом законе, даже в его общем духе, заключает автор, это значит «либо насиловать жизнь, либо создавать из этих ссылок на закон очевидную фикцию, недостойную высокого положения суда» [4: с. 96].

Что же касается оценочной характеристики *суда*, то, как замечает И.А. Покровский, «несмотря на всякие учения о безусловном главенстве закона, в действительности судья никогда не был и никогда не может стать простым механическим правоприменителем закона». Его деятельность всегда носит творческий характер, и не замечать этого — значит «создавать себе вредную фикцию, закрывать глаза перед неустранимой реальностью» [4: с. 96].

Из общей характеристики закона и суда автором делается вывод, что «закон и суд — не две враждебные силы, а два необходимых фактора юрисдикции», имеющих одну и ту же цель, для достижения которой «закон нуждается в живом дополнении и сотрудничестве в лице судьи».

Стремясь «примирить» закон и суд, придать последнему не только правоприменительные, но и *фактически* ограниченные правотворческие функции, И.А. Покровский с определенной долей пафоса заключает: «И нечего бояться этой творческой деятельности судьи», ибо он «не в меньшей степени, чем законодатель, сын своего народа и своего времени и в не меньшей степени носитель того же народного правосознания» [4: с. 96].

Не затрагивая других аспектов, оказавших влияние на процесс становления и развития романо-германского, а в его рамках — и судейского права на разных этапах их эволюции, следует лишь обратить внимание на то, что ни один из этих факторов, как свидетельствуют комплексные исследования западноевропейской культуры [7], никогда не проявлялся только сам по себе, в изоляции от других. Исходя из естественной взаимосвязи и взаимодействия многих существующих в мире явлений, «судебно-правовых» и иных идей, концепций и представлений, вполне понятно, что такой фактор, как основные начала, соответствующие тенденции и традиции римского права, оказавший огромное влияние на романо-германское и судейское право, не мог бы успешно функционировать вне тесной связи и взаимодействия с другими факторами — такими, как влияние на романо-германскую правовую семью со стороны традиции англосаксонской правовой семьи,

формирование и развитие ее собственных обычаев и традиций, формирование и периодическая (от эпохи к эпохе) смена в странах континентальной Европы «естественно-правового настроения» и др. Эти и другие им подобные факторы оказывают значительное влияние на эволюционное развитие романо-германского и судейского права в странах континентальной Европы на всех этапах их развития, включая современный.

Литература

1. *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 496 с.
2. *Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875.
3. История государства и права зарубежных стран: в 2 т. / под ред. Н.А. Крашенинниковой, О.А. Жидкова. Т. 1. М.: Норма, 2003. 720 с.
4. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2003. 351 с.
5. *Шаргородский М.Д.* Избранные труды. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. 313 с.
6. *Barnes H.* An intellectual and Cultural History of the Western World. N.Y., 1965. Vol. I.
7. *Barnes H.* An intellectual and Cultural History of the Western World. Vol. I. N. Y., 1965.
8. *Blankenburg E.* Patterns of Legal Culture: The Netherlands Compared to Neighbouring Germany // *The American Journal of Comparative Law.* 1998. № 1.
9. *Caenegem R.* European Law in the Past and the Future. Unity and Diversity over two Millennia. Cambridge, 2003.
10. *Davis M.A.* Government of Judges: An Historical Review // *The American Journal of Comparative Law.* 1987. Vol. 35.
11. *Dawson J.* Oracles of Law. L., 1968.
12. *Dworkin R.* Law as Interpretation // *Legal Reasoning* / Eds. by A. Aarnio, D. MacCormick Dartmouth, 1992. P. 527–529.
13. *Hartkamp A., Hesselink M.* (eds.) Towards a European Civil Code. Boston, 1998.
14. *Henn H.* Legal Traditions of the World. Sustainable Diversity, L. 2001.
15. International Encyclopedia of Laws. Vol. III. The Hague, 2000.
16. *Mollers Th.* The Role of Law in European integration // *The American Journal of Comparative Law.* 2000. Vol. 48.
17. *Raphael D.* Concepts of Justice. Oxford, 2001.
18. *Raban O.* Modern Legal Theory and Judicial Impartiality. N.Y., 2003.
19. *Rudden D.* A Source — Book on French Law. Oxford, 1994.
20. *Shuman S.* Legal Positivism Its Scope and Limitations. Detroit, 1963. P. 221–226.
21. *Srein P.* Roman Law Review. 1992. Vol. 66.
22. *Stromberg R.* European intellectual History Since 1789. Prentice Hall. New Jerseys, 1994. P. 6–8.
23. *Wiegand J.* The Role of Law in European Integration. *The American Journal of Comparative Law.* 1991. Vol. 39.
24. *Zimmermann R.* The Civil Law in European Codes // *Regional Private Laws and Codification in Europe* / Eds. by H. MacQueen, A. Vaquer, S. Espiau. Cambridge, 2003.

Literatura

1. *Grimm D.D.* Lekcii po dogme rimskogo prava / pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova. M.: Zerczalo, 2003. 496 s.
2. *Iering R.* Dux rimskogo prava na razlichny'x stupenya' ego razvitiya. SPb., 1875.
3. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhny'x stran: v 2 t. / pod red. N.A. Krasheninikovej, O.A. Zhidkova. T. 1. M.: Norma, 2003. 720 s.
4. *Pokrovskij I.A.* Osnovny'e problemy' grazhdanskogo prava. M.: Statut, 2003. 351 s.
5. *Shargorodskij M.D.* Izbranny'e trudy'. SPb.: Yuridicheskij centr-Press, 2004. 313 s.
6. *Barnes H.* An intellectual and Cultural History of the Western World. N.Y., 1965. Vol. I.
7. *Barnes H.* An intellectual and Cultural History of the Western World. Vol. I. N. Y., 1965.
8. *Blankenburg E.* Patterns of Legal Culture: The Netherlands Compared to Neighbouring Germany // *The American Journal of Comparative Law.* 1998. № 1.
9. *Caenegem R.* European Law in the Past and the Future. Unity and Diversity over two Millennia. Cambridge, 2003.
10. *Davis M.A.* Government of Judges: An Historical Review // *The American Journal of Comparative Law.* 1987. Vol. 35.
11. *Dawson J.* Oracles of Law. L., 1968.
12. *Dworkin R.* Law as Interpretation // *Legal Reasoning / Eds. by A. Aarnio, D. MacCormick* Dartmouth, 1992. P. 527–529.
13. *Hartkamp A., Hesselink M.* (eds.) Towards a European Civil Code. Boston, 1998.
14. *Henn H.* Legal Traditions of the World. Sustainable Diversity, L. 2001.
15. *International Encyclopedia of Laws.* Vol. III. The Hague, 2000.
16. *Mollers Th.* The Role of Law in European integration // *The American Journal of Comparative Law.* 2000. Vol. 48.
17. *Raphael D.* Concepts of Justice. Oxford, 2001.
18. *Raban O.* Modern Legal Theory and Judicial Impartiality. N.Y., 2003.
19. *Rudden D.* A Source — Book on French Law. Oxford, 1994.
20. *Shuman S.* Legal Positivism Its Scope and Limitations. Detroit, 1963. P. 221–226.
21. *Srein P.* Roman Law Review. 1992. Vol. 66.
22. *Stromberg R.* European intellectual History Since 1789. Prentice Hall. New Jerseys, 1994. P. 6–8.
23. *Wiegand J.* The Role of Law in European Integration. *The American Journal of Comparative Law.* 1991. Vol. 39.
24. *Zimmermann R.* The Civil Law in European Codes // *Regional Private Laws and Codification in Europe / Eds. by H. MacQueen, A. Vaquer, S. Espiau.* Cambridge, 2003.

M.N. Marchenko

**The Influence of Roman Law on the Formation
and Development of Romano-Germanic Law**

Article deals with the Problems of influence Roman Law on the Process of forming and developing Roman-German Law. The much Attention is paid to the Evolution of judicial — made Law as a part of Roman-German Law.

Keywords: law; Roman law; Romano-Germanic law; evolution of judicial law.

Д.А. Пашенцев

Социальное значение банковского законодательства Российской империи

В статье проанализированы некоторые особенности банковского законодательства Российской империи в пореформенный период. Подчеркивается социальная роль многих кредитных учреждений, создававшихся в тот период.

Ключевые слова: Российская империя; банк; кредитное учреждение; законодательство; социальное значение.

В современных условиях, когда либеральная модель правового регулирования экономических отношений показала свою несостоятельность в российских условиях, остро стоит вопрос о поисках новых путей развития, в том числе с учетом имеющегося исторического опыта. В связи с этим, представляется актуальным обращение к истории отечественного банковского права. Опыт России, как и некоторых других стран, показывает, что возможны иные пути развития банковской системы, чем ориентированная только на извлечение прибыли либерально-рыночная система. Например, на иных принципах строится работа исламских банков, которым шариат запрещает давать кредиты под проценты; предпринимаются попытки создания православных банков и т. д.

Кредитно-банковская система Российской империи имела ряд важных особенностей, которые до сих пор исследованы недостаточно. Прежде всего стоит отметить, что она создавалась по инициативе государства, которое достаточно жестко с помощью правовых норм регулировало и виды кредитных учреждений, и разрешенные им операции [1: с. 197]. При создании тех или иных видов кредитных учреждений законодатель преследовал не коммерческие цели, а целенаправленно стремился к развитию экономики и социальных отношений.

В 1860 г. был основан Государственный банк Российской империи, который стал центральным банковским учреждением страны. В отличие от современного Центрального Банка, который выступает «банком банков», то есть не ведет дела с физическими и юридическими лицами, за исключением кредитных организаций, Государственный банк Российской империи имел иной объем полномочий. Он создавался, прежде всего, как крупный банк коммерческого кредита, так как частных банков в тот период в стране практически не было, а развивавшаяся экономика испытывала острую потребность в кредитных средствах.

Законодательство в лице Устава 1860 г. устанавливало следующие полномочия Государственного банка Российской империи:

Во-первых, Государственному банку было разрешено осуществлять кредитование физических лиц и прием вкладов.

Во-вторых, он получил право учитывать векселя.

В-третьих, Государственный банк получил право осуществлять краткосрочное кредитование под залог.

В соответствии с Уставом 1894 г., Государственный банк получил право открывать кредиты земствам и городам, учреждениям мелкого кредита и кредитным товариществам. Особым нормативным актом регулировался порядок выдачи ссуд промышленным и сельскохозяйственным предприятиям, а также ремесленникам (Наказ для производства промышленных ссуд // Центральный исторический архив Москвы. Ф. 450 — Московская контора Государственного банка. Оп. 2. Д. 86. Л. 2–12).

Таким образом, круг банковских операций для главного кредитного учреждения страны был спланирован так, чтобы Государственный банк мог поддерживать развитие городского и земского самоуправления, отечественной промышленности, сельского хозяйства и мелкого кредита. Добавим, что в залог принимались только товары *российского* производства [2: с. 148]. Об этом говорилось и в Наказе Министерства финансов в 1894 г.: «Одна из основных задач предпринятой реформы Государственного банка заключалась в том, чтобы поставить банковый кредит в такие условия, при которых он проникал бы в мельчайшие каналы народного обращения и оказывал бы помощь одной из важнейших групп производителей — мелкому землевладельцу и мелкому промышленнику, а также мелким посредникам в торговле» (ЦИАМ. Ф. 450 — Московская контора Государственного банка. Оп. 2. Д. 86. Л. 77, об.).

С 1911 г. на Государственный банк Российской империи была возложена функция строительства и эксплуатации элеваторов и зернохранилищ. Это было направлено на увеличение заграничных поставок хлеба как одной из важнейших доходных статей внешнеторгового баланса страны [3: с. 268].

Еще одним видом кредитных учреждений, созданных совсем не на либеральных принципах, стали сословные банки: Государственный дворянский земельный банк и Государственный крестьянский поземельный банк. Данные учреждения были основаны правительством России для осуществления ипотечного кредитования на сословных началах.

Государственный Дворянский земельный банк в соответствии с Положением 1885 г. получил право выдавать ссуды исключительно потомственным дворянам. Сроки по таким ссудам устанавливались в 48 лет и 8 месяцев и в 36 лет и 7 месяцев, при этом размер ссуды не мог превышать 60 % оценочной стоимости закладываемого дворянского имения. Выплаты производились по полугодиям и включали в себя 2,5 % роста, 0,25 % или 0,5 % на погашение ссуды и 1/8 % на банковские расходы (Полное собрание законов Российской

империи. Собр. 3, т. 5. СПб., 1887, № 3016. С. 265–267). Ипотечный кредит на 48 лет под 4 % годовых — о таких условиях в современной России можно только мечтать!

Крестьянский Поземельный Банк был создан на основе Высочайше утвержденного Положения от 18 мая 1882 г. «для облегчения крестьянам всех наименований способов к покупке земли» (ПСЗ. Собр. 3. Т. 2. СПб., 1886. № 894. С. 219). Социальный характер данного кредитного учреждения проявился уже в самой цели его создания.

Крестьянский банк получил право выдавать ссуды как целому сельскому обществу, так и товариществам, образованным не менее чем из трех крестьян на основе взаимного поручительства, а также отдельным крестьянам. Размер выдаваемой ссуды не мог превышать 125 руб. на одну мужскую душу при общинном землепользовании и 500 руб. на отдельного домохозяина в случае подворного владения. Сроки выдаваемой ссуды устанавливались в 24,5 или 34,5 года. Погашение ссуды осуществлялось также по полугодиям на следующих условиях: рост составлял 2,75 %, на погашение ссуды, в зависимости от срока, шло 1 % или 0,5 %, на возмещение расходов банка — 0,5 %. В случае просрочки, не вызванной стихийным бедствием, предусматривалось взыскание пени в размере 0,5 % от неуплаченной суммы за каждый просроченный месяц (ПСЗ. Собр. 3. Т. 2. СПб., 1886. № 894. С. 220–221). Уставом Крестьянского банка от 27 ноября 1895 г. было разрешено пользоваться ссудами на одинаковых с крестьянами основаниях проживающим в сельской местности мещанам, которые постоянно занимались земледелием.

Наиболее социально ориентированным видом кредитных учреждений Российской империи можно считать сберегательные кассы, так как одной из основных целей их создания стало стремление правительства предоставить небогатым слоям населения возможность к сбережению средств и накоплению небольших денежных сумм, на которые начислялись проценты. Устав о городских сберегательных кассах от 16 октября 1862 г. прямо говорил, что эти кассы создаются с целью «приема небольших сумм на хранение, с приращением процентов, для доставления чрез то недостаточным всякого звания людям средств к сбережению, верным и выгодным образом, малых остатков от их расходов, в запас на будущие надобности» (ПСЗ. Собр. 2. Т. 37, отд. 2. СПб., 1865. № 38798. С. 216).

В 1889 г. были открыты фабрично-заводские кассы, а в 1891 г. — почтово-телеграфные кассы с целью привлечения новых вкладчиков из числа рабочих и сельского населения.

Важное социальное значение имели общественные банки — городские и сельские.

Городские общественные банки — это кредитные учреждения, которые создавались исключительно на городские средства либо пожертвования частных лиц. Они создавались по инициативе городского общества для кредитования мелких торговцев и небогатого городского населения.

Первый городской общественный банк в Российской империи был основан в 1788 г. в Вологде. В первое время вновь создаваемые городские общественные банки функционировали на основе своих уставов, которые в каждом случае утверждались императором, но увеличение их числа и расширение функций определили осознание необходимости принятия специальных нормативных актов. Такими актами стали Положения о городских общественных банках, принимавшиеся соответственно в 1857, 1862, 1912 гг.

В 1883 г. был принят закон «О порядке учреждения сельских банков и ссудо-сберегательных касс» (ПСЗ. Собр. 3. Т. 3. СПб., 1886. № 1336). В соответствии со статьей 1 этого акта министру финансов предоставлялось право разрешать создание сельских банков и ссудо-сберегательных касс, а также преобразовывать, в случае потребности, уже открытые вспомогательные и сберегательные кассы бывших государственных крестьян, крестьян удельного ведомства и жителей военных поселений. В виде источника необходимых средств для создания сельских банков и ссудо-сберегательных касс могли служить пожертвования частных лиц, а также средства земств и сельских обществ (ст. 2). Но в тех сельских населенных пунктах, где уже имелись открытые ссудо-сберегательные товарищества, прочие учреждения мелкого кредита могли создаваться только на основе специальных пожертвований частных лиц. Министру финансов было поручено принять по согласованию с министром внутренних дел правила, определявшие порядок деятельности, состав управления и структуру надзора для таких учреждений.

В соответствии с указанным законом в 1885 г. был утвержден Нормальный устав сельских банков. Этот устав представлял собой подзаконный нормативный акт, который в качестве цели создания сельских банков указывал предоставление крестьянам возможности получения ссуд для удовлетворения насущных потребностей хозяйства, а также получения ими дохода на имевшиеся сбережения (Положение об учреждениях мелкого кредита. СПб., 1914. С. 589). Минимальный основной капитал сельского банка устанавливался данным актом в 300 рублей, средства такого банка разрешалось расходовать только на выдачу ссуд. В соответствии со статьей 5 упомянутого Положения, свободные средства сельского банка дозволялось размещать в виде вкладов до востребования в конторах или отделениях Государственного банка. Также на них можно было покупать билеты Государственного казначейства, а также разрешалось сдавать их на хранение в уездное казначейство. Позже эта норма была изменена циркуляром МВД от 18 января 1897 г. № 3, который устанавливал обязанность сельских банков все свободные средства, за исключением необходимых для текущих операций, размещать в Государственном банке, или государственных сберегательных кассах, или покупать на них билеты Государственного казначейства (Положение об учреждениях мелкого кредита. СПб., 1914. С. 589).

Правительство Российской империи в рассматриваемый период придавало важное значение развитию мелкого кредита, так как справедливо видело в нем основу для развития местного хозяйства. В связи с этим, 7 июня 1904 г.

было утверждено новое Положение об учреждениях мелкого кредита (ПСЗ. Собр. 3. Т. 24, отд.1. СПб., 1907. № 24737). Цель создания учреждений мелкого кредита этот акт определял так: облегчать сельским хозяевам, земледельцам, ремесленникам и промышленникам, образованным ими артелям, товариществам и обществам, а также волостным, сельским и станичным обществам и крестьянским товариществам осуществление хозяйственных оборотов и приобретение сельскохозяйственного инвентаря за счет снабжения «их необходимыми для того денежными средствами, на банковых основаниях, и принятием на себя посредничества в их оборотах» (ПСЗ. Собр. 3. Т. 24, отд. 1. СПб., 1907. С. 672). Статья 2 определяла, что на основе данного Положения создаются следующие виды кредитных учреждений: 1) кредитные товарищества, 2) ссудо-сберегательные товарищества, 3) сельские, волостные и станичные общественные ссудо-сберегательные кассы, 4) земские кассы. Кроме того, на основе этого же Положения создавались вспомогательные и сберегательные кассы бывших государственных крестьян, сельские банки и другие тому подобные учреждения. Цель их создания та же, что и у перечисленных выше учреждений мелкого кредита, но при этом функционировали они на базе особых правил и частных уставов.

Анализ вышеприведенных нормативных актов показывает важные особенности развития банковской системы и банковского законодательства Российской империи в пореформенный период:

- 1) большинство видов кредитных учреждений создавались по инициативе правительства и при его активной поддержке;
- 2) формируя правовую основу для возникновения новых видов кредитных учреждений, правительство преследовало в первую очередь такую цель, как забота о развитии экономики и местного хозяйства;
- 3) целый ряд кредитных учреждений с самого начала создавался для решения социальных задач: поддержки целых сословий (дворян и крестьян) или помощи небогатым слоям городского и сельского населения.

Данный опыт может быть использован в современных условиях путем установления законодательной поддержки социально ориентированных кредитных учреждений, а шире — путем смены всего вектора развития отечественной банковской системы.

Литература

1. *Алехина Е.Л., Долакова М.И.* Система кредитных учреждений Российской империи во второй половине XIX века // Научное мнение. 2013. № 12. С. 193–197.
2. *Пашенцев Д.А.* Финансово-правовая традиция России. М.: Кнорус, 2015. 192 с.
3. *Пашенцев Д.А., Алехина Е.Л., Долакова М.И.* Финансовое право Российской империи: от идей к реализации. М.: АПКиППРО, 2012. 282 с.

Literatura

1. *Alexina E.L., Dolakova M.I.* Sistema kreditny'x uchrezhdenij Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX veka // Nauchnoe mnenie. 2013. № 12. S. 193–197.

2. *Pashencev D.A.* Finansovo-pravovaya tradiciya Rossii. M.: Knorus, 2015. 192 s.
3. *Pashencev D.A., Alexina E.L., Dolakova M.I.* Finansovoe pravo Rossijskoj imperii: ot idej k realizacii. M.: APKiPPRO, 2012. 282 s.

D.A. Pashencev

The Social Significance of Banking Legislation in the Russian Empire

The author analyses some features of banking legislation of the Russian Empire in the post-reform period. The social role played by various lending institutions created in that period is emphasized.

Keywords: the Russian Empire; banks; lending institutions; legislation; social significance.

И.Л. Честнов

Диалогическая методология юридической науки

В статье дан анализ состояния методологии современной юридической науки, раскрываются перспективы диалогической методологии юриспруденции. Диалог рассматривается как условие социальности и механизм воспроизводства правовой реальности. Показывается соотношение диалогической и коммуникативной методологии.

Ключевые слова: методология права; диалог; диалогическая методология; юридическая наука; правовая реальность.

Современная постклассическая методология — это не только учение о методах научного познания, но и описание и объяснение конструирования предмета научного исследования. Методология по большому счету задает онтологию как картину бытия объекта. Именно в таком ключе излагается в настоящем исследовании методология юридической науки, одним из важнейших вопросов которой — как можно помыслить право в постсовременном социуме? Не забегая вперед, следует констатировать, что право — сложное, многомерное явление. Его бытие, как и любого сложного социального явления, включает множество аспектов, образующих правовую реальность. Правовая реальность — аспект, момент или сторона социальной реальности, содержание которой — диалогичность. Если диалог — содержание социальности как таковой (а об этом пишут многие видные философы, мыслители и приводят серьезные аргументы в пользу этого утверждения), то он же является содержательным аспектом и права.

Диалогическая программа возникает в начале XX в. и знаменует собой один из вариантов неклассической философии. Во второй половине XX в. происходит «переоткрытие» диалогики (прежде всего, идей М.М. Бахтина) что совпало с приходом постклассической (или постнеклассической) парадигмы. Актуализация философских идей диалога была осуществлена во второй половине XX в. постструктуралистами в явной форме и представителями других течений гуманитарной мысли латентно (герменевтикой, антропологией, социальной феноменологией, дискурс-анализом, психологией, когнитивной и социальной лингвистикой). Многие из этих попыток актуализации диалога можно признать успешными, так как они привели к новым, оригинальным идеям, и именно они могут быть использованы для анализа бытия права.

Сопоставление основных положений постклассической эпистемологии и диалогической философии дает основание для констатации вывода, что

диалогическая программа онтологии социального бытия отвечает критериям постклассической методологии. Прежде всего, она выступает критикой по отношению к центральным предпосылкам — «нарративам» — философии модерна: идее прогресса, отменяющего ценность прошлого, т. е. убеждению, что более позднее по времени является более прогрессивным, и идее автономного самодостаточного субъекта. Можно утверждать, что для *постклассической методологии характерны: включение по принципу взаимодополнительности приемов и способов восприятия и оценки мира в социальное бытие или зависимость социального бытия от позиции наблюдателя; знаковая опосредованность социального мира; признание многомерности, неравновесности, вероятности вместо жесткого детерминизма; динамичность, процессуальность вместо статичности, жесткой структурности; сконструированность, а не жесткая заданность; релятивность и контекстуальность; человекоцентризм; интерсубъективность вместо реифицированного объективизма.* Вариантом постклассической методологии является диалогичность социального бытия, постулирующая его процессуальность, постоянную изменчивость, социокультурную обусловленность, незавершенность, включенность человека с его интенцией, идиосинক্রазией.

Таким образом, *социальный мир — это интерсубъективность, предполагающая интенциональность — ориентацию на Другого, соотнесение индивидуальной позиции с точкой зрения обобщенного Другого, в том числе в поведении.* Социальное бытие складывается из взаимодействий людей, включающих как внешнюю, материальную (собственно поведенческую) сторону, так и внутреннюю, ментальную или психическую. Благодаря рефлексии или психическому восприятию как социальной ситуации, так и себя в ней, обеспечивается возможность соотносить свои потребности и интересы с ожиданиями адекватности со стороны контрагента(ов). Собственно в этом и состоит *диалог как коммуникация, ориентированная на Другого.* Не любая коммуникация — диалог, а только такая, в которой человек соотносит свои потребности, интересы, цели и поведение с потребностями, интересами, целями и поведением Другого. *Диалог как взаимодействие людей включает, о чем речь шла выше, как внешнюю сторону (поведение), так и внутреннюю (внутренний диалог, о чем много размышлял В.С. Библер).* Эти две стороны взаимообуславливают друг друга, сами находятся в диалогическом отношении (диалог сознания и поведения человека).

Внутренний диалог, в том числе и диалог с текстом, предполагает интенцию или реализацию во внешнем диалоге — взаимодействии с Другим, реализацию в дискурсивных («проговариваемых») практиках. Принятие и признание точки зрения Другого¹, реализованное в социальных взаимодействиях, — условие существования, воспроизводства социума.

¹ Принятие и признание точки зрения Другого отнюдь не является гарантией бесконфликтности общественных отношений, но дает возможность (хотя бы потенциальную) для разрешения конфликтов.

Таким образом, внутренний диалог возможен между человеком и структурой как социальным представлением, когда человек соотносит свои экспектации и действия с требованиями социума, объективированными в социальной структуре. В то же время «внешний» диалог, будучи разновидностью интеракции, возможен только между людьми (иногда — с предполагаемым человеком). Но он всегда опосредован инстанцией «третьего» («наадресата») — социальными представлениями, с которыми оба субъекта должны соотносить свои ожидания и действия (иначе интеракция превратится в навязываемый силой монолог).

Исходя из вышеизложенного, диалог можно рассматривать как коммунальное («продуктивно-диалогическую коммунальность как социальность») существование людей (термин В.Л. Махлина), преодолевающее «презумпции и версии автономной самодостаточности, изолированной эстетизованной завершенности и отрешенности сознания, разума и веры...» [1: с. 307]. В этой связи можно констатировать универсальность диалога как его необходимость для самосохранения социума; но универсальность — «голая абстракция» (как и все «сущностно оспоримые понятия» — свобода, справедливость, благо, власть и т. д.), наполняемая конкретным содержанием в соответствующем историческом и социокультурном контексте. Содержание диалога — конкретные дискурсивные практики, которыми воспроизводятся сконструированные (и переконструируются) социальные статусы и реализуются потребности людей во взаимодействии, координации усилий. В то же время следует предостеречь от наивного понимания диалога как благодного консенсуса, которого никогда не было, нет и не будет даже в сообществе монахов. Диалог — это не дружба или любовь, а артикуляция различий и их учет в коммуникации. Более того, диалог возможен только при наличии асимметрии двух сознаний, обладающих единым кодом осмысления взаимных сообщений [2: с. 152]. При этом граница диалога и монолога (включая такие формы, как авторитарность или «агрессивное насилие», по терминологии В.А. Четвернина), как и нормы и девиации, контекстуально обусловлена и зависит от господствующих сегодня в данном социуме ценностей и социальных представлений. Диалог — основание социальной (а значит — и правовой) реальности, механизм ее воспроизводства.

Постклассическая (или постнеклассическая) методология права предполагает акцент на множественности модусов бытия права, противоречивости, нередуцируемости к одному референту, динамическом или процессуальном характере правовой реальности. Она вытекает из постклассической онтологии социального бытия и, с моей точки зрения, характеризуется следующими аспектами. Во-первых, центром правовой реальности провозглашается человек как творец (создатель) права, использующий знаково-символические средства, в том числе при воспроизводстве права практиками. Антропоцентричность права, т. е. его существование как взаимодействия людей и ментальные интересубъективные процессы (смыслы и значения), с моей точки

зрения, представляется наиболее важным аспектом бытия права. Во-вторых, знаковое опосредование права, дискурсивность как содержание юридических практик. В-третьих, сконструированность, а не «данность» права, а потому его постоянная изменчивость или процессуальность. В-четвертых, контекстуальность как социокультурная (включая знаковость) и историческая обусловленность права при наличии его универсального инварианта. Все это и есть *диалогичность права как содержание вышеназванных аспектов постклассической методологии права, обеспечивающее инновационное и традиционное воспроизводство правовой реальности.*

Диалог в праве — это универсальная абстракция, необходимая для уважительного отношения к Другому, это отказ от привилегии собственной точки зрения, от доминирования или «агрессивного насилия». В то же время правовой диалог — это артикуляция различий в рамках «продуктивной коммуналности», а не утопия всеобщей дружбы или любви. Диалог в праве — это признание необходимости Другого (или «другости», по терминологии П. Рикера) как условие выживания всех.

Обладает ли диалогическая методология права эвристической ценностью, или это не более чем другое обозначение коммуникативной теории? Во-первых, и коммуникативная, и диалогическая теории — это применение соответствующих социально-философских концепций к исследованию права. Такой подход, связанный с выходом юриспруденции в междисциплинарную область, позволяет по-новому взглянуть на традиционную проблематику юридической науки и открыть новые пласты, аспекты потенциально «неисчерпаемого» (как неисчерпаем, по мнению физики, электрон, а с позиций социальной философии — человек, политика или экономика) явления — права. То, что диалогизм близок коммуникации или наоборот, отрицать бессмысленно. Поэтому в принципе эти подходы можно считать «комплементарными». Но не любая коммуникация является одновременно диалогом, поэтому полной синонимии между этими понятиями и тождества между концепциями нет (хотя близость, несомненно, присутствует). Содержанием *правовой* коммуникации, как ее понимает А.В. Поляков, как раз и является диалог, предполагающий принятие позиции Другого, соотнесение экспектаций участников интеракции. Это не просто «условие коммуникации», как пишет А.В. Поляков, а содержание правовой коммуникации, которая выступает формой диалога. Полагать, что «это обстоятельство давно уже выяснено в современной науке» [3: с. 9], на наш взгляд, некоторое преувеличение: современная наука пока еще очень далека от выяснения того, как и почему в одних случаях диалог (или коммуникация) протекает нормально и достигает желаемого результата, в других — нет. Измерение принятия точки зрения Другого или взаимного признания субъектов правовой коммуникации как некой «социальной энергии, дающей возможность субъектам публично и с осознанием своей правоты выступать носителями прав и обязанностей, а также отстаивать и защищать свои права» (по А.В. Полякову) [3: с. 9] выглядит достаточно туманно, что не означает бесперспективности и необходимости продолжения попыток такого измерения.

Диалогическая методология права, используя социально-философскую концепцию диалогизма, акцентирует внимание на внутреннем диалоге как предпосылке успешности правовой коммуникации, на психических (психологических) и лингвистических механизмах достижения консенсуса в обществе, на дискурсивности юридических практик, на механизмах правовой социализации и идентичности, на предвосхищении собственного поведения, ожиданиях поведения от «обобщенного Другого». Эти и другие проблемы — субъекта ответственного поведения, общественного консенсуса и договора, взаимопонимания и т. д. — были сформулированы и получили теоретическое осмысление (хотя, конечно, никак и не окончательное решение, что невозможно в принципе) именно в диалогической философии П. Рикера, Г.-Г. Гадамера, В.М. Библера, а не коммуникативной. По большому счету, на наш взгляд, не так уж и важно, как именовать исследования, например, Ю. Хабермаса или Ю.М. Лотмана — коммуникативными или диалогическими. В них можно обнаружить и то и другое, тем более что граница между этими направлениями философской и научной мысли весьма относительная. Важно не название, а новаторство результата исследования, полученного в рамках любого направления.

Литература

1. *Махлин В.Л.* В зеркале неабсолютного сочувствия // М.М. Бахтин: pro et contra. Т. 11. СПб.: РХГИ, 2002. С. 304–326.
2. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство СПб., 2002. 768 с.
3. *Поляков А.В.* Право: между прошлым и будущим // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 3. С. 6–10.

Literatura

1. *Maxlin V.L.* V zerkale neabsolyutnogo sochuvstviya // M.M. Baxtin: pro et contra. T. 11. SPb.: RCHGI, 2002. S. 304–326.
2. *Lotman Yu.M.* Istoriya i tipologiya russkoi kultury?. SPb.: Iskusstvo SPb., 2002. 768 s.
3. *Polyakov A.V.* Pravo: mezdu proshly'm i budushhim // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2013. № 3. S. 6–10.

I.L. Chestnov

Dialogic Methodology of Jurisprudence

The author analyses the state of the methodology of modern jurisprudence, prospects of dialogic methodology of jurisprudence are shown. The dialogue is studied as a condition for sociality and a kind of mechanism for the reproduction of legal reality. The ratio of dialogic and communicative methodologies is shown.

Keywords: methodology of law; dialogue and dialogic methodology; jurisprudence; legal reality.

И.Н. Куксин

Коррупция в сфере образования: причины и меры противодействия¹

В статье проанализированы отдельные проблемы коррупции в образовательной сфере, вскрыты причины и формы ее проявления. Показана общественная опасность этого явления для высшей школы и в целом для развития российского общества. На основе проведенного исследования в статье изложено авторское видение отдельных мер по предотвращению коррупции в сфере образования.

Ключевые слова: коррупция в сфере образования; высшая школа; преподаватель; студент; меры противодействия коррупции; профилактика; конфискация имущества.

Актуальность заявленной темы объясняется рядом причин. Анализ научных источников, посвященных исследованию коррупции в сфере образования, показал: во-первых, коррупция в вузах — это гигантский теневой рынок, наиболее опасная коррупционная сфера; во-вторых, помимо того, что коррупция негативно влияет на качество получаемого образования, она деформирует развитие личности; в-третьих, коррупция разрушает ценность знаний, происходит девальвация значения высшего образования.

Многие исследователи особо отмечают, что в последнее десятилетие коррупция в данной сфере приобрела такие масштабы, что уже не может не вызывать обеспокоенность всего общества. В ежегодном докладе о состоянии законности в стране Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка, выступая в Совете Федерации 28 апреля 2015 г. отметил, что «ущерб от коррупционных преступлений в России в прошлом году составил почти 40 млрд рублей, что на 50 % больше, чем за предыдущий год», «...к уголовной ответственности привлечено более 490 должностных лиц органов исполнительной власти федерального уровня и почти 1100 — органов исполнительной власти субъектов РФ» [6].

Могла ли коррупция обойти образовательную сферу, когда она охватила все отрасли экономики, все структуры управления государством? Ответ на поставленный вопрос ясен — не могла, ибо уровень коррумпированности в стране

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

катастрофически высок². Так, по оценкам специалистов из «Ассоциации адвокатов России за права человека», до 46 % ВВП России в 2014 г. находилось в коррупционной тени, а средний размер взятки составил 218 тыс. руб. [5]. В начале XXI века уже около 70 % российских чиновников не стеснялись брать взятки, размер которых до 27 раз превышал их годовую заработную плату [8: с. 46]. Указанные негативные процессы не могли не отразиться и на сфере образования. По данным российских СМИ, работники сферы образования закрепили за собой третье место — 9 % от общего количества упомянутых в СМИ фактов финансовых злоупотреблений, таких как взятки за поступление в государственные высшие учебные заведения, в специализированные общеобразовательные школы и дошкольные учреждения; взятки за сдачу ЕГЭ, экзаменов, зачетов, сессий [7].

В борьбе с этим негативным явлением включились не только правоохранительные органы всех уровней и структур, но и многочисленные институты гражданского общества. Неравнодушные журналисты периодически информируют общество о тех или иных чиновниках, которые были задержаны или против которых были возбуждены уголовные дела по статьям о коррупции. Вполне резонно возникает вопрос: а что нового можно написать об этом негативном явлении в российском обществе, которое присутствует практически во всех странах мира?

Однако коррупция — это не отдельно взятое локальное явление в какой-либо области общественной и государственной жизни, это крайне опасная сложившаяся система, которая пронизывает все слои нашего общества. В силу ее многоликости возникает практическая потребность не только систематического, но и дифференцированного подхода к этой проблеме и ее решению. Обусловлено это тем, что коррупция в конкретных сферах общества и его структурах обладает своей спецификой. Образовательная сфера относится именно к такому случаю, и без учета этой специфики невозможна эффективная борьба с ней.

Сегодня коррупция ведет к многочисленным негативным последствиям, деформирует социально-экономические отношения, ломает политическую систему, отвергает духовно-нравственные ценности российского общества. «Необходимо рассматривать коррупцию как угрозу национальной безопасности, сплачивать российское общество на борьбу с этим отвратительным

² Свидетельством тому служат судебные процессы в отношении такого звена государственной власти, как губернаторы регионов. В 2011–2015 гг. было возбуждено четыре уголовных дела: В. Дудка (Тульская область); В. Юрченко (Новосибирская область, 2011 г.); Н. Денин (Брянская область, 2014 г.); А. Хорошавин (Сахалинская область, 2015 г.). В настоящее время возбуждено уголовное дело в отношении всего руководства Республики Коми во главе с В. Гайзером, его заместителем К. Ромадановым, спикером местного парламента И. Ковзелем, экс-сенатором от Коми Е. Самойловым и др. Всего, по данным СМИ, по уголовному делу проходят 19 человек. Следствие квалифицировало деятельность указанных лиц как деятельность преступного сообщества, которая носила региональный характер. Группировка была законспирирована и имела систему защиты от органов правосудия. По заявлению официального представителя Следственного комитета РФ, речь идет о многомиллиардном ущербе, который нанесен Республике Коми преступной деятельностью этой группы.

явлением. Тот уровень коррупции, который охватил российское общество, порождает у простых граждан неверие в силу и авторитет уголовного закона» [12: с.74]. В конечном итоге коррупция наносит вред каждому российскому гражданину. Исследователи этого явления приходят к выводу, что «Россия страна с масштабной эндемической коррупцией. В таком состоянии коррупция из эпизодического отклонения от моральных и юридических правил превращается в несущую конструкцию власти, норму взаимоотношений граждан и государства» [14].

Нельзя утверждать, что у власти нет понимания истинных причин, путей и методов искоренения коррупции. За последние годы антикоррупционное законодательство развивалось достаточно динамично, и можно отметить, что в целом оно сформировано. Предпринят ряд решительных мер как со стороны руководства страны, так и высшим органом законодательной власти по обузданию коррупции в стране, особенно в области нормативной регламентации³. Однако решительного перелома в борьбе с коррупционными преступлениями не наступило [13: с. 17].

С учетом того, что поставлена задача исследовать причины коррупции в системе высшего образования, в статье сделана попытка выявить те узловые моменты, где зарождается и произрастает коррупционное начало в этой сфере.

³ В 2001 году был принят закон № 115-ФЗ, в соответствии с которым адвокатам, нотариусам, юристам и бухгалтерам вменили в обязанность уведомлять правоохранительные органы о финансовых операциях, направленных на отмывание полученных преступным путем доходов.

25 декабря 2008 года был принят закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В статье 8 этого закона государственным и муниципальным служащим вменялось в обязанность представлять сведения о своих доходах и об имуществе.

18 мая 2009 года был подписан Указ Президента РФ № 559, согласно которому кандидатов в госслужащие обязали подавать декларации о доходах и имуществе.

21 ноября 2011 года был принят закон № 329-ФЗ, который распространил антикоррупционные требования на все государственные и муниципальные должности, а также обязал банки предоставлять информацию о движении денег на счетах чиновников.

Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были введены кратные суммы штрафов.

В 2011–2013 годах статья 10 закона № 3-ФЗ от 1994 года «О статусе депутата» была значительно расширена: депутатов обязали подробно отчитываться о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Требования распространились не только на самих депутатов, но и на их супругов и детей.

Закон о № 121-ФЗ от 20 июля 2012 года ввел суровый контроль над финансируемой из-за рубежа политической деятельностью. Интересно, что именно этот антикоррупционный закон вызывал особенно яростную критику как со стороны прозападной несистемной оппозиции, так и со стороны политиков из США.

В декабре 2012 года приняли закон № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Этот закон обязал чиновников подавать декларации о своем имуществе и доходах, причем как на себя, так и на своих ближайших родственников.

В качестве продолжения той же линии 07 мая 2013 года был принят закон № 102-ФЗ, который запретил депутатам Госдумы иметь недвижимость или банковские счета за рубежом.

Среди причин коррупции в системе образования можно назвать следующие.

Во-первых, низкая заинтересованность российского общества в качественном образовании. Сегодня образование стоит на перепутье. В частности, это выражается в формальности требований, содержащихся в государственных образовательных стандартах. В обществе существует недопонимание важности образованности, глубоких и разносторонних знаний. Сегодня трудно объяснить, почему за деньги можно поступить в любой вуз страны или купить диплом. Не эти ли причины привели к тому, что фальшивые дипломы выявляют даже у губернаторов и мэров городов. По данным Рособрнадзора, в стране ежегодно покупается до 500 тысяч дипломов о высшем образовании, в том числе с так называемой «проводкой» [1].

Во-вторых, под предлогом развития рыночной экономики и коммерциализации образовательных услуг создана негосударственная система образования, что привело к резкому снижению качества учебного процесса. По замыслу ее создателей такая система должна была усилить конкуренцию в образовательной сфере, способствовать повышению качества подготовки кадров. На практике получился обратный эффект. В высшие учебные заведения пришли псевдостуденты, которые по объективным причинам не способны овладеть программой обучения. Кроме того, не секрет, что большое количество юношей, не желающих служить в армии, пошли в высшие учебные заведения, стремясь отодвинуть срок призыва. Они не прилагают особых усилий к овладению выбранной профессией. Изложенные обстоятельства, с одной стороны, привели к снижению общего уровня требований преподавателей к знаниям студентов как на занятиях, так и при приеме текущих экзаменов, а с другой — создался повод для взяток, желание студентов получить положительную оценку на экзамене, удержаться в вузе и не попасть в список отчисленных. «О том, что взятка — самый простой способ решить свои проблемы с успеваемостью, сообщили 39 % студентов, а 14 % студентов просто решили не отказываться от «выгодного» предложения преподавателя» [2].

В-третьих, многие эксперты призывают не перекладывать ответственность за коррупцию в вузах исключительно на студентов. К сожалению, преподавательский корпус не свободен от таких преподавателей, которые сознательно становятся на путь прямого вымогательства денег от студентов. Объяснить этот феномен можно тем, что труд педагога и его статус не имеют должного уважения в обществе. Возможно, из-за этого обстоятельства на преподавательскую работу творческие молодые люди идут весьма редко.

В-четвертых, обобщенный анализ научных источников показывает, что в рамках вузовского образования коррупция проявляется в следующих формах: дача взятки проверяющему органу при аккредитации вуза; покупка диплома у ответственного лица вуза или через посредника; вымогательство преподавателя во время сессии (завышенные требования при сдаче зачета, экзамена); навязывание платных консультаций, продажи собственных книг и методических пособий студентам; давление на студентов, не желающих учить предмет [1: с. 7].

В-пятых, одна из главных причин коррупции кроется в духовно-нравственном кризисе общества. Применительно к вузовскому образованию это выражается в неудержимом потоке защитившихся на соискание ученой степени доктора и кандидата наук губернаторов, мэров и других высокопоставленных чиновников различного уровня, а также бизнесменов. Треть защищенных диссертаций, по некоторым данным исследователей, написаны не самостоятельно авторами, а за деньги. «Частичное подтверждение этому дает следующая статистика: на 1 млн жителей РФ защищается диссертаций в 5–6 раз больше, чем в Германии (принято считать, что наука в Германии развита)» [3: с. 23]. Как нигде в этом процессе видна утрата вузами принципов объективности, высоких этических стандартов. Коррупция дискредитирует саму сущность университетского образования и звание ученого.

Несмотря на то, что антикоррупционное законодательство в целом создано, все же есть все основания утверждать, что сами механизмы борьбы с этим явлением в российском обществе находятся в зачаточной стадии. Представляется, что образование в России (независимо, общее ли оно, среднее или высшее) в целом нуждается в системной и комплексной защите от коррупции. Среди всех известных мер противодействия этому явлению на первое место надо поставить профилактику. Автор солидаризуется с теми исследователями этой проблемы, которые утверждают, что «система мер профилактики коррупции в высшей школе существенно отличается от проводимых профилактических мер в сферах государственного и муниципального управления, правоохранительных органах. Это во многом связано с особенностями субъекта и характером взаимодействия между ними (обучающийся – преподаватель)» [4]. В данном случае речь идет о студенте как главном субъекте антикоррупционного противодействия. Представляется, что в стенах вуза необходимо формировать такую атмосферу, чтобы коррупция воспринималась в общественном сознании как недопустимое явление. Методы здесь могут самыми различными, но главными из них являются учебный процесс, различные мероприятия антикоррупционной направленности, социологические опросы и т. п. Надо убеждать студенческое сообщество, что пока студенты готовы давать взятки, избавиться от этого постыдного явления невозможно.

Не надо упускать из виду и преподавательский состав. Велика сила инерции той части взяточников, которые брали и берут взятки независимо от роста зарплаты и различных видов материального стимулирования. Способствует этому злу и падение статуса педагога в обществе. Здесь надо стараться менять мотивацию преподавательского корпуса и администрации вузов путем создания атмосферы конкуренции и прозрачности деятельности всех звеньев учебного заведения.

Не последнюю роль в качестве предупреждения коррупционных преступлений играет законодательство, в частности, уголовное. Надо, наконец-то, не на словах, а на деле реализовывать принцип неотвратимости наказания.

Помимо тех принятых изменений, которые внесены законодателями в нормы права и с помощью которых ведется борьба со взяточничеством, надо вернуть в Уголовный кодекс РФ конфискацию имущества как вид наказания. Когда вводилась система кратных штрафов за взятки, многие эксперты рассматривали ее как замену конфискации. Однако судебная практика последних лет показала, что при введении кратных штрафов были допущены просчеты. Как заявил Председатель Верховного Суда России В.М. Лебедев «число штрафов за взятки растет, но эффективность такого наказания вызывает вопросы... гигантские штрафы оказались не по карману» [9].

Институт конфискации является одним из самых сложных и спорных не только в отечественной уголовно-правовой науке, но и в российском обществе. На протяжении последних десяти лет идет острейшая полемика, в которой участвуют не только юристы, но и политики, общественные деятели, журналисты. В итоге острых полемических споров конфискация вернулась в 2006 году в уголовное законодательство (глава 15.1 «Конфискация имущества»), однако совершенно в новом качестве. Это уже не наказание, а «иная мера уголовно-правового характера». Это половинчатое решение не могло удовлетворить общество, и в сентябре 2015 года в Государственную Думу был внесен очередной законопроект, предлагающий ввести в Уголовный кодекс РФ конфискацию как дополнительное наказание. По мнению авторов законопроекта, причина редкого применения конфискации⁴ еще и в том, что сегодня по закону забрать можно лишь имущество, которое признано вещественным доказательством. Деньги, которые не попали в уголовное дело, остаются на совести преступника, и поэтому имущество виновного не подлежит конфискации, даже если его стоимость в разы превышает легальный доход преступника. Надо отметить, что Верховный Суд России концептуально согласился с предложением вернуть в Уголовный кодекс РФ конфискацию имущества как вид наказания.

Возврат конфискации как дополнительного вида наказания сегодня разделяют не все правоведы. По мнению главного научного сотрудника Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ И. Соловьева, не совсем справедливо возвращаться к советской модели конфискации, когда ни в чем не повинные родственники лица, совершившего преступления, по воле государства после оглашения приговора фактически оставались без крыши над головой и средств к существованию⁵. При этом до приговора по всем статьям Уголовного кодекса, предусматривавшим конфискацию на все имущество, в обязательном порядке налагался арест. Ему

⁴ По данным Генпрокуратуры, суды в 2015 году приняли решение о конфискации имущества только у 200 осужденных.

⁵ УПК РСФСР содержал приложение, в котором был перечень неотчуждаемого имущества, куда входило имущество, которое нельзя было конфисковать. Это имущество, необходимое осужденному или лицам, находящимся на его иждивении: квартира или жилой дом, земельный участок, мебель, минимально необходимая одежда, детские товары и лекарства, если кто-то болен.

вторит член Совета Федеральной палаты адвокатов Генри Резник. По его мнению, конфискация имущества — абсолютно избыточная репрессивность. Это тренд возврата в советские времена. Но тогда конфискация была неким видом разграбления государством людей [10].

Из приведенных высказываний становится очевидным, почему противники ратификации ст. 20 Конвенции⁶ столь рьяно упорствуют в вопросе возврата конфискация имущества как вида дополнительного наказания, которое существовало в ныне действующем Уголовном кодексе РФ⁷ до 2003 года. Представляется, что ратификация ст. 20 Конвенции и возврат конфискации имущества в уголовное законодательство будет одной из действенных мер борьбы с коррупцией, в том числе и в образовательной сфере.

За рамками представленного исследования осталось много незатронутых проблем, связанных с коррупцией в сфере образования, ибо их нельзя охватить в одной статье, это лишь подтверждает вывод о ее многоаспектности и многоликости, глубине и сложности этой проблемы. Успех в борьбе с коррупцией во многом будет зависеть от сформированной в педагогической и студенческой среде атмосферы нетерпимости к этому явлению, высокого уровня как правосознания и правовой культуры общества, так и его духовно-нравственных норм и ценностей.

Литература

1. Антипов А.Г., Антипов К.А., Захаров Н.Н. Коррупция в системе высшего образования и за ее пределами // *Alma Mater*. 2014. №5. URL: [http://www.almavest.ru/ru/archive/2014/vypusk№5\(may\)/](http://www.almavest.ru/ru/archive/2014/vypusk№5(may)/) (дата обращения: 4.10.2015).
2. Баикатова А. Высшее коррупционное образование. Почти половина студентов сталкивались со взятками преподавателям // *Независимая газета*. 2011, 24 мая. URL: <http://www.marstu.net/Default.aspx?tabid=2777&ctl=Details&mid=2085&ItemID=6843&language=ru-RU> (дата обращения: 04.10.2015).
3. Бобрецов А.В. Карьерные траектории ученых: глобальные тренды. Современные научно-образовательные тренды // *Ученый совет*. 2013. № 2. С. 22–24.
4. Головин А.Ю., Дубонос Е.С., Ковалев С.Н. Условия совершения коррупционных преступлений в системе высшего образования и меры по их профилактике // *Государство и право. Юридические науки*. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/>

⁶ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции // Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 8.10.2015).

⁷ Статья 52. Конфискация имущества:

1. Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного.
2. Конфискация имущества устанавливается за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений, и может быть назначена судом только в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.
3. Не подлежит конфискации имущество, необходимое осужденному или лицам, находящимся на его иждивении, согласно перечню, предусмотренному уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации.

usloviya-soversheniya-korruptsionnyh-prestupleniy-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya-i-mery-po-ih-profilaktike (дата обращения: 05.10.2015).

5. Ежегодный доклад Ассоциации адвокатов России за права человека об уровне коррупции в России за 2013–2014 гг. URL: <http://www.rusadvocat.com/node/954> (дата обращения: 18.09.2015).

6. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://crimerussia.ru/gover/genprokuror-otchitaetsya-o-sostoyanii-pravoporyadka-v-rossii-za-2014-god/> (дата обращения: 08.10.2015).

7. Коррупция в зеркале российских СМИ. URL: <http://korrossia.ru/rating/116-korruptsiya-v-zerkale-rossiyskih-smi-itogi-2010-goda.html> (дата обращения: 18.09.2015).

8. *Кобзарь Е.В.* Коррупция как социальное явление и одна из системных угроз безопасности Российской Федерации: учеб. пособие. Ногинск: Ногинский филиал РАНХиГС, 2013. С. 100.

9. *Куликов В.* Грабли для награбленного. URL: <http://www.rg.ru/2013/11/28/konfiskatsia.html> (дата обращения: 08.10.2015).

10. *Куликов В., Петров И.* Естественный отбор // Российская газета. 2015. 22 сентября.

11. *Куликов В.* Рейтинг взяточников // Российская газета. 2009. 29 января.

12. *Куксин И.Н., Сафронова Е.В.* Развитие института ответственности за коррупционные преступления в России // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 3 (15). С. 62–68.

13. *Куксин И.Н.* Проблемы реализации норм уголовной ответственности лиц, совершивших коррупционные преступления // Научные труды. Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития. Саратов: «Саратовский источник», 2014. № 2 (3). С. 14–20.

14. *Левин М., Сатаров Г.* Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. № 10. URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n10_2012.html#top (дата обращения: 27.09.2015).

Literatura

1. *Antip'ev A.G., Antip'ev K.A., Zaxarov N.N.* Korruptsiya v sisteme vy'sshego obrazovaniya i za ee predelami // Alma Mater. 2014. № 5. URL: [http://www.almavest.ru/rus/archive/2014/vypusk№5\(may\)/](http://www.almavest.ru/rus/archive/2014/vypusk№5(may)/) (дата обращения: 04.10.2015).

2. *Bashkatova A.* Vy'sshee korrupcionnoe obrazovanie. Pochti polovina studentov stalkivalis' so vzyatkami prepodavatelyam // Nezavisimaya gazeta. 2011. 24 maya. URL: <http://www.marstu.net/Default.aspx?tabid=2777&ctl=Details&mid=2085&ItemID=6843&language=ru-RU> (дата обращения: 04.10.2015).

3. *Bobreczov A.V.* Kar'erny'e traektorii ucheny'x: global'ny'e trendy'. Sovremenny'e nauchno-obrazovatel'ny'e trendy' // Ucheny'j sovet. 2013. № 2. S. 22–24.

4. *Golovin A.Yu., Dubonosov E.S., Kovalev S.N.* Usloviy soversheniya korrupcionny'x prestuplenij v sisteme vy'sshego obrazovaniya i mery' po ix profilaktike // Gosudarstvo i pravo. Yuridicheskie nauki. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-soversheniya-korruptsionnyh-prestupleniy-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya-i-mery-po-ih-profilaktike> (дата обращения: 05.10.2015).

5. Ezhegodny'j doklad Associacii advokatov Rossii za prava cheloveka ob urovne korrupcii v Rossii za 2013–2014 gg. URL: <http://www.rusadvocat.com/node/954> (дата обращения: 18.09.2015).

6. Doklad General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii Yu.Ya. Chajki na zasedanii Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii. URL: <http://crimerussia.ru/gover/genprokuror-otchitaetsya-o-sostoyanii-pravoporyadka-v-rossii-za-2014-god/> (data obrashheniya: 08.10.2015).
7. Korrupciya v zerkale rossijskix SMI. URL: <http://korrossia.ru/rating/116-korrupciya-v-zerkale-rossijskih-smi-itogi-2010-goda.html> (data obrashheniya: 18.09.2015).
8. *Kobzar' E.V.* Korrupciya kak social'noe yavlenie i odna iz sistemny'x ugroz bezopasnosti Rossijskoj Federacii tekst: ucheb. posobie / E.V. Kobzar'. Noginsk: Noginskij filial RANXiGS, 2013. S.100.
9. *Kulikov V.* Grabli dlya nagrablennogo. URL: <http://www.rg.ru/2013/11/28/konfiskacia.html> (data obrashheniya: 08.10.2015).
10. *Kulikov V., Petrov I.* Estestvenny'j otbor // Rossijskaya gazeta. 2015. 22 sentyabrya.
11. *Kulikov V.* Rejting vzyatochnikov // Rossijskaya gazeta. 2009. 29 yanvarya.
12. *Kuksin I.N., Safronova E.V.* Razvitie instituta otvetstvennosti za korrupcionny'e prestupleniya v Rossii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 3 (15). S. 62–68.
13. *Kuksin I.N.* Problemy' realizacii norm ugolovnoj otvetstvennosti licz, sovershivshix korrupcionny'e prestupleniya // Nauchny'e trudy'. Aktual'ny'e problemy' ugolovnogogo i ugolovno-processual'nogo prava: sovremennoe sostoyanie i perspektivy' razvitiya. Saratov: «Saratovskij istochnik», 2014. № 2 (3). S. 14–20.
14. *Levin M., Satarov G.* Korrupciya v Rossii: klassifikaciya i dinamika // Voprosy' e'konomiki. 2012. № 10. URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n10_2012.html#top (data obrashheniya: 27.09.2015).

I.N. Kuksin

Corruption in Education: Causes and Countermeasures

The article reveals some problems of corruption in the education sector, the causes and forms of its emergence are discovered. It shows public danger of this phenomenon for higher education and for the development of Russian society. The author's vision of individual measures to prevent corruption in the education sector is given based on the research done

Keywords: corruption in education; high school; teacher; student; anti-corruption measures; prevention; confiscation of property.

Т.М. Пряхина

Уметь применять международное право

В статье анализируются вопросы обучения студентов грамотному применению международного права. Исследуется особое положение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ в правовой системе России, и обозначаются приемы, средства и методы их применения, учитывающие их принадлежность к иной системе права. Даны рекомендации по совершенствованию учебного процесса, позволяющие повысить профессиональную квалификацию юридических кадров.

Ключевые слова: международное право; международные договоры; нормы права; обучение; высшее юридическое образование.

На страницах журнала «Вестник Московского городского педагогического университета» неоднократно обсуждались проблемы повышения качества юридического образования [1: с. 53–62; 8–13]. Полагаем необходимым обратить особое внимание на освоение студентами государственно-правовых технологий взаимодействия международного и внутригосударственного права, приобретения ими практических навыков применения международно-правовых норм.

Международное право является неотъемлемой частью правовой системы современной России. Влияние международно-правовых принципов и норм на правотворческую и правоприменительную деятельность органов государственной власти и должностных лиц чрезвычайно велико. Россия проводит политику, отвечающую ее статусу великой державы, ответственно относящейся к исполнению своих международных обязательств и требующей от иных государств уважительного отношения к общему международному праву. Это определяет ее стратегию действий в отношении международного права и свидетельствует о необходимости переосмысления места и роли международно-правовых принципов и норм в правоприменительной деятельности государственных органов, должностных лиц, сотрудников государственного аппарата. Система высшего профессионального образования и переподготовки кадров должна отвечать на запросы практики и, соответственно, уделять больше внимания изучению вопросов применения международно-правовых принципов и норм.

Знание норм международного права, международных договоров РФ — одно из квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей государственными гражданскими служащими ряда министерств и ведомств. Знание международного права необходимо сотрудникам государственного аппарата для того, чтобы компетентно исполнять свои должностные обязанности.

На страницах нашего журнала мы уже писали о том, что степень квалификации, уровень профессионализма, компетентности юриста во многом определяется уровнем знания и понимания международного права, что предполагает углубленное изучение большого и разнопланового массива международно-правовых принципов и норм. А это, в свою очередь, требует новации образовательной стратегии освоения студентами соответствующего материала [3: с. 72–84]. В частности, нами предложено в рамках курса международного права выделить базовое или фундаментальное международное право и прикладное международное право. Прикладное международное право предполагает углубленное изучение тематики, необходимой для квалифицированного применения международного права в конкретных сферах профессиональной деятельности. Особое внимание освоению методики применения международного права как самостоятельной правовой системы и системы права уделяется в ходе преподавания магистрантам Юридического института МГПУ специального курса «Конституционные основы взаимодействия национального и международного права».

Положения Основного Закона России конституируют включенность общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ в правовую систему Российской Федерации; закрепляют презумпцию знания права и законов государства, в том числе и тех, которые обеспечивают реализацию суверенных полномочий Российского государства в области межгосударственного сотрудничества; провозглашают общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ основой признания и гарантирования прав и свобод человека и гражданина, а также общностей людей (ст. 15 ч. 4; ст. 17 ч. 1; ст.ст. 62, 63, 69 Конституции РФ). Одновременно Конституция РФ делает акцент на правоприменительной деятельности, обязывая в случае, если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, применять правила международного договора (ст. 15 ч. 4). Можно говорить о конституционной обязанности уполномоченного субъекта применить международный договор РФ в случае коллизии его с законом РФ. Кроме того, к сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ относится выполнение международных договоров РФ (ст. 72 п. «о»). Таким образом, применение в установленных законом случаях разнообразных по формам закрепления и юридической силе норм международного права является основной обязанностью компетентных органов и лиц. Весомым аргументом в пользу высказанной точки зрения служит позиция судебной власти по данному вопросу. Так, знаковое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» было принято в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами международного права при осуществлении правосудия¹. Конституционный Суд РФ напомнил не только правоприменительным органам, но и федеральному законодателю о том, что он, хотя и обладает

¹ URL: <http://www.supcourt.ru> (дата обращения: 25.03.2015).

достаточной свободой усмотрения, должен действовать в рамках международных обязательств Российской Федерации (ст. 15 ч. 4; ст. 17 ч. 1 Конституции РФ), согласовывать принимаемые нормативные акты с признаваемыми Российской Федерацией международными правовыми стандартами². Положения Конституции РФ и федерального законодательства не просто разрешают, а обязывают суды РФ при рассмотрении определенных категорий дел руководствоваться нормами международного права и, следовательно, их применять. В принципе, неприменение или неправильное применение этих норм должно влечь отмену вынесенного с таким нарушением решения. Таким образом, применение международных стандартов является не правом, а конституционной обязанностью государственных органов и должностных лиц.

Сегодня, когда проблема выполнения международных обязательств переведена в практическую плоскость всем вектором государственного развития, когда следование нормам международного права вменяется в обязанность не только высшим органам государственной власти, но и органам власти субъектов Федерации, должностным лицам, когда каждый гражданин, следуя конституционным положениям, может расширить каталог принадлежащих ему основных прав, обращаясь к нормам международных договоров, и отстаивать их в межгосударственных органах, получение студентами практических навыков применения международного права особенно значимо.

В рамках специального курса «Конституционные основы взаимодействия международного и национального права» студенты изучают не только теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права России, но и вопросы допустимости применения норм международного права органами национальной юрисдикции, международные и конституционно-правовые основы правоприменительной деятельности в сфере защиты национальных интересов России в рамках межгосударственного сотрудничества и выполнения международных обязательств РФ, осваивают механизм применения международно-правовых принципов и норм. Практика в данной сфере государственной деятельности намного опередила теорию. При этом зачастую каждый из субъектов, применяющих международно-правовые нормы, действует, образно говоря, на свой страх и риск. Насущной задачей является создание четкого алгоритма действий, позволяющего правильно, корректно, единообразно в пределах всей Российской Федерации применять нормы международного права и получать искомый социальный эффект, обеспечить определенность в вопросе о том, кто и каким образом должен применять международное право.

Конституция РФ провозглашает общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ составной частью правовой

² Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений п. 4 ст. 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 4. С. 40–42.

системы России (ч. 4 ст. 15). Из этого следует, что международное право комплексно влияет на все элементы правовой системы: правовую идеологию, правовую доктрину, правотворческую деятельность, правоприменительную практику и т. д. Вместе с тем общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ, будучи включенными в национальную правовую систему, не становятся внутренним правом страны, они сохраняют особую правовую природу, определяемую их принадлежностью к иной правовой системе. Соответственно, их реализация подчинена иной правовой логике, которую студенты должны понять и усвоить. В частности, Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» устанавливает: международные договоры РФ подлежат добросовестному выполнению в соответствии с условиями самих международных договоров, нормами международного права, Конституцией РФ и законодательством России³. Конституционно-правовые правила реализации международных договоров РФ должны, таким образом, основываться на международных стандартах и условиях.

Международное право влияет на право национальное как системное образование, где отдельные правоположения могут быть поняты только во всеобщем контексте. Влияние на правотворческий и правоприменительный процесс оказывают нормы международной морали, этики, международно-правовая доктрина, вердикты международных судебных органов, решения международных организаций, резолюции межгосударственных органов, поскольку вне их общего контекста применение общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров РФ будет односторонним. Весьма показательным в данном отношении Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 1999 г. «Об основных положениях, применяемых Европейским Судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие», обязывающее арбитражные суды учитывать общую идеологию Европейского Суда⁴.

Воспринимая все богатство элементов международного права как правовой системы, следует понимать, что не все из них обладают качествами источника права и далеко не все могут быть источником юридических обязательств конкретного государства. Чрезвычайно значима правильная оценка правового значения и юридической силы международных документов, подлежащих применению. Так, например, самостоятельное значение общепризнанных принципов и норм международного права для правоприменителя в рамках национальной правовой системы ограничено. Конституционный Суд РФ указал, что по смыслу статьи 15 (ч. 4) Конституции РФ в случае, если обнаруживается, что какая-либо норма противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права или международным договорам РФ, при рассмотрении конкретных

³ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации». Пreamбула, Ст. 31, ч. 1. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.05.2015).

⁴ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 2. С. 93–94.

дел надлежит применять правила соответствующих международных актов⁵. Поскольку понятие общепризнанного принципа и нормы международного права не тождественно понятию международного акта, мы вправе заключить, что согласно позиции Суда правоприменитель должен отдать предпочтение принципам и нормам, получившим конвенционное закрепление. Таким образом, следует дифференцировать международные правовые положения (международный договор, основной принцип международного права, общепризнанный принцип международного права, общепризнанная норма международного права, решение международной организации, резолюция либо решение органа международной организации и т. п.) и выбирать стратегию правоприменения, отвечающую их статусу.

Применение норм международного права внутри страны будет правомерным в случае соблюдения юридических оснований использования и применения международно-правовых принципов и норм органами национальной юрисдикции. Общим юридическим условием выполнения норм международного права и обеспечения их действия является принцип *pacta sunt servanda*. К специальным обязательным условиям относятся: общая отсылка внутреннего права к нормам международного права; признание обязательности договора или общепризнанного принципа (нормы) международного права; вступление договора в силу; опубликование договора. Дополнительные условия: указание в договоре о его применении к конкретным отношениям; указание в специальном законе или подзаконном нормативном акте о правилах применения международно-правовых норм к регулируемым общественным отношениям; компетентность органа или уполномоченного лица, применяющего международно-правовые нормы; обязательность договора для другой стороны и ряд иных [4: с. 120–153]. Студенты должны научиться выявлять соблюдение всего комплекса условий, обеспечивающих правомерность применения международно-правового акта.

Нормы международного права применяются в контексте тех указаний, которые установлены российским законодательством, либо в тех рамках, которые определили компетентные органы национальной юрисдикции. Спектр правоустановлений по данному вопросу достаточно широк. Уголовный Кодекс РФ основывается на Конституции РФ и общепризнанных нормах и принципах международного права⁶. Несколько более широко сформулированы положения иных законов, указывающих, что их основой, помимо общепризнанных принципов и норм международного права, являются также и международные договоры РФ⁷. Ряд законов определяет международные договоры РФ в качестве одного из регуляторов

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 1997 г. об отказе в принятии к рассмотрению запроса судьи Московского областного суда Н.В. Григорьевой // Конституционный Суд Российской Федерации: Постановления. Определения. 1997–1998 / отв. ред. Т.Г. Морщакова. М.: Юристъ, 2000. С. 357–359.

⁶ Уголовный Кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Ст. 1, ч. 2. URL: www.pravo.gov.ru.

⁷ Кодекс РФ «Об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Ст. 1.1, ч. 2. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2015).

соответствующей сферы общественных отношений наряду с Конституцией РФ, федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами⁸. Иные законы оговаривают, в каких случаях нормы международного права выступают в качестве непосредственного регулятора общественных отношений. Так, например, ст. 7 Гражданского Кодекса РФ определяет, что международные договоры РФ применяются к соответствующим отношениям непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта⁹. Аналогичное правило устанавливает Бюджетный Кодекс РФ¹⁰. Трудовой Кодекс РФ особым образом обозначил рассматриваемую проблему. В частности, он определяет, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ в соответствии с Конституцией РФ являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Если международным договором РФ установлены другие правила, чем предусмотренные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, применяются правила международного договора¹¹. Правовыми актами может вменяться в обязанность органам государственной власти, должностным лицам, государственным служащим в своей деятельности руководствоваться международными договорами РФ¹². Наиболее часто законодатель закрепляет обязанность применять международные договоры в случае, если они устанавливают иные правила, чем те, которые содержит тот или иной закон самого государства¹³. Специальные условия приоритета международных договоров РФ устанавливает Земельный Кодекс РФ. Он содержит специальную статью 4 «Применение международных договоров», указывающую, что, если международным договором РФ, ратифицированным в установленном порядке, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены Кодексом, то применяются правила международного договора¹⁴.

Приоритет международного договора может быть установлен лишь в отношении правовой оценки деяний отдельных категорий лиц, совершивших это деяние на оговоренной территории. В частности, УК РФ определяет,

⁸ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Ст. 2, п «г»; ст. 11. ; Федеральный закон от 5 июня 2012 г. № 50-ФЗ «О регулировании деятельности российских граждан и российских юридических лиц в Антарктике». Ст. 2, ч. 1. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.05.2015).

⁹ Гражданский Кодекс РФ. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2015).

¹⁰ Бюджетный Кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. Ст. 4, ч. 4. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2015).

¹¹ Трудовой Кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ. Ст. 10. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2015).

¹² Общее положение о таможенном poste, утверждённое Приказом федеральной таможенной службы от 4 сентября 2014 г. № 1701. П. 3. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 15.04.2015).

¹³ Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». Ст. 2, п. 2. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 10.04.2015).

¹⁴ Земельный Кодекс РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 15.04.2015).

что военнослужащие воинских частей, дислоцирующихся за пределами РФ, за преступления, совершенные на территории иностранного государства, несут ответственность по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором РФ (ч. 2 ст. 12). Международные договоры могут расширить территориальную сферу действия законодательства РФ, распространив ее за пределы территории России¹⁵. Международные договоры наряду с Конституцией РФ и федеральными законами определяют организацию, порядок деятельности ряда правоохранительных органов и полномочия их сотрудников¹⁶. Международные договоры РФ могут признаваться правовой основой конкретной сферы деятельности ряда государственных органов в силу специфики возлагаемых на них целей и задач. Так, например, международные договоры РФ, в том числе международные договоры межведомственного характера, определяют исключительно взаимоотношения органов внешней разведки Российской Федерации с разведывательными и контрразведывательными службами иностранных государств. В остальных случаях разведывательная деятельность осуществляется исключительно в соответствии с законодательством РФ¹⁷. Значительное число нормативных актов не оговаривает место международно-правовых принципов и норм и их роль в регулировании соответствующих отношений. В данном случае должна действовать конституционная генеральная отсылка. Можно привести много примеров, демонстрирующих значительное разнообразие подходов законодателя к определению условий действия и правил применения общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ.

Суверен, подписавший международное соглашение, определяет, каким образом он будет его выполнять. Правовая определенность по данному вопросу обеспечивается посредством указания в ратифицирующем законе условий применения соответствующего международного договора либо принятием специального закона в обеспечение реализации ратифицированного международного договора или изменением действующего законодательства¹⁸. Возможно принятие специальных разъясняющих документов. Так, в целях обеспечения правильного применения арбитражными судами положений Арбитражного процессуального кодекса РФ о действии международных

¹⁵ Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма». Ст. 2, ч. 4. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2015).

¹⁶ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Ст. 3 ч. 1. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=189623> (дата обращения: 15.04.2015).

¹⁷ Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке Российской Федерации». Ст. 3, 15. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2015).

¹⁸ Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» и Федерального закона «О персональных данных» // Российская газета. 2013. 14 мая.

договорных норм процессуального характера было принято специальное Постановление Пленума Высшего арбитражного Суда РФ¹⁹. Однако зачастую специальных указаний по поводу реализации того или иного международного договора не принимается, и в таких случаях правоприменитель может попасть в затруднительное положение. В подобных случаях следует обращаться в Министерство иностранных дел РФ, которое уполномочено в пределах своей компетенции давать разъяснения по вопросам международного права в связи с запросами органов государственной власти, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ и членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ, физических и юридических лиц²⁰.

Бесспорно, Российская Федерация как суверен вправе самостоятельно определять, каким образом она будет следовать нормам общего международного права, выполнять свои договорные обязательства. Вместе с тем единство правового пространства России обеспечивается единообразием правоприменительной практики, в том числе и практики в сфере применения международно-правовых принципов и норм. Поэтому так важно выработать единый государственный стандарт применения международного права органами национальной юрисдикции, учитывающий регулятивную специфику различных областей общественных отношений.

Изучение правил применения международных договоров РФ должно базироваться на правильном понимании конституционного положения о преодолении коллизий между законом и договором (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Следует говорить не о приоритете норм международного договора по отношению к закону, а о приоритете применения. Конституционный Суд РФ определил, что международный договор РФ имеет приоритет перед законом лишь при наличии коллизии между ними²¹.

Место, занимаемое международным договором в иерархии источников права, определяется его категорией: межгосударственные, межведомственные, межправительственные. «Международный договор» — понятие родовое, объединяющее различные виды соглашений, равно как и понятие «закон»

¹⁹ Постановление Пленума Высшего арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=23447> (дата обращения: 15.04.2015).

²⁰ Положение «О Министерстве иностранных дел Российской Федерации», утверждённого Указом Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 865. П.19; Административный регламент Министерства иностранных дел РФ по предоставлению государственной услуги по даче разъяснений по вопросам международного права по запросам физических и юридических лиц, утверждённый Приказом МИД РФ от 30 марта 2012 г. № 4236. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2015).

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений ст. 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан //Российская газета. 2007. 14 февраля.

охватывает различные виды законов: федеральный конституционный закон, федеральный закон, федеральный закон по предметам исключительного ведения Российской Федерации, федеральный закон по предметам совместного ведения РФ и субъектов Федерации, закон субъекта Федерации. Международные договоры не занимают более высокого места в правовой системе России, чем законы РФ. Часть 4 статьи 15 Конституции РФ не устанавливает иерархию источников права. Она закрепляет правило разрешения коллизий между сопоставимыми друг с другом законами и договорами.

Возможность реального действия норм международного права непосредственно зависит от их организационного обеспечения, которое представляет собой деятельность целой системы органов, различных по уровню своей компетенции, назначению, но через свою деятельность обеспечивающих выполнение обязанности государства по осуществлению его международных обязательств и принципа *parata sunt servanda*. Мы смело можем отнести юридические вузы и факультеты к числу тех органов, которые вписаны в механизм организационного обеспечения выполнения международных обязательств России, поскольку подготовленность юристов к единообразному пониманию международного права и корректному применению международно-правовых норм в соответствии с конституционными установлениями определяет качество правовой системы России, эффективность государственно-правовой политики в области защиты национальных интересов. Весомый вклад в решение данной проблемы вносит юридический факультет МГПУ, нацеленный на получение студентами основательных знаний и практических навыков квалифицированного применения международно-правовых принципов и норм.

Литература

1. *Геворкян Е.Н.* Актуальные проблемы совершенствования государственной политики и законодательства в сфере поддержки талантливых детей и молодежи в условиях действия Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 4. С. 53–62.
2. *Пашенцев Д.А.* Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 2. С. 8–13.
3. *Пряхина Т.М.* Знать международное право // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 3. С. 72–84.
4. *Марочкин С.Ю.* Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 287 с.

Literatura

1. *Gevorkyan E.N.* Aktual'ny'e problemy' sovershenstvovaniya gosudarstvennoj politiki i zakonodatel'stva v sfere podderzki talantlivy'x detei i molodyozhi v usloviyax

dejstviya i Federal'nogo zakona «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 4. S. 53–62.

2. *Pachencev D.A.* Pravo na obrazovanie i problemy' ego realizacii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 2. S. 8–13.

3. *Pryaxina T.M.* Znat' mezdunarodnoe pravo // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2015. № 3. S. 72–84.

4. *Marochkin S.U.* Dejistvie i realizaciya norm mezdunarodnogo prava v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 287 s.

T.M. Pryahina

Being Able to Apply International Law

The paper analyses the issues of teaching students to apply international law properly. The author examines a special situation of the universally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation in the Russian legal system and methods, means of their application taking into account their affiliation to a different system of law are shown. The recommendations for improving the educational process and professional qualification of legal personnel are given.

Keywords: international law; international treaties; to apply the rule of law; education; law degree.

В.А. Сбежнев

Торговый сбор в городе Москве

В статье проанализированы особенности торгового сбора в городе Москве. Рассмотрены виды торговой деятельности, для которых предусмотрен торговый сбор, ставки и льготы по указанному платежу, а также орган исполнительной власти г. Москвы, осуществляющий полномочия по сбору, обработке и передаче налоговым органам сведений об объектах обложения торговым сбором.

Ключевые слова: налоговый федерализм; торговый сбор; ставки; льготы; г. Москва.

Особенности системы налогов и сборов РФ во многом обусловлены федеративным устройством России. Немалую роль играет местное самоуправление, финансовое обеспечение которого предполагает взимание местных налогов и сборов. Налоговый федерализм представляет собой один из важнейших вопросов юридической науки. Исследователи отмечают, что принцип налогового федерализма «тесно связан с требованием обеспечения доходной части бюджетов всех уровней, который основан на принципе финансовой самостоятельности Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований, а также на принципе финансирования государства за счет налогов» [7]. Мы полагаем, что обязательные платежи должны также содействовать реализации и иных положений Конституции РФ. Справедливо мнение В.Г. Панскова, отмечающего, что «необходимость налогов предопределяется непосредственно функциями государства» [6: с. 111]. На наш взгляд, немалую роль в выполнении функций государства играют региональные и местные налоги и сборы. Установление региональных и местных платежей обеспечивает не только формирование доходов соответствующих бюджетов, но и гибкость регулирования экономики с учетом ее территориальных особенностей.

В настоящее время существенной проблемой является обеспечение достаточного финансирования деятельности государства и муниципальных образований. Очевидно, что простое увеличение налогового бремени негативно отразится на состоянии российской экономики. Можно полагать, что решение указанной проблемы требует реализации комплекса мер по следующим взаимосвязанным направлениям: оптимизация системы обязательных платежей, повышение эффективности налогового контроля, укрепление внутренней экономики и повышение уровня доходов населения.

Новым шагом на пути оптимизации системы обязательных платежей стало появление в системе налогов и сборов Российской Федерации торгового сбора, который отнесен к местным платежам. Федеральным законом

от 29 ноября 2014 № 382-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [3] Налоговый кодекс РФ [1–2] дополнен тридцать третьей главой, которая содержит основные положения, регулирующие установление, введение и уплату торгового сбора.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 410 НК РФ в городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе торговый сбор устанавливается Налоговым кодексом РФ и законами указанных субъектов РФ, вводится в действие, прекращает действовать в соответствии с Налоговым кодексом РФ и законами указанных субъектов РФ и обязателен к уплате на территориях этих субъектов РФ.

В г. Москве торговый сбор устанавливается с 1 июля 2015 года (в соответствии со ст. 1 Закона г. Москвы «О торговом сборе» [4]).

Основная цель нового платежа — увеличение бюджетных доходов. Поскольку налогоплательщики имеют право уменьшить сумму налога на доходы физических лиц, налога на прибыль организаций, налога, уплачиваемого при применении упрощенной системы налогообложения, на сумму уплаченного торгового сбора, можно сделать вывод, что торговый сбор обеспечивает распределение доходов между бюджетами различных уровней, а также величину поступлений в бюджетную систему не ниже ставок торгового сбора, предотвращает занижение сумм, подлежащих уплате обязательных платежей организациями и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими торговлю.

В науке отмечается, что существуют три основные формы распределения налогов между бюджетами различных уровней, условно именуемые «разные налоги», «разные ставки», «разные доходы» [5: с. 312]. Основным способом адаптации торгового сбора к особенностям территориальной экономики является установление его ставок. Следует отметить, что Налоговый кодекс РФ не определяет базовые ставки торгового сбора, но содержит правила их установления, в том числе ограничивающие возможную величину ставок (ст. 415 НК РФ).

В соответствии с абз. 1 п. 1 ст. 415 НК РФ ставки сбора устанавливаются в рублях за квартал (согласно ст. 414 — период обложения) в расчете на объект осуществления торговли или на его площадь. Уплачивается сбор не позднее 25-го числа месяца, следующего за периодом обложения (п. 2 ст. 417 НК РФ).

В г. Москве ставки торгового сбора дифференцируются в зависимости от вида торговой деятельности.

Налоговый кодекс РФ выделяет следующие виды торговой деятельности (п. 2 ст. 413 НК РФ):

- торговля через объекты стационарной торговой сети, не имеющие торговых залов (за исключением объектов стационарной торговой сети, не имеющих торговых залов, являющихся автозаправочными станциями);
- торговля через объекты нестационарной торговой сети;
- торговля через объекты стационарной торговой сети, имеющие торговые залы;
- торговля, осуществляемая путем отпуска товаров со склада.

Законом г. Москвы «О торговом сборе» определены следующие виды торговой деятельности:

- торговля через объекты стационарной торговой сети, не имеющие торговых залов (за исключением объектов стационарной торговой сети, не имеющих торговых залов, являющихся автозаправочными станциями), и нестационарной торговой сети (за исключением развозной и разносной розничной торговли);
- торговля через объекты стационарной торговой сети с торговыми залами;
- развозная и разносная розничная торговля;
- организация розничных рынков.

Таким образом, столичный законодатель расширил предусмотренный Налоговым кодексом РФ перечень видов торговли, выделив развозную и разносную розничную торговлю (для такого вида торговли установлена ставка торгового сбора 40 500 руб.). Для всех прочих видов нестационарной торговли установлены те же ставки, что и для торговли через объекты стационарной торговой сети, не имеющие торговых залов (за исключением объектов стационарной торговой сети, не имеющих торговых залов, являющихся автозаправочными станциями).

Кроме того, для первых двух видов торговли ставки дифференцируются в зависимости от места осуществления деятельности. Законодатель установил следующие территории города, по которым дифференцируются ставки торгового сбора:

- 1) районы, входящие в Центральный административный округ;
- 2) районы, входящие в Северный (за исключением района Молжаниновский), Северо-Восточный (за исключением района Северный), Восточный (за исключением районов Восточный, Новокосино и Косино-Ухтомский), Юго-Восточный (за исключением района Некрасовка), Южный, Юго-Западный (за исключением районов Северное Бутово и Южное Бутово), Западный (за исключением районов Солнцево, Ново-Переделкино и Внуково), Северо-Западный (за исключением районов Митино и Куркино) административные округа.

3) районы и поселения, входящие в Зеленоградский, Троицкий и Новомосковский административные округа, а также в районы Молжаниновский Северного административного округа, Северный Северо-Восточного административного округа, Восточный, Новокосино и Косино-Ухтомский Восточного административного округа, Некрасовка Юго-Восточного административного округа, Северное Бутово и Южное Бутово Юго-Западного административного округа, Солнцево, Ново-Переделкино и Внуково Западного административного округа, Митино и Куркино Северо-Западного административного округа;

На основе анализа ставок торгового сбора, предусмотренных Законом г. Москвы «О торговом сборе», можно сказать, что в Москве применяется

прогрессивная шкала обложения для указанных выше территорий. Для территорий первой группы установлены наибольшие ставки торгового сбора, для территорий третьей группы — наименьшие. Так, например, для торговли через объекты стационарной торговой сети, не имеющие торговых залов (за исключением объектов стационарной торговой сети, не имеющих торговых залов, являющихся автозаправочными станциями), и нестационарной торговой сети (за исключением развозной и разносной розничной торговли) установлены по упомянутому разбиению территорий следующие ставки: 81 000 руб., 40 500 руб., 28 350 руб.

Важно отметить, что ставка возрастает в зависимости от места осуществления деятельности, а не от роста налоговой базы. Такое дифференцирование ставок предусмотрено п. 6 ст. 415 НК РФ и специфично для торгового сбора. Следует обратить внимание на значение места осуществления торговой деятельности. «Обязательным атрибутом плательщика торгового сбора является осуществление вида предпринимательской деятельности, в отношении которого установлен торговый сбор, с использованием объектов движимого и (или) недвижимого имущества на территории соответствующего муниципального образования (города федерального значения)» [8]. Территория осуществления деятельности плательщика торгового сбора предопределяет не только наличие обязанности по уплате торгового сбора, но и подлежащие уплате суммы сбора.

Ставки сбора для торговли через объекты стационарной торговой сети с торговыми залами дифференцируются не только в зависимости от района осуществления торговой деятельности, но и в зависимости от площади торгового зала: до 50 кв. метров (включительно) и свыше 50 кв. метров. В первом случае физическим показателем, для которого установлена ставка (то есть единицей обложения), является объект осуществления торговли (ставки с учетом территории осуществления деятельности составляют 60 000 руб., 30 000 руб. и 21 000 руб. соответственно). Во втором случае физическим показателем является 1 кв. метр площади торгового зала. Причем для площади торгового зала в пределах 50 кв. метров предусматриваются следующие ставки с учетом территории осуществления деятельности: 1200, 600 и 420 рублей за каждый кв. метр площади торгового зала. Для площади торгового зала свыше 50 кв. метров — доплачиваются по 50 рублей за каждый полный и неполный кв. метр.

Применительно к деятельности по организации розничных рынков физическим показателем также является 1 кв. метр площади розничного рынка. Ставка составляет 50 руб. за каждый кв. метр такой площади.

Таким образом, дифференцирование ставок торгового сбора в г. Москве отличается комплексным характером, поскольку основано на сочетании нескольких критериев. Для применения конкретной ставки торгового сбора необходимо, чтобы деятельность плательщика соответствовала одновременно нескольким критериям. Основным критерием является вид торговой деятельности. Кроме того,

Налоговый кодекс РФ предусматривает следующие критерии, по которым может осуществляться дифференцирование ставок торгового сбора (п. 6 ст. 415 НК РФ): территория осуществления конкретного вида торговой деятельности; категория плательщика сбора; особенности осуществления отдельных видов торговли; особенности объектов осуществления торговли. Законодательные органы города федерального значения не имеют права дифференцировать ставки сбора по иным критериям (поскольку Налоговый кодекс РФ установил закрытый перечень таких критериев).

Заслуживают внимания льготы по торговому сбору, предусмотренные в г. Москве. Столичный законодатель предусматривает два вида льгот:

– в зависимости от субъекта (организации федеральной почтовой связи и автономные, бюджетные и казенные учреждения освобождены от уплаты торгового сбора (п. 2 ст. 3));

– в зависимости от вида торговли.

Так, согласно п. 1 ст. 3 Закона г. Москвы № 62 от обложения торговым сбором освобождается использование объектов движимого или недвижимого имущества для осуществления следующих видов торговой деятельности:

1) розничная торговля, осуществляемая с использованием торговых (вендинговых) автоматов;

2) торговля на ярмарках выходного дня, специализированных ярмарках и региональных ярмарках;

3) торговля через объекты стационарной и нестационарной торговой сети, расположенные на территории розничных рынков;

4) разносная розничная торговля, осуществляемая в зданиях, сооружениях, помещениях, находящихся в оперативном управлении автономных, бюджетных и казенных учреждений.

Следует остановиться на особенностях контроля за объектами обложения торговым сбором.

Столичный закон (ст. 4) установил, что полномочия по сбору, обработке и передаче налоговым органам сведений об объектах обложения торговым сбором, а также по контролю за полнотой и достоверностью информации об объектах обложения торговым сбором осуществляются органом исполнительной власти г. Москвы, выполняющим функции по разработке и реализации экономической и налоговой политики (далее — уполномоченный орган).

В соответствии со ст. 418 НК РФ уполномоченный орган должен осуществлять контроль за полнотой и достоверностью информации об объектах обложения сбором на территории г. Москвы.

Согласно п. 4 ст. 418 НК РФ при выявлении объектов обложения сбором, в отношении которых в налоговый орган не представлено уведомление или в отношении которых в уведомлении указаны недостоверные сведения, уполномоченный орган в течение пяти дней составляет акт о выявлении нового объекта обложения сбором или акт о выявлении недостоверных сведений

в отношении объекта обложения сбором и направляет указанную информацию в налоговый орган по форме (формату) и в порядке, которые определяются федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов.

На уполномоченный орган также возложена обязанность по информированию плательщика сбора о направлении информации в налоговый орган (в течение пяти дней с даты направления соответствующей информации в налоговый орган).

Таким образом, ставки торгового сбора в г. Москве адаптированы к экономической системе города. Вместе с тем возникает вопрос о возможности получения отдельными организациями и индивидуальными предпринимателями соответствующей суммы прибыли и, соответственно, о возможности уплатить причитающиеся суммы торгового сбора. Представляется целесообразным установить более гибкую систему обложения сбором. В частности, предусмотреть освобождение от уплаты сбора в первый год деятельности организации, индивидуальных предпринимателей и постепенное увеличение ставок для них в последующие годы.

В заключение можно отметить, что оптимизация системы обязательных платежей является комплексной задачей, решение которой невозможно без эффективного налогового контроля, а также укрепления внутренней экономики, повышения уровня доходов населения.

Литература

1. Налоговый кодекс РФ (часть I) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824, 3825.
2. Налоговый кодекс РФ (часть II) от 15 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
3. Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 382-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 01 декабря 2014. № 48. Ст. 6663.
4. Закон г. Москвы от 17 декабря 2014 № 62 «О торговом сборе» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 30 декабря 2014. № 72.
5. Налоговое право: учебник / под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Юрист, 2003. 591 с.
6. Пансков В.Г. Налоги и налогообложение в Российской Федерации. М.: МЦФЭР, 2006. 592 с.
7. Сасов К.А. Налоговое правосудие в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: монография. М.: Норма, 2013. 256 с.
8. Сбежнев В.А. Торговый сбор // Налоговый вестник. 2015. № 5. С. 91–96.

Literatura

1. Nalogovy'j kodeks RF (chast' I) ot 31 iyulya 1998 g. № 146-FZ // SZ RF. 1998. № 31. St. 3824, 3825.
2. Nalogovy'j kodeks RF (chast' II) ot 15 avgusta 2000 g. № 117-FZ // SZ RF. 2000. № 32. St. 3340.

3. Federal'ny'j zakon ot 29 noyabrya 2014 g. № 382-FZ «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 01 dekabrya 2014. № 48. St. 6663.
4. Zakon g. Moskvy' ot 17 dekabrya 2014 № 62 «O torgovom sbore» // Vestnik Me'ra i Pravitel'stva Moskvy'. 30 dekabrya 2014. № 72.
5. Nalogovoe pravo: uchebnik / pod red. S.G. Pepelyaeva. M.: Yurist', 2003. 591 s.
6. *Panskov V.G.* Nalogi i nalogooblozhenie v Rossijskoj Federacii. M.: MCFE'R, 2006. 592 s.
7. *Sasov K.A.* Nalogovoe pravosudie v resheniyax Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: monografiya. M.: Norma, 2013. 256 s.
8. *Sbezhdnev V.A.* Torgovy'j sbor // Nalogovy'j vestnik. 2015. № 5. S. 91–96.

V.A. Sbezhdnev

Sales Tax in Moscow

The paper analyzes the features of sales tax collected in Moscow. It studies the types of trading activities which this tax is collected in, rates and benefits of these payments, as well as the executive authority of Moscow which exercises the powers of collection and processing and transfers the information about the objects of taxation to tax authorities.

Keywords: fiscal federalism; sales tax; rates; tax rebate; Moscow.

Л.Б. Ситдикова

Здания, сооружения и объекты незавершенного строительства как правовые категории в гражданском праве

В данной статье рассматриваются понятия и правовая природа дефиниций «здание», «сооружение» и «незавершенное строительство» как специфической разновидности объектов недвижимого имущества. Поднимается проблема отсутствия их легального определения в различных отраслях права: гражданского, градостроительного, земельного, что порождает на практике огромное количество споров.

Ключевые слова: здания; сооружения; строения; незавершенное строительство; объект недвижимости.

Можно назвать традиционным, что при описании объектов, появление которых происходит в результате строительной деятельности, гражданское законодательство применяет такие понятия, как «постройка» или «строение». Помимо простых названий, законодатель допускает и усложненные словосочетания, такие как «здание и сооружение» в статьях 239, 263, 316, 334, 340 и др. ГК РФ или «строение и сооружение» в Федеральном законе РФ о садоводческих... некоммерческих объединениях граждан [14] и самое сложное — «здание, строение и сооружение» в Градостроительном кодексе РФ [12]. Однако чаще всего используется терминологический ряд, включающий в себя следующее сочетание, — «здание, сооружение или иное недвижимое имущество».

Помимо вышеперечисленных понятий, в гражданском законодательстве и научной литературе относительно недвижимости применяется и такое понятие, как «объект незавершенного строительства». В юридической литературе до сих пор существует доктринальная точка зрения о невозможности отнесения объекта незавершенного строительства к недвижимости [2: с. 3]. В связи с этим особое значение приобретает вопрос о гражданско-правовом регулировании оборота объектов незавершенного строительства.

Совокупность судебной практики по спорам, возникающим вокруг объектов незавершенного строительства, а также теоретических исследований данного вопроса, свидетельствует, что «объект незавершенного строительства» является более узким понятием и поглощается понятием «вновь создаваемое недвижимое имущество», и оба эти понятия можно описать как здание или сооружение с одной только разницей, что они являются недостроенным объектом [6: с. 31].

Таким образом, при всем многообразии недвижимого имущества, необходимо выбрать такие понятия как «здания» и «сооружения» в качестве объекта нашего исследования, так как все остальные являются производными от них.

Следует отметить, что, несмотря на широкое применение понятий «здание» и «сооружение», законодатель не посчитал необходимым дать им определения, и только из толкования соответствующих статей можно установить их принадлежность к недвижимым объектам. Определение места зданий и сооружений в составе недвижимости дает нам основания говорить о наличии у них общих свойств.

Отличительным признаком недвижимости современное гражданское законодательство определяет прочную связь имущества с землей, которая не позволяет переместить это имущество без несоразмерного ущерба их назначению. Следует отметить, что связь той или иной вещи с землей оценивается степенью прочности и может быть различной. В ст. 130 ГК РФ законодатель определил связь недвижимых вещей с землей как прочную. В то же время, как отмечает С.Ю. Стародумова, «...сложно определить степень самой прочности, ее критерии нигде не описано» [10: с. 14].

Судебная практика, не имея каких-либо источников определения понятия «прочности», применяет расширенное толкование понятия объекта недвижимости. Так, например, ФАС Уральского округа, рассматривая одно из дел, в своем постановлении указал, что прочная связь с землей не является единственным критерием отнесения того или иного имущества к объекту недвижимости. По мнению ФАС Уральского округа необходимо дополнительно устанавливать назначение этого имущества, а также установить обстоятельства его появления (создания) [19]. Такая же позиция отражена и в постановлении ФАС Северо-Кавказского округа, где указано, что понятие «недвижимость» является правовой категорией, поэтому признание объекта недвижимым в качестве объекта гражданских прав невозможно на том лишь основании, что оно прочно связано с землей и на него оформлен технический паспорт [20].

По мнению В.В. Чубарова, позицию суда, дающего толкование положений законодательства, а не формулирующего правоположения, следует признать неправильной [11: с. 25]. Внесение судом дополнительных критериев к уже существующим в законодательстве не только усложняет понимание действующего нормативного материала, но и создает определенную путаницу для участников гражданского оборота. По нашему мнению, законодательно

закрепленный критерий «прочная связь с землей» является скорее техническим, чем юридическим, и для его применения необходимо привлечение специалистов с целью получения обоснованного заключения.

Исследователи иронически подходят и к критерию «несоразмерности ущерба», который применяется в ст. 130 ГК РФ [9: с. 42]. Современные технические средства позволяют переместить практически любое сооружение или здание без какого-либо ущерба. Например, недавно закончившийся ремонт Большого театра показал, что подъем такого довольно большого здания и отрыв от фундамента для его замены на новый, не причинил никакого ущерба зданию. Сам перенос зданий на новое место практикуется уже больше столетия.

Однако такие масштабные работы по перемещению зданий или отрыву их от фундамента являются уникальными событиями, и данные мероприятия не могут быть юридически закреплены в кодифицированных актах. Поэтому необходимо говорить, что описание в ГК РФ критерия определения недвижимого имущества через несоразмерность ущерба, скорее всего, юридический прием описания прочности связи объекта недвижимости с землей. Данные критерии следует рассматривать во взаимообусловленной связке «перемещение – ущерб – назначение». По нашему мнению, именно взаимозависимость и органическое единство двух критериев — «прочная связь с землей» и «невозможность перемещения без причинения соразмерного ущерба ее назначению» — позволяет отграничивать объекты недвижимости от всех иных вещей.

Таким образом, здания и сооружения — это специфическая разновидность недвижимости. Они создаются в результате строительной деятельности людей, что предполагает их завершенность и готовность к использованию по назначению. К зданиям и сооружениям не относятся временные строения (киоски, павильоны, ларьки и т. д.) у которых нет фундамента и имеются облегченные сборно-разборные характеристики. Конструкции зданий и сооружений рассчитываются инженерами на довольно длительный период эксплуатации, и по истечении определенного времени некоторые из них могут стать памятниками истории, культуры и т. д. и соответственно приобрести значительную культурно-историческую ценность.

В юридической литературе исследователи не оставляют попыток выработать юридически значимое определение понятий «здание», «сооружение» через описание их различий [8: с. 2]. В первую очередь все обращаются к толковому словарю Ожегова, из анализа приведенных в нем определений, можно констатировать, что понятие «сооружение» выступает в качестве родового по отношению к понятию «здание» [7: с. 227]. Соответственно под «сооружением» могут выступать постройки различного вида и назначения и имеющие значительные размеры. Таким образом, говоря об отличительных признаках зданий и сооружений, можно утверждать, что их применимость возможна только в повседневном использовании и она не будет иметь юридической силы. Данный вывод подтверждает и отсутствие дифференциации в регулировании правоотношений, возникающих в связи

с этими объектами. Следует обратить внимание, что юридически значимыми являются критерии отделения «зданий» от «построек», которые не относятся к объектам недвижимости, а также от иных объектов недвижимости, на которые не распространяются специальные правила, предусмотренные § 4 главы 34 ГК РФ. Тем не менее необходимо рассмотреть отличия зданий от сооружений, используемых в практической деятельности. Принято считать, что к зданиям относятся капитальные строения, которые предназначены для проживания и служебной или иной деятельности людей, т. е. характеризующим свойством здесь является длительность нахождения в здании людей. Сооружения имеют в основном сугубо техническое назначение, и человек может там находиться непродолжительное время или находиться временно (эпизодически) для поддержания его технического назначения или проверки. В научно-технической литературе сооружениями называют строительные объекты, не относящиеся к зданиям [5: с. 25]. Соответственно органы кадастрового и технического учета ведут учет в разделе «Сооружения» Единого государственного реестра прав объектов транспортной инфраструктуры (таких как мосты, путепроводы, тоннели), гидротехнических сооружений (плотины, водохранилища, каналы), спортивных объектов типа стадионов, арен, бассейнов и т. д. [13]. Таким образом, сооружения имеют сугубо технологическое назначение, и люди в них находятся временно, и, как правило, в ограниченном количестве.

В юридической литературе для классификации зданий широко используется такой классифицирующий признак, как их функциональное назначение, цель использования. При всем разнообразии функционального назначения зданий (жилые здания, административные и бытовые, производственные, общественные, складские, сельскохозяйственные и т. д.) законодательно выделены два вида — жилые и нежилые здания. Жилые здания предназначены для постоянного проживания в них человека, нежилые — для пребывания в них человека с иными целями, не связанными с проживанием, в зависимости от функционального назначения. Здание может признаваться жилым в целом или в его части, если оно имеет функциональное назначение для постоянного нахождения в нем людей с целью проживания. Кроме возможности проживания в нем людей, здание должно соответствовать требованиям санитарно-технических норм и правил. Если здание используется не для постоянного, а временного нахождения в нем людей, не имеющих целью проживание, например, в лечебных, культурных, производственных, административных и т. п. целях, то такое здание признается нежилым.

Разделение зданий на жилые и нежилые имеет большое значение, и это связано с возможностью изменения статуса зданий с жилых на нежилые и наоборот. Однако такое изменение возможно только в строго установленном законом порядке. Кроме того, на жилые здания гражданское законодательство возлагает определенные ограничения, например, запрещено в жилых зданиях размещать промышленное производство.

Закон о госрегистрации предполагает проведение регистрационных действий с объектами недвижимости, в котором основное и служебное строение выступают в качестве единого объекта учета, или регистрацию только основного здания. Поэтому в отношении зданий может быть применен такой признак, как делимость. Однако не все здания могут иметь этот признак, поэтому различают здания технически делимые и неделимые.

Сущность юридической делимости заключается в том, что вещь сохраняет свою целостность, однако ее части становятся самостоятельными вещами, несущими в себе то же назначение, что и вещь в целом. Представляется очевидным, что здание — это не просто совокупность помещений, это «системный организм», в состав которого входят коммуникации, так называемые общие помещения (лестницы, крыша, подвал и т. д.). При «исчезновении» здания путем юридического выделения из него самостоятельных нежилых помещений, судьба указанного имущества остается вне правового поля. Одной из возможных моделей решения этого вопроса может стать модель общей собственности на общее имущество собственников конкретных нежилых помещений. Однако для этого потребуются внесение соответствующих изменений в действующее законодательство и кардинальное изменение арбитражной практики.

Таким образом, делимость как свойство вещи оказывает существенное влияние на правовой режим здания. По замечанию Е.В. Васьковского, способность вещи «дробиться» влияет на «объем власти, предоставленной над вещами частными лицами» [3]. Делимость здания имеет значение при отчуждении части здания и т. п. Юридическое значение возможности деления здания на отдельные помещения особенно важно при выделении доли из общей собственности, а также аренде помещения и т. п.

Остановимся еще на одной проблеме, которая возникает в правоприменительной практике. Исходя из п. 2 Информационного письма [15], в отношении договоров аренды нежилых помещений должны применяться правила п. 2 ст. 651 ГК РФ. Из данной формулировки следует лишь то, что высшая судебная инстанция рекомендует судам применять по аналогии только указанную норму. Однако арбитражные суды нередко толкуют содержание данного информационного письма весьма широко, применяя к договорам аренды нежилых помещений по аналогии все нормы, содержащиеся в § 4 гл. 34 ГК РФ об аренде зданий и сооружений. Такое расширительное толкование, по нашему мнению, представляется неверным. ГК РФ отделяет аренду зданий и иных сооружений от аренды иного недвижимого имущества, в том числе нежилых помещений. Нормы § 4 гл. 34 ГК РФ рассчитаны на применение в отношении исключительно договора аренды здания или иного сооружения как особого объекта недвижимого имущества, имеющего непосредственную связь с земельным участком.

Важно заметить, что предметом аренды зданий и сооружений может выступать всегда здание или сооружение в целом, а не какие-либо помещения,

входящие в их состав. В качестве таких объектов, которые входят в состав здания или сооружения, могут выступать как помещения, которые относятся к жилым (например, апартаменты в офисном здании), так и нежилым (подвальное помещение, комната под офис в административном здании). В ГК РФ и иных правовых актах понятие «нежилое помещение» утратило былое значение в качестве понятия «строение» и употребляется обычно как понятие, характеризующее часть целого. Как указывает А.Д. Александров, особые свойства зданий (сооружений) как объекта аренды соответственно влекут за собой и установление жестких законодательных требований к самому договору [1: с. 63].

Следует всегда иметь в виду, что здания (сооружения) могут рассматриваться в качестве объекта арендных отношений только после завершения их строительства, технической инвентаризации, ввода в эксплуатацию и государственной регистрации. Это связано с тем, что договор аренды здания (сооружения) как правовой документ должен обязательно содержать описание функционального назначения арендуемого объекта, и арендатор должен строго выполнять требования по сохранению профиля и использованию здания только по функциональному назначению. Объект же незавершенного строительства хотя и является объектом недвижимости согласно ст. 130 ГК РФ, однако, по нашему мнению, не может полноценно вступать в имущественный оборот по той причине, что он представляет собой вещь, еще находящуюся в процессе создания. Поэтому аренда такой вещи невозможна, поскольку невозможно пользование несозданной вещью. Однако анализ судебной практики показывает, что суды подходят к этому вопросу неоднозначно. Так, например, ФАС Уральского округа в своем постановлении указал, что сдача в аренду объекта, строительство которого еще не завершено, противоречит смыслу арендных отношений. Данный вывод суд аргументирует тем, что только по завершению строительства можно будет определить окончательно его характеристики и функциональное назначение [16]. Другие же суды считают возможным сдачу в аренду объектов незавершенного строительства, при этом свои доводы аргументируют выводами, сделанными из смысла содержания ст. 650 ГК РФ, которая не предусматривает ограничения в отношении объекта незавершенного строительства, а также положения ст. 130 ГК РФ о том, что объект незавершенного строительства является недвижимым имуществом [17–18].

Рассматривая в качестве объектов аренды здания и иные сооружения, следует учитывать, что здание всегда расположено на определенном земельном участке, и поэтому аренда здания предполагает передачу в аренду и того участка земли, на котором это здание расположено. ГК РФ однозначно трактует право арендатора зданий или сооружений на аренду земельного участка, на котором они расположены, независимо от права арендодателя здания на этот участок или неустановления в договорных отношениях права арендатора в отношении земельного участка.

Поэтому в качестве одной из особенностей аренды зданий и сооружений следует указать обязанность арендодателя передать не только объект недвижимости, выступающий предметом договора аренды, но и права на земельный участок, на котором он расположен и который является необходимым условием использования этого здания. Эта обязанность вытекает из требований гражданского оборота, поскольку без земельного участка, на котором расположен объект аренды, невозможно осуществлять реализацию прав пользования. Однако арендатор приобретает право только на тот участок, на котором расположен объект аренды, а не на весь земельный участок, который находится во владении арендодателя.

Относительно арендных отношений, возникающих во взаимосвязи здания (сооружения) и земельного участка под ним, в работе А.В. Ерш приводится утверждение, что договор аренды зданий и сооружений в качестве правоустанавливающего документа одновременно порождает арендные отношения по поводу не только здания (сооружения), но и по поводу использования части земельного участка [4: с. 99]. Данное утверждение подкрепляется выводами из текста ст. 652 ГК РФ, где оговаривается возникновение арендных отношений, помимо здания (сооружения), и на конкретную часть земельного участка, на которой расположено арендуемое здание. Это позволяет говорить, что отношения по поводу этой части земельного участка также носят арендный характер.

Литература

1. *Александров А.Д.* Новый Земельный кодекс Российской Федерации об аренде, купле-продаже и мене земельных участков // *Юридический мир*. 2002. № 1. С. 61–65.
2. *Валеев Р.А.* Правовой режим объекта незавершенного строительства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2007. 26 с.
3. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права / науч. ред. В.С. Ем. М.: Статут, 2003. 382 с.
4. *Ерш А.В.* Здания и сооружения как предмет договора аренды // *Вестник ВАС РФ*. 2000. № 8. С. 96–101.
5. *Липски С.А.* Комплексные кадастровые работы как необходимый шаг по упорядочению отношений в сфере недвижимости // *Правовые вопросы недвижимости*. 2015. № 1. С. 25–28.
6. *Незнамова А.А.* Особенности договора купли-продажи объекта незавершенного строительства // *Юридический мир*. 2014. № 11. С. 29–33.
7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ИТИ Технологии, 1997. 944 с.
8. *Пискунова Е.А.* Особенности правового регулирования государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений // *Правовые вопросы недвижимости*. 2012. № 2. С. 2–5.
9. *Стародумова С.Ю.* Понятие недвижимости в гражданском праве // *Юридический мир*. 2015. № 5. С. 42–45.
10. *Стародумова С.Ю.* Правовой режим недвижимых вещей // *Правовые вопросы недвижимости*. 2015. № 1. С. 14–17.

11. Чубаров В.В. Правовой режим нежилого помещения как самостоятельного объекта недвижимости // Право и экономика. 2011. № 3. С. 39–41.
12. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.
13. Федеральный закон РФ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.
14. Федеральный закон Российской Федерации «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» от 15.04.1998 № 66-ФЗ (ред. 31.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1801.
15. Информационное письмо Президиума ВАС Российской Федерации от 01.06.2000 № 53 «О государственной регистрации договора аренды нежилых помещений» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27636/
16. Постановление ФАС Уральского округа от 09.08.2005 № Ф09-2495/05-С3 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AUR;n=47028>
17. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 19.04.2006 № Ф04-1169/2006 (21628-А81-5).
18. Постановления ФАС Московского округа от 25.05.2000 по делу № КГ-А40/2021-00, от 20.02.2006 по делу № КГ-А40/442-06 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика».
19. Постановление ФАС Уральского округа от 07.03.2007 № Ф09-1349/07-С6 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=AUR&n=66450&req=doc>
20. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 15.10.2012 № А63-9313/2011 // СПС «КонсультантПлюс. Судебная практика». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ASK;n=86314>

Literatura

1. Aleksandrov A.D. Novy'j Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ob arende, kuple-prodazhe i mene zemel'ny'x uchastkov // Yuridicheskij mir. 2002. № 1. S. 61–65.
2. Valeev R.A. Pravovoj rezhim ob'ekta nezavershennogo stroitel'stva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ufa, 2007. 26 s.
3. Vas'kovskij E.V. Uchebnik grazhdanskogo prava / nauch. red. V.S. Em. M.: Statut, 2003. 382 s.
4. Ersh A.V. Zdaniya i sooruzheniya kak predmet dogovora arendy' // Vestnik VAS RF. 2000. № 8. S. 96–101.
5. Lipski S.A. Kompleksny'e kadastry'ye raboty' kak neobxodimy'j shag po uporyadocheniyu otnoshenij v sfere nedvizhimosti // Pravovy'e voprosy' nedvizhimosti. 2015. № 1. S. 25–28.
6. Neznamova A.A. Osobennosti dogovora kupli-prodazhi ob'ekta nezavershennogo stroitel'stva // Yuridicheskij mir. 2014. № 11. S. 29–33.
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovy'j slovar' russkogo yazy'ka. 4-e izd., dop. M.: ITI Tekhnologii, 1997. 944 s.
8. Piskunova E.A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoj registracii dogovorov arendy' nezhil'y'x pomeshhenij // Pravovy'e voprosy' nedvizhimosti. 2012. № 2. S. 2–5.

9. Starodumova S.Yu. Ponyatie nedvizhimosti v grazhdanskom prave // Yuridicheskij mir. 2015. № 5. S. 42–45.
10. Starodumova S.Yu. Pravovoj rezhim nedvizhimy'x veshhej // Pravovy'e voprosy' nedvizhimosti. 2015. № 1. S. 14–17.
11. Chubarov V.V. Pravovoj rezhim nezhilogo pomeshheniya kak samostoyatel'nogo ob'ekta nedvizhimosti // Pravo i e'konomika. 2011. № 3. S. 39–41.
12. Gradostroitel'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 № 190-FZ (red. 13.07.2015) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2005. № 1 (chast' 1). St. 16.
13. Federal'ny'j zakon RF «O gosudarstvennoj registracii prav na nedvizhimoe imushhestvo i sdelok s nim» ot 21.07.1997 № 122-FZ (red. 13.07.2015) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1997. № 30. St. 3594.
14. Federal'ny'j zakon Rossijskoj Federacii «O sadovodcheskix, ogorodnicheskix i dachny'x nekommercheskix ob'edineniyax grazhdan» ot 15.04.1998 № 66-FZ (red. 31.12.2014) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1998. № 16. St. 1801.
15. Informacionnoe pis'mo Prezidiuma VAS Rossijskoj Federacii ot 01.06.2000 № 53 «O gosudarstvennoj registracii dogovora arendy' nezhily'x pomeshhenij» // SPS «Konsul'tantPlyus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27636/
16. Postanovlenie FAS Ural'skogo okruga ot 09.08.2005 № F09-2495/05-S3 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AUR;n=47028>
17. Postanovlenie FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 19.04.2006 № F04-1169/2006 (21628-A81-5).
18. Postanovleniya FAS Moskovskogo okruga ot 25.05.2000 po delu № KG-A40/2021-00, ot 20.02.2006 po delu № KG-A40/442-06 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika».
19. Postanovlenie FAS Ural'skogo okruga ot 07.03.2007 № F09-1349/07-S6 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=AUR&n=66450&req=doc>
20. Postanovlenie FAS Severo-Kavkazskogo okruga ot 15.10.2012 № A63-9313/2011 // SPS «Konsul'tantPlyus. Sudebnaya praktika». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ASK;n=86314>

L.B. Sitdikova

Buildings, Structures and Objects of Construction in Progress as a Legal Category in Civil Law

This article discusses the concepts and legal nature of the definitions “building”, “structure” and “construction in progress” as a specific variety of real estate objects. The problem of modern legislation, as the author notes, is the lack of a legal definition in different branches of law such as civil, city planning and land. This causes a huge amount of disputes in practice.

Keywords: buildings; structures; construction in progress; real estate object.

Е.В. Логинова

Принцип неприкосновенности собственности в гражданском праве

В статье проанализировано понятие принципа неприкосновенности собственности в современном гражданском праве, также рассматриваются современные подходы к пониманию права собственности. Выявлены основные проблемы реализации принципа неприкосновенности собственности в современных условиях.

Ключевые слова: собственность; право собственности; неприкосновенность собственности; принципы права; гражданское право.

В условиях развития рыночных отношений в экономике современной России важное научно-практическое значение приобретает анализ базовых теоретических аспектов гражданско-правового регулирования. Выступая основой, сердцевинной частного права, гражданское право в существенной степени влияет на эффективность развития всей экономической сферы общества, формирует предпосылки для становления институтов и структур гражданского общества. Гражданское право регулирует отношения между физическими и юридическими лицами как субъектами, действующими в легальном пространстве и формирующими это пространство. В этом состоит его значение для развития всей правовой системы.

Конкретные гражданско-правовые нормы берут свое начало в совокупности общих положений, которые в научной литературе принято именовать принципами права.

Современные правоведы уделяют принципам права достаточно много внимания. В российской цивилистике сформировались различные подходы к определению понятия принципов гражданского права, их содержания, а также к формированию их перечня [6: с. 80].

Принципы гражданского права имеют следующие особенности:

- 1) наиболее важные из них закреплены в Гражданском кодексе как основном источнике гражданского права России;
- 2) в принципах проявляется сущность и природа гражданского права;
- 3) принципы гражданского права опираются на нормы действующей Конституции;
- 4) принципы определяют направления гражданско-правового регулирования.

Принципы гражданского права имеют не только теоретическое, но и практическое значение, так как они применяются судами, но опосредованно.

При этом суды, как правило, избегают ссылаться в своих решениях на принципы как на нормы прямого действия. Вместо этого судьи используют принципы при мотивировке своих решений в качестве дополнительных аргументов, для целей толкования и при обращении к аналогии права.

В качестве одного из основных принципов гражданского права можно рассматривать принцип неприкосновенности собственности. Значение этого принципа определяется тем, что именно право собственности составляет основу всего частного права, оно справедливо рассматривается как одно из основных и неотчуждаемых прав человека [5: с. 128]. Право собственности гарантировано действующей Конституцией Российской Федерации.

Право собственности оказывает во многом определяющее воздействие на формирование существующей структуры экономических и социальных отношений, оно детерминирует базовый вектор развития всего гражданского законодательства и гражданско-правовой науки.

При анализе содержания права собственности необходимо опираться на ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации. П. 1 указанной статьи определяет, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. В соответствии с п. 2 данной статьи, собственник имеет право по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащей ему собственности любые действия, которые не противоречат закону и иным правовым актам и не нарушают права и охраняемые законом интересы других лиц. В том числе собственник наделен правом отчуждать свое имущество в собственность других лиц, а также передавать другим лицам, оставаясь при этом собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом. Собственник может отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться своим имуществом иным законным образом [1]. В то же время право собственности не абсолютно — гражданское законодательство предусматривает возможность обращения взыскания на имущество по обязательствам собственника, такое взыскание осуществляется только по решению суда.

Право собственности — это такой правовой институт, в котором естественным образом пересекаются, сочетаются и взаимно дополняются конституционно-правовое и гражданско-правовое регулирование. Действующая Конституция устанавливает многообразие форм собственности и закрепляет их равноправие, а Гражданский кодекс в свою очередь определяет конкретные правомочия собственника [5: с. 131].

Несмотря на то, что российское законодательство содержит достаточно много правовых норм, которые посвящены регулированию различных аспектов, связанных с правом собственности и вопросами его реализации, систему правового регулирования отношений собственности в современных условиях нельзя признать полностью сформированной. На практике собственник все еще не чувствует, что его законные права в полной мере защищены и гарантированы. Ему нередко приходится опасаться за судьбу своей собственности,

точнее, своего права собственности. В связи с этим, проблема обеспечения неприкосновенности собственности может рассматриваться как одна из ключевых для развития всего частного права и даже всей правовой системы современной России. От ее успешного решения на теоретическом и практическом уровнях зависит динамика всей системы правового регулирования.

У данной проблемы есть как теоретический, так и практический аспекты. Основная теоретическая проблема состоит в том, что до сих пор в отечественной гражданско-правовой науке не выработано единого согласованного подхода к определению понятий «собственность» и «право собственности», а также к единообразному толкованию содержания права собственности. Например, по мнению некоторых ученых, полномочия собственника следует расширить, к закрепленной в гражданском законодательстве традиционной триаде прав собственника необходимо добавить по разным оценкам от одного (право управления) до двенадцати (и более) других элементов [7: с. 6–7]. В этом случае право собственности приобретет более полный и заверченный характер, его правовое закрепление будет более адекватно отражать ту реальность общественных отношений, в которой приходится осуществлять свои права собственнику.

Право собственности имеет наиболее полный и заверченный характер по сравнению с остальными вещными правами, но, как уже указывалось выше, это вовсе не означает, что данное право ничем не ограничено и его реализация имеет никаких пределов. В частности, ст. 10 Гражданского кодекса определяет пределы осуществления права собственности как составной части гражданских прав. В частности, законодательство не допускает использования права собственности для ограничения конкуренции, а также в целях злоупотребления доминирующим положением на рынке.

Права и обязанности находятся в единстве, дополняют друг друга. В данном контексте, праву собственности соответствует пассивная обязанность неопределенного круга лиц воздерживаться от нарушения данного права. Так как данная обязанность не конкретизирована и не может быть конкретизирована по субъектному составу, получается, что право собственности потенциально может быть нарушено любым лицом. Это определяет потребность в существовании эффективного гражданско-правового механизма защиты права собственности от возможных посягательств на него. В связи с этим в гражданском праве выработаны и апробированы различные законные способы защиты права собственности. Одни способы направлены на защиту уже нарушенного права собственности (к ним относятся виндикационный и негаторный иски), а другие способы ориентированы на предотвращение потенциального нарушения права собственности.

В соответствии с принципом неприкосновенности собственности принято считать, что нормы гражданского права обеспечивают собственникам «возможность стабильного осуществления правомочий по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим им имуществом, без чего невозможно функционирование не только рыночной, но и в принципе любой экономики» [2: с. 29–30].

На наш взгляд, данное утверждение выглядит слишком оптимистичным, и действующее законодательство, а равным образом и имеющаяся практика его применения, не обеспечивают существование полного и эффективного механизма защиты права собственности.

Одна из ключевых проблем, связанных с реализацией принципа неприкосновенности собственности, состоит в том, чтобы определить на правотворческом и правоприменительном уровнях возможные пределы ограничения права собственности для защиты публичных интересов, в максимальной степени соблюдая при этом интересы самого собственника, не нарушая природу собственности как основы гражданско-правовых отношений [5: с. 134].

Главная роль в формировании базовых основ механизма реализации принципа неприкосновенности собственности принадлежит Конституционному Суду Российской Федерации. Председатель КС РФ В.Д. Зорькин справедливо отмечает, что «в своих решениях Конституционный Суд сформулировал ряд правовых позиций, раскрывающих конституционный смысл права собственности, содержание данного права, пределы его осуществления, допустимые ограничения и гарантии судебной защиты» [3: с. 146].

В Постановлении от 6 июня 2000 г. № 9-П Конституционный Суд указал, что реализация имущественных прав осуществляется на основе общеправовых принципов неприкосновенности собственности и свободы договора, которые предполагают равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность участников гражданско-правовых отношений, а также недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела. Ограничения права собственности, имущественных прав, а также свободы договора в гражданско-правовом обороте должны отвечать требованиям справедливости, быть соразмерны конституционно-значимым целям защиты соответствующих прав и законных интересов и основываться на законе [4: с. 225].

Таким образом, в качестве одного из базовых принципов современного гражданского права, на основе которого развиваются общественные отношения в имущественной сфере, выступает принцип неприкосновенности собственности. Этот принцип фактически обеспечивает успешное функционирование рыночной экономики, так как собственность, право собственности и свобода распоряжения собственностью составляют ее основы. Принцип неприкосновенности собственности установлен нормами гражданского законодательства, которые предусматривают определенный механизм защиты права собственности, и подкреплен решениями Конституционного Суда Российской Федерации. В то же время практическая реализация данного принципа сопряжена с рядом сложностей. Они связаны и с пределом осуществления права собственности, предполагающим некоторый оптимальный баланс публичных и частных интересов, и с защитой права собственности от неправомерных посягательств, в том числе и со стороны государства. Сохраняются и теоретические проблемы, связанные с определением права собственности, пониманием его природы и содержания, закреплением полного списка правомочий собственника.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
2. Гражданское право: учебник: в 3-х т. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. Т. 1. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, 2008. 765 с.
3. *Зорькин В.Д.* Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007. 400 с.
4. *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: ОАО Издательский дом «Городец», «Формула права», 2003. 528 с.
5. *Мкртумян А.Ю.* Судебный прецедент в современном гражданском праве. М.: АПКиППРО, 2009. 171 с.
6. *Санникова Л.В.* Принципы гражданского права и модернизация гражданского законодательства // Принципы права: сб. статей по итогам круглого стола в Московском институте государственного управления и права / под ред. Д.А. Пашенцева, А.Г. Чернявского. М.: «Русайнс», 2015. С. 80–91.
7. *Хрипунов М.* Проблемы формирования института права собственности на недвижимость: от неприкосновенности до ограничения права // Право и жизнь. 2007. № 108. С. 4–20.

Literatura

1. Graždanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 13.07.2015) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 05.12.1994. № 32. st. 3301.
2. Graždanskoe pravo: uchebnik: v 3-x t. / otv. red. A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoj. T. 1. 4-e izd., pererab. i dop. M.: TK Velbi, 2008. 765 s.
3. *Zor'kin V.D.* Rossiya i Konstituciya v XXI veke. Vzglyad s Il'inki. M.: Norma, 2007. 400 s.
4. *Lazarev L.V.* Pravovy'e pozicii Konstitucionnogo Suda Rossii. M.: OAO Izdatel'skij dom «Gorodecz», «Formula prava», 2003. 528 s.
5. *Mkrtumyan A.Yu.* Sudebny'j precedent v sovremennom graždanskom prave. M.: APKiPPRO, 2009. 171 s.
6. *Sannikova L.V.* Principy' graždanskogo prava i modernizaciya graždanskogo zakonodatel'stva // Principy' prava: sb. statej po itogam kruglogo stola v Moskovskom institute gosudarstvennogo upravleniya i prava / pod red. D.A. Pashenceva, A.G. Chernyavskogo. M.: «Rusajns», 2015. S. 80–91.
7. *Xripunov M.* Problemy formirovaniya instituta prava sobstvennosti na nedvizhimost': ot neprikosnovennosti do ogranicheniya prava // Pravo i zhizn'. 2007. № 108. S. 4–20.

E.V. Loginova

The Principle of Property Inviolability in Civil law

The article deals with the concept of the principle of property inviolability in civil law, analyses contemporary approaches to understanding property rights. The problems of implementing the principle of property inviolability in the modern world are studied.

Keywords: property; ownership; inviolability of property; the principles of law; civil law.

Е.В. Бегичев

Вопросы правовой природы векселя в работах дореволюционных российских исследователей

В статье раскрываются некоторые аспекты, связанные с изучением правовой природы векселя в отечественной юридической науке. Показано противоречие между двумя основными теориями векселя: договорной теории и теории одностороннего обещания.

Ключевые слова: вексель; теория векселя; юридическая наука; ценная бумага; договор; обязательство.

В современных условиях для понимания особенностей правовой природы векселя как ценной бумаги представляет интерес исследование тех позиций, которые высказывали по этому поводу дореволюционные отечественные правоведы. Научный анализ их трудов поможет лучше понять правовую природу векселя, особенности его восприятия научным сообществом Российской империи. Актуальность данного вопроса связана, в числе прочего, с той важной ролью, которую играет вексель в условиях рыночных отношений в экономике.

Вторая половина XIX – начало XX века может рассматриваться как период расцвета отечественной юридической науки. Именно на это время приходятся ее многие достижения, связанные с формированием научных школ и целых научных направлений, с публикацией сотен фундаментальных трудов по самым различным актуальным правовым вопросам. В Российской империи сложились научные школы, которые внесли весомый вклад в развитие мировой юридической мысли. В том числе в этот период работал целый ряд исследователей, занимавшихся проблемами торгового права, цивилистики, ценных бумаг. Среди них можно отметить, например, таких авторов, как С.М. Барац, Н.И. (Н.О.) Нерсесов, И. Табашников, П.П. Цитович, Г.Ф. Шершеневич и другие. Многие из ученых в своих трудах рассматривали правовую природу векселя и анализировали его происхождение. В результате в Российской империи

была создана весомая теоретическая база для дальнейшего развития и совершенствования вексельного законодательства.

Особое внимание ряда российских правоведов к векселю объясняется, в числе прочего, тем фактом, что правовая система Российской империи развивалась в рамках континентальной (романо-германской) правовой семьи и поэтому имела торговое право как самостоятельную и кодифицированную отрасль права. В этом проявлялось влияние Франции и Германии. В Германии Общегерманское торговое уложение было принято в 1861 г., Торговый кодекс Германии — в 1897 г. Торговый кодекс Франции был принят еще в 1807 г. Что касается Российской империи, то Торговый устав был принят в 1653 г., а затем в 1667 г. Таким образом, формирование торгового права происходило даже несколько активнее, чем в западноевропейских странах, и это вызывало соответствующий интерес отечественных правоведов к проблемам правового регулирования различных аспектов торговых отношений.

В рассматриваемый период ученые, изучавшие природу векселя как ценной бумаги, выработали две основных теории векселя: договорную и теорию одностороннего обещания.

Основателем договорной теории ценной бумаги являлся основоположник немецкой исторической школы права Ф.К. Савиньи. Его труды, равно как и работы его последователей, пользовались большой популярностью среди многих российских юристов. Сторонники данной теории полагали: чтобы вексель порождал какое-либо обязательство, необходимо принятие его второй стороной. Юридическое действие векселя начинается только с момента перехода его в чужие руки.

Напротив, сторонники теории одностороннего обещания полагали, что ценные бумаги возникают благодаря односторонней воле должника. Должник изготавливает бумагу, подписывает ее и таким образом создает новую ценность, которая наступает лишь с переходом документа в руки другого лица. Таким образом, вексель как ценная бумага получает юридический характер благодаря односторонней воле должника. Вексель как таковой считается действительным благодаря воле должника, односторонне в нем выраженной, но практическое действие его отсутствует до тех пор, пока он не перейдет в руки приобретателя [2: с. 200].

Обе указанных теории зародились в Германии, которая в правовой сфере оказывала в те годы существенное влияние на Российскую империю.

Во Франции, как отмечал Н.И. Нерсесов, юристы рассматривали вексель как договор, но договор абстрактного характера. По мнению многих французских юристов XIX века, вексель основан на предварительном договоре обмена, но отличается от обмена своим формальным и односторонним характером [3: с. 211].

Среди правоведов дореволюционной России не существовало единого подхода к теории возникновения векселя и его правовой природе. Одни ученые

стояли на позиции договорного характера векселя, другие считали его обязательством, которое вытекает из одностороннего обещания.

Один из крупнейших ученых-юристов рассматриваемого периода профессор Г.Ф. Шершеневич настаивал на договорном характере вексельного обязательства. Он имел в виду не то договорное отношение, которое привело к векселю (например, куплю-продажу или заем), а то отношение, которое создается векселем. Договорный момент проявляется в том, что векселедатель становится ответственным перед векселедержателем в силу передачи ему векселя. В результате Г.Ф. Шершеневич определял вексель как одностороннее обязательство, которое основано на договоре, выражено в письменной, строго определенной форме и предполагает обязанность заплатить денежную сумму [5: с. 67]. Данное определение векселя до сих пор остается базовым для определения векселя с позиций договорной теории.

Теория односторонней воли основывалась на том, что выдавший вексель обязан, потому что он создал эту бумагу. Критикуя договорную теорию, Н.О. Нерсесов писал, что «договор, как известно, есть совместное соглашение двух договаривающихся волей. До этого момента нет договора; воля каждой стороны, в отдельности взятая, не составляет еще договора: необходимо их единение» [2: с. 197].

Н.И. Нерсесов полагал, что теория договорного характера векселя «не выдерживает критики», так как выдача векселя порой производится «без личного содействия сторон» [2: с. 212].

Данные теории повлияли и на доктринальное определение векселя, так как его легальное понятие в дореволюционной России отсутствовало. Сторонники договорной теории полагали, что вексель есть основанное на договоре и выраженное в письменной форме одностороннее обязательство уплатить известную денежную сумму [5: с. 260]. Основываясь на этом определении, ученый характеризовал вексельное обязательство как а) договорное, б) абстрактное, в) одностороннее, г) формальное, д) денежное.

Противники данной теории настаивали на том, что вексель является односторонним обязательством или односторонним обещанием уплатить определенную сумму [2: с. 200].

С.М. Барац анализировал обе вексельных теории и путем сопоставления их пришел к следующему выводу: если «за вексельным обязательством нельзя признать характер одностороннего обязательства, то и противоположная (договорная) теория, взятая в своей исключительности, тоже не может быть признана безусловно правильною» [1: с. 9].

По мнению цитируемого автора, вексельное обязательство нельзя признать односторонним, ему также присущ и договорный характер. В результате возникают определенные «трудности», порождаемые договорной теорией и «ослабляющие» договорный характер вексельного обязательства.

Первая «трудность» состоит в следующем: согласно основному принципу договорно-обязательственного права, требование может перейти к другому

лицу без согласия на то должника и без заключения нового договора. Но в вексельном праве должник при взыскании платежа не может сделать возражений, относящихся к кому-либо из предшествующих держателей документа.

Вторая «трудность», возникающая в рамках договорной теории векселя, состоит в том, что добросовестный приобретатель векселя может требовать удовлетворения от векселедателя, даже если последний и не выдавал векселя, а только лишь изготовил и затем утратил его. «Защитники теории одностороннего обязательства, — пишет цитируемый автор, — ссылаются на эту ответственность векселедателя, как на один из важнейших аргументов против договорного характера вексельного обязательства» [1: с. 10].

С.М. Барац указывает на то, что свойства вексельного обязательства, помимо договора, определяются нормами позитивного права, имеющего в виду интересы третьих лиц, которые нередко оказываются в противоречии с интересами векселедателя. Законодательство вполне справедливо признает за третьими лицами право на получение удовлетворения по векселю в самых различных обстоятельствах. Здесь, по мнению С.М. Бараца, играет роль идея предпочтения общественного интереса перед интересом частным. Именно этот аспект, по мнению ученого, должен примирить сторонников двух противоположных лагерей по вопросу правовой природы векселя [1: с. 10].

Известный дореволюционный исследователь основ вексельного права П.П. Цитович характеризовал правовую природу векселя следующим образом. Прежде всего, ученый проводил различие между простым и переводным векселем (траттой). В первом случае распорядительная формула векселя звучит как «я плачу», а во втором — «вы платите» [4: с. 84]. Из этого можно сделать вывод, что правовая природа простого и переводного векселя различается. В одном случае речь идет о том, чтобы взять на себя обязательство, а во втором — чтобы возложить обязательство.

Н.И. Нерсесов подчеркивал, во-первых, отличие векселя как ценной бумаги от гражданских документов, во-вторых, вексель отличается от некоторых других ценных бумаг тем, что содержанием его выступает денежное обязательство. На основе указанных признаков он сформулировал следующее собственное определение векселя: «абстрактное, выраженное в предписанной законом форме обязательство об уплате определенной денежной суммы, способное переходить по индоссаменту из рук в руки и устанавливающее коллективную ответственность всех лиц, сделавших надписи или подписи на документе» [2: с. 215].

Таким образом, в отечественной дореволюционной правовой мысли вексель служил объектом изучения со стороны целого ряда ученых-правоведов. Ученые уделяли пристальное внимание вопросам происхождения векселя и этапам его развития. Разработки российских правоведов в области вексельной теории опирались на глубокий анализ трудов европейских ученых, в первую очередь, немецких и французских. В центре научной дискуссии

находился вопрос о правовой природе векселя: договор или одностороннее обязательство. В конечном итоге данный вопрос так и не был однозначно решен в дореволюционной отечественной юридической науке.

Литература

1. *Барац С.М.* Курс вексельного права в связи с учением о векселях и вексельных операциях. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1893. 792 с.
2. *Нерсесов Н.О.* Представительство и ценные бумаги в гражданском праве: избранные труды. 3-е изд., исправ. М.: Статут, 1998. 316 с.
3. *Нерсесов Н.И.* Конспективный курс лекций по торговому и вексельному праву. М., 1896. 272 с.
4. *Цитович П.П.* Курс вексельного права. Киев: Тип. И.Н. Кушнерева, 1887. 346 с.
5. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник торгового права (по изд. 1914 г.). М.: Спарк, 1994. 335 с.

Literatura

1. *Baracz S.M.* Kurs veksel'nogo prava v svyazi s ucheniem o vekselyax i veksel'ny'x operacijax. SPb.: Tip. Tov-va «Obshhestvennaya pol'za», 1893. 792 s.
2. *Nersesov N.O.* Predstavitel'stvo i cenny'e bumagi v grazhdanskom prave: izbranny'e trudy'. 3-e izd., isprav. M.: Statut, 1998. 316 s.
3. *Nersesov N.I.* Konspektivny'j kurs lekcij po torgovomu i veksel'nomu pravu. M., 1896. 272 s.
4. *Citovich P.P.* Kurs veksel'nogo prava. Kiev: Tip. I.N. Kushnereva, 1887. 346 s.
5. *Shershenevich G.F.* Uchebnik torgovogo prava (po izd. 1914 g.). M.: Spark, 1994. 335 s.

E.V. Begichev

The Problems of Legal Nature of the Bill in the Works of Pre-Revolutionary Russian Researchers

The article describes some aspects related to the study of the legal nature of the bill in the national jurisprudence. It displays some contradiction between two main theories of the bill: the contractual theory and the theory of unilateral promises.

Keywords: bill; bill theory; legal science; stocks; contract; commitment.

В.В. Уткин

Гармонизация законодательства в сфере стандартизации в условиях экономической региональной интеграции

В статье рассматривается вопрос о том, что членство России в ВТО в условиях оптимизации и совершенствования структуры национальной системы стандартизации требует обеспечения современного административно-правового регулирования и приведения его в соответствие с международными соглашениями и нормативными документами наднационального уровня.

Ключевые слова: ВТО; гармонизация; административно-правовое регулирование; национальная система стандартизации; законодательные новации.

Современная эпоха характеризуется революционным развитием мирохозяйственных связей, стирающим экономические границы государств и устанавливающим новые международные нормы существования мирового сообщества в связи с образованием зон свободной торговли. Сегодня в мире развернулась жесткая конкурентная борьба между странами за мировое экономическое влияние, за рынки сбыта своей национальной продукции. И в этих условиях на первое место выходит оценка соответствия национальной продукции международным стандартам (включая требования к упаковке, маркировке, этикетированию), обеспечивающим основное качество продукции — защиту жизни и здоровья людей, животных или растений, охрану окружающей среды. Поэтому одним из важнейших направлений деятельности каждого межгосударственного интеграционного объединения в условиях экономической глобализации является гармонизация законодательства в сфере стандартизации — установление на всем пространстве интеграционного объединения единых обязательных административно-правовых регулятивов стандартизации продукции, имеющих прямое действие, а также запрет на их установление в одностороннем порядке, если это повлечет ограничение торговли в рамках интеграционных объединений.

Международная организация по стандартизации (International Organization for Standardization — ISO) создана в 1946 году с целью разработки международных стандартов. В качестве постоянных членов ISO выступают национальные органы по стандартизации, а не правительственные учреждения. Структура ISO включает в себя: технические комитеты, специализирующиеся в своей деятельности по сегментам промышленности, а также подкомитеты и рабочие группы, отвечающие за разработку международных стандартов.

Каждая страна в лице национальных организаций по стандартизации, которая заинтересована в том сегменте промышленной деятельности, для которой создан технический комитет, обладает правом быть членом данного комитета. Таким правом обладают и международные правительственные и неправительственные организации.

Присоединение России к ВТО привело к необходимости приведения всего российского законодательства в области стандартизации в соответствие с Соглашениями ВТО и в первую очередь с Соглашением по техническим барьерам в торговле (Марракеш, 15 апреля 1994 г.) [5: с. 55].

Тенденции развития национальной системы стандартизации и роль государства в этом развитии отражены в Концепции развития стандартизации в Российской Федерации [3], в которой регламентируется, что в направлениях развития национальной системы стандартизации должны найти отражение основные положения программы социально-экономического развития страны до 2020 года. Кроме того, направления развития национальной системы стандартизации должны соответствовать действующей бюджетной стратегии в части развития реальных секторов экономики. Эти направления развития должны основываться на международных нормах-принципах в области стандартизации, на внедрении проектных и процессных принципов управления, обеспечивая открытость информационных ресурсов и эффективное взаимодействие с потребителями этих ресурсов.

Устранение ограничений в сфере регионального экономического сотрудничества как результат гармонизации законодательства в сфере стандартизации торговли выгодно и экономически развитым, и развивающимся странам. Упрощение торговых процедур вследствие гармонизации законодательства в сфере стандартизации ведет к укреплению системы международной торговли не только в рамках региональных интеграционных экономических объединений, но и в целом в мировой экономике.

Гармонизацию законодательства в сфере стандартизации, по мнению автора, следует рассматривать как принятие группой стран общих или идентичных административно-правовых норм, после чего нормы обращения с продукцией или услугой станут для них одинаковыми. Комплекс вопросов, охватывающий международно-правовые аспекты технического регулирования в актах ЕврАзЭС, в том числе и гармонизацию с актами ВТО, ранее был исследован в работах научных сотрудников Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации А.В. Калмыковой, А.А. Каширкиной, В.Ю. Лукьяновой, А.Н. Морозовым [1: с. 13] В основе практической реализации гармонизации законодательства в сфере стандартизации лежат международные нормы-принципы, закрепленные в Кодексе добросовестной практики применительно к разработке, утверждению и применению стандартов [2]. К ним относится в том числе и обеспечение транспарентности процедуры разработки стандартов.

Наиболее значимым действием в устранении ограничений в международной торговле между государствами-участниками интеграционного объединения

является установление не просто обязательных требований к товарам (продукции), а, прежде всего, формирование единых гармонизированных законодательных подходов административно-правового характера к разработке стандартов продукции с целью обеспечения свободного перемещения товаров. В свое время различия в национальных законодательствах в связи с регулированием общественных отношений в сфере стандартизации товаров и услуг являлись одним из главных препятствий на пути евроинтеграции. Поэтому начало гармонизации национальных законодательств стран ЕС в сфере стандартизации на основе общеевропейских директив рассматривалось как приоритетное направление общеевропейского права. Однако со временем выявились недостатки такого подхода. Правоприменительная практика гармонизации законодательств посредством принятия обязательных для применения директив ЕС в полном объеме (регламентация очень детальных требований к конкретным продуктам) в сфере стандартизации показала, что принятие административно-правовых регулятивов в виде директив в силу специфики процедуры их принятия (длительности принятия) не отвечала потребностям в регулировании постоянно меняющихся в условиях экономической глобализации вследствие возросшей конкуренции товаропроизводителей общественных отношений в сфере стандартизации.

В европейском законодательстве административно-правовые регулятивы — директивы ЕС — регламентируют основные требования только по безопасности и охране здоровья потребителей к находящейся в свободном обращении на европейском товарном рынке продукции. Но при этом регламентируется четкое разделение сегментов административно-правового регулирования в области управления интеграционной стандартизацией между исполнительным органом ЕС — Европейской Комиссией (European Commission), обладающей значительными правами в различных областях, в том числе и сфере стандартизации, — и Европейским комитетом стандартизации широкого спектра товаров, услуг и технологий (the European Committee for Standardization — CEN); Европейским комитетом стандартизации решений в электротехнике (the European Committee for Electrotechnical Standardization — CENELEC); Европейским институтом стандартизации в области телекоммуникаций (European Telecommunications Standards Institute — ETSI).

Для европейской гармонизированной законодательной процедуры в сфере стандартизации характерна транспарентность — стандарты публикуются в официальном журнале Европейского союза, а затем имплементируются в национальные стандарты, что порождает презумпцию их соответствия основным требованиям охраны здоровья и безопасности, установленным в директивах ЕС.

Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация, основываясь на Декларации о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 года, учредили Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС. В настоящее время к Союзу присоединилась Республика Армения и Республика Киргизия — *авт*). На образованном едином экономическом

пространстве государства-члены ЕАЭС проводят единую политику в различных сегментах экономики, в том числе и в стандартизации, где применяются гармонизированные правовые нормы административно-правового характера, регулирующие общественные отношения в этой сфере. В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе [6], подписанным в г. Астана 29 мая 2014 года, интеграционное право Союза, наряду с внутренними соглашениями между сторонами Союза на уровне государств, состоит и из международных договоров Союза с третьими странами, решений и распоряжений Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии. Порядок исполнения решения исполнительных органов ЕАЭС регулируется национальными законодательствами государств-членов Союза. Цели и принципы международных договоров, заключаемых Союзом с третьими сторонами, не должны вступать в противоречие с основными целями и принципами функционирования Союза.

При коллизиях норм международных договоров в рамках Союза и Договора о ЕАЭС приоритет имеют нормы Договора о ЕАЭС. Решения органов ЕАЭС по уровню юридической силы и степени приоритетности располагаются следующим образом: наивысшей юридической силой и степенью приоритетности обладают решения Высшего Евразийского экономического совета, далее в сторону уменьшения — решения Евразийского межправительственного совета, а затем и решения Евразийской экономической комиссии. Решениями и распоряжениями органов Союза не должны устанавливаться иные правила, чем предусмотренные международными договорами в рамках Союза и Договором о ЕАЭС.

В статье 51 Договора о Евразийском экономическом союзе сформулированы публично-правовые принципы гармонизации национальных законодательств в сфере стандартизации, в том числе добровольность применения стандартов.

Правовым базисом формирования Единого экономического пространства для Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, Республики Армения и Республики Киргизия является правовой массив унифицированного законодательства, учитывающий международные нормы-принципы, и, прежде всего, нормы Всемирной торговой организации (ВТО) и адаптирующий эти международные нормы-принципы к регулированию экономических отношений как на экономическом пространстве в ЕАЭС, так и самого Союза другими субъектами мирового рынка.

Проблема создания целостной, эффективно функционирующей системы интеграционной стандартизации на евразийском экономическом пространстве в настоящее время, по нашему мнению, связана с устранением коллизий между национальными правовыми актами и международно-правовыми актами, принимаемыми в рамках интеграционного объединения, а также с высоким уровнем

гармонизации национальных законодательств государств — участников этих объединений.

Таким образом, создание международно-правовой основы в сфере стандартизации в рамках ЕАЭС приобретает все большую правовую четкость, что в конечном итоге обеспечивает продвижение к экономической интеграции между Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом.

Осуществление гармонизации законодательства в связи с регулированием общественных отношений в сфере стандартизации в рамках ЕАЭС следует, по нашему мнению, рассматривать как наивысшую степень правовой интеграции Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, Республики Армения и Республики Киргизия, целью которой является принятие международно-правовых актов в сфере стандартизации на основе общепринятых международно-правовых принципов ISO. Участвуя в работе международных организаций по стандартизации, Российская Федерация, наряду с разработкой международных стандартов, решает и следующие функциональные задачи, связанные с:

- унификацией национальных законодательств и выработкой единых международно-правовых подходов к разработке единых для мировой практики стандартов, включая и гармонизацию национального законодательства с международным законодательством и законодательствами других стран;

- защитой национальной продукции для ее продвижения на мировом рынке посредством разработки международных (региональных и межгосударственных) стандартов на основе национальных стандартов;

- проведением организационно-правовых мероприятий в сфере стандартизации, включая и международное сотрудничество в сфере обеспечения единства измерений, способствующих снятию технических барьеров в международной торговле Российского государства, что в итоге ведет к увеличению оборота внешней торговли, формирующего профицитный экономический баланс страны;

- разработкой национальных стандартов, учитывающей требования современных международных стандартов как в технологии производства, так и в эксплуатационных характеристиках национальной продукции для повышения конкурентоспособности национальной продукции на мировом рынке;

- улучшением информационного обеспечения работ по разработке национальных стандартов в рамках международного (регионального и межгосударственного) сотрудничества.

Литература

1. Калмыкова А.В., Каширкина А.А., Лукьянова В. Ю., Морозова А.Н. Техническое регулирование на современном этапе // Законодательство и экономика. 2007. № 4. С. 13–21.

2. Приложение 3 к Соглашению по техническим барьерам: Кодекс добросовестной практики применительно к разработке, утверждению и применению стандартов). СЗ РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). Ст. 2629–2649.

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2012 г. №1762-р. Концепция развития национальной системы стандартизации Российской Федерации на период до 2020 года. СЗ РФ от 1 октября 2012 г. № 40. Ст. 5485.

4. Regulation (EC) № 1907/2006 of the European Parliament and of the Council // Official Journal of the European Union. L. 396.

5. Соглашение по техническим барьерам в Зоне свободной торговли от 20.06.2000 // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. № 2 (35). С. 55–65.

6. Федеральный закон от 3 октября 2014 г. № 279-ФЗ «О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе». СЗ РФ от 6 октября 2014 г. № 40 (часть I). Ст. 5310.

Literatura

1. Kalmy'kova A.V., Kashirkina A.A., Luk'yanova V.Yu., Morozova A.N. *Texnicheskoe regulirovanie na sovremennom e'tape // Zakonodatel'stvo i e'konomika*. 2007. № 4. S. 13–21.

2. Prilozhenie 3 k Soglasheniyu po texnicheskim bar'eram: Kodeks dobrosovestnoj praktiki primenitel'no k razrabotke, utverzheniyu i primeneniyu standartov). SZ RF. 2012. № 37 (prilozhenie, ch. VI). St. 2629–2649.

3. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24 sentyabrya 2012 g. №1762-r. *Koncepciya razvitiya nacional'noj sistemy' standartizacii Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda*. SZ RF ot 1 oktyabrya 2012 g. № 40. St. 5485.

4. Regulation (ES) № 1907/2006 of the European Parliament and of the Council // Official Journal of the European Union. L. 396.

5. Soglashenie po texnicheskim bar'eram v Zone svobodnoj trgovli ot 20.06.2000 // Sodrzhestvo. Informacionnyj vestnik Soveta glav gosudarstv i Soveta glav pravitel'stv SNG. № 2 (35). S. 55–65.

6. Federal'ny'j zakon ot 3 oktyabrya 2014 g. № 279-FZ «O ratifikacii Dogovora o Evrazijskom e'konomicheskom soyuze». SZ RF ot 6 oktyabrya 2014 g. № 40 (chast' I). St. 5310.

V.V. Utkin

Harmonisation of Legislation in the Field of Standardization in Terms of Economic Regional Integration

The article reveals that membership of Russia in WTO in terms of optimization and improvement of the structure of the national standardization system requires the provision of modern administrative and legal regulation and bringing it into line with international agreements and regulations of the supranational level.

Keywords: WTO; harmonization; administrative and legal regulation; the national system of standardization; legislative innovations.

М.А. Шестопапов

Брак: акт гражданского состояния или таинство?

В статье анализируются нормы семейного законодательства России, связь советских декретов с позицией Церкви в отношении регистрации и расторжения брака.

Ключевые слова: государство; церковь; брак; таинство; венчание; акт гражданского состояния.

Институт брака и семьи является для многих традиционным элементом жизни общества. Однако в современную эпоху данный институт претерпевает сложные испытания, связанные со многими факторами различного характера, что напрямую отражается на количественных показателях разводов в стране. Так, согласно данным, предоставленным Федеральной службой государственной статистики¹, за минувший 2014 год количество зарегистрированных браков составило 1 225 980, при этом количество разводов — 669 918, что превышает половину показателей по заключенным бракам. Подобная статистика явилась поводом для принятия Правительством Российской Федерации в 2014 году Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [2], среди приоритетов которой находим утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи. При перечислении традиционных семейных ценностей, указанных в Концепции, отмечается ценность брака как союза мужчины и женщины, основанного на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния (далее по тексту — ЗАГС). Вместе с тем компетенция регистрации брака в органах ЗАГС имеет сравнительно малый в масштабах отечественной истории государства и права срок.

При исследовании вопроса, связанного с порядком регистрации брака, необходимо обратиться к методам определения понятий, ретроспективной экстраполяции и сравнительного анализа документов.

При определении понятия «брак» следует отметить существующий плюрализм подходов. Так, в Российской Федерации, несмотря на отсутствие на законодательном уровне определения понятия «брак» [1], имеется в научной

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 28.02.2015).

и юридической литературе ряд характеристик и признаков, синтезировав которые можно вывести следующее определение. Брак — это союз мужчины и женщины, зарегистрированный в установленном законом порядке в органах ЗАГС, заключаемый в целях создания семьи, рождения и воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению.

По учению православной церкви брак есть таинство, в котором жених и невеста пред священником и Церковью дают свободное обещание о взаимной их супружеской верности, и союз их благословляется, во образ союза Христа с Церковью, и испрашивается им благодать чистого единодушия к благословенному рождению и христианскому воспитанию детей². Видимой формой этого таинства выступает обрядовая часть, которая за многими исключениями трансформировалась и осталась в светской процедуре заключения брака. Например, в церкви перед совершением венчания древними канонами предусмотрено обручение. Возносятся особые молитвы и прошения, священником благословляются кольца и им самим надеваются на безымянные пальцы правых рук жениху и невесте. При этом, как правило, малое кольцо вначале надевается на руку жениха, а большее кольцо — невесте, после чего они ими обмениваются. В данном действии заложена символика, что в дальнейшем жена носит кольцо мужа, а муж — кольцо жены. В весьма упрощенном варианте обмен кольцами можем наблюдать при современной процедуре регистрации брака в органах ЗАГС. В церкви же обручение — это лишь шаг на пути к созданию семьи. Следующим и более серьезным этапом является венчание, при котором на головы венчающихся возлагаются венцы, мужем и женой испивается единая чаша, и брак благословляется священником. С этого момента муж и жена, по учению Церкви, образуют единство, которое даже сама Церковь не может разделить. Только лишь в определенных канонами случаях допускается правящим епископом разрешение на вступление в новый брак.

Историю развития института регистрации брака в России как правовой процедуры, с которой связывают возникновение брачно-семейных правоотношений, можно разделить на несколько периодов:

- 1) Русь до реформ Петра I;
- 2) 1702–1917 гг.;
- 3) с 1917 г. по настоящее время.

В допетровскую эпоху под браком понимали только церковное таинство, а потому регистрации брака не придавалось существенного значения. Документарное засвидетельствование брака по большей части являлось привилегией высшего сословия и по желанию супругов могло быть отражено в церковных книгах. При этом неправославные браки не подлежали какой-либо правовой фиксации.

² Портал «Православие.Ru». О таинствах. Таинство брака. URL: <http://www.pravoslavie.ru/put/060501124410.htm> (дата обращения: 24.12.2014).

С 1701 года, а именно с изменением полномочий Монастырского приказа, происходит изменение модели государственно-церковных отношений, суть которой состоит во включении Русской церкви в государственный аппарат [11] и придании православию статуса господствующей религии³. Начало следующему периоду развития института регистрации брака положил Указ Петра I от 14 апреля 1702 г. «О подаче в Патриарший духовный приказ приходскими священниками недельных ведомостей о родившихся и умерших». С подписанием 25 января 1721 г. Петром I Манифеста об учреждении Духовной Коллегии (позже — Святейшего Правительствующего Синода) все православное население империи приписывалось к церковным приходам по месту жительства. В 1722 г. издаются так называемые «Прибавления к Духовному регламенту», в которых устанавливается обязательное повсеместное ведение метрических книг и, в частности, регистрация брака путем внесения записи в метрическую книгу на основании совершения Таинства венчания.

В отечественном праве возможность регистрации актов гражданского состояния соответствующими специальными органами была установлена Советом народных комиссаров РСФСР в 1917 году. В изданных им Декретах от 18.12.1917 «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» [4] и от 19.12.1917 «О расторжении брака» [5] среди прочих постановлялись следующие важные положения:

- акты рождения, брака и смерти подлежат регистрации отделами записей браков и рождений при городской (районной, уездной или волостной земской) управе;
- расторжение брака по обоюдному соглашению производится в отделе записей браков и рождений;
- по просьбе одного из супругов брак расторгается в местном суде.

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что в декабре того же года в Совете народных комиссаров был поставлен вопрос о принятии специального декрета об отделении церкви от государства. Для разработки декрета была образована специальная комиссия. Подготовленный комиссией проект декрета был изменен В.И. Лениным. А именно, В.И. Ленин заново сформулировал п. 1 декрета [7: с. 109]. Вместо слов «Религия есть частное дело каждого гражданина Российской Республики» 2 февраля (20 января) 1918 г. СНК утверждает в декрете формулировку: «Церковь отделяется от государства» [3: с. 373]. По нашему мнению, изначальный текст проекта декрета был близок к юридически верному, так как постановление об отделении церкви от государства фактически означало, что церковь выводится из системы государственных органов страны, которой уже не существует (имеется в виду Российская империя — прим. автора).

19 февраля (4 марта) 1918 г. Священный Собор Православной Российской Церкви в Определении по поводу декретов о расторжении брака и о гражданском

³ Статья 1 Свода учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. Часть 1. Том XI. Свод законов Российской империи. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/214/1.html> (дата обращения: 08.12.2014).

браке [9: с. 17] высказал свое несогласие с данными декретами и отразил официальную позицию Церкви. А именно:

- брак, заключенный в церкви, не может быть расторгнут гражданской властью на основании простого заявления;
- лица, состоящие в браке, совершенном через таинство венчания и не расторгнутом церковной властью, но расторгнутом гражданской властью, не могут вступать в новый брак, тем более неограниченное число раз;
- запись брачующихся в гражданских учреждениях не заменяет церковного браковенчания и именуется гражданским браком, приобретая силу подлинного брака через совершение таинства.

Таким образом, Церковью была отмечена абсурдность прекращения правоотношений стороной, которая не участвовала в возникновении данных правоотношений, а равно и провозглашение возникших правоотношений субъектом, не имеющим на то полномочий. Возражения Церкви, изложенные в Определении от 19.02.1918, на наш взгляд, являются вполне обоснованными, так как в своей истории государство не раз ограничивало и расширяло ее права. Однако сложившаяся в начале XX века ситуация была принципиально иной, так как затрагивала не объем или перечень конкретных прав, а компетенцию Церкви. Но советская власть в обозначенный исторический период не стремилась учитывать мнение Церкви как элемента царского режима. Более того, В.И. Ленин в своем труде «Государство и революция» [6: с. 1–120] позже напишет об исторической задаче большевиков уничтожить буржуазное государство и создать новое, советское социалистическое государство, для которого среди прочего необходимо ликвидировать Церковь.

Таким образом, с начала XX века происходит легитимизации светского представления о браке. Так, Г.Ф. Шершеневич предлагает под светским браком понимать сожителство лиц разного пола, которое приобретает законный характер, т. е. влечет за собой все последствия законного брака [10: с. 408]. При этом Церковь продолжает настаивать на понятии брака, разработанного Модестиним и закрепленного в Дигестах, а именно: «Брак — это союз мужчины и женщины, общение жизни, соучастие в Божественном и человеческом праве».

Стоит признать, что различный светский и церковный взгляд на брак и его ценности связан также с отсутствием законодательного определения понятия «брак» как конкретного юридического факта и одного из важнейших институтов семейного права. Споры о юридическом содержании брака актуальны и сегодня, и, казалось, можно было бы их избежать путем восполнения этого пробела. Однако, по замечанию Л.М. Пчелинцевой, отсутствие в законодательстве подобной дефиниции связано с отрицательным подходом к нормативному закреплению понятия брака, что вполне характерно на протяжении длительного времени для ранее действовавшего семейного законодательства России, включая три брачно-семейных кодекса послереволюционного периода (1918, 1926 и 1969 гг.) [8: с. 93].

В современном обществе часто используется термин «гражданский брак», который был введен в употребление в 1917 году и перешел в российскую

правовую систему по наследству от советского режима. Сегодня в семейном законодательстве под этим термином понимается брак, заключенный в органах ЗАГС. Обыватели используют данный термин взамен существующих терминов «сожитительство» или «фактические брачные отношения». Вместе с тем следует констатировать определенное, зачастую негативное, отношение людей к «гражданскому браку» как к не имеющему оснований именоваться настоящим браком. Можно предположить, что отношение к термину «гражданский брак» сформировалось в результате изложенной в 1918 году позиции Церкви по внецерковным бракам.

Подводя итог, следует отметить неравнозначность понятий «брак» и «гражданский брак», а также многообразие подходов при их определении. До революции 1917 года под браком зачастую понималось только церковное таинство. Принятием ряда обозначенных выше декретов советской властью был нарушен принцип невмешательства государства и церкви в дела друг друга, о чем церковью своевременно и аргументированно было выражено свое несогласие. Российская Федерация, являясь правопреемницей СССР, по нашему мнению, продолжает совершать историческую ошибку, допущенную советскими властями, признавая гражданский брак, заключенный только в органах ЗАГС, действительным браком.

Подобную ошибку можно исправить в рамках существующего правового поля путем признания государством браков, заключенных посредством таинства венчания в церкви. При этом, однако, следует подробно проработать механизм правового оформления брака, заключенного в церкви посредством таинства венчания, с последующим внесением соответствующей записи в книгу государственной регистрации актов гражданского состояния (актовую книгу) на основании сведений, передаваемых церковью в органы ЗАГС.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.11.2014) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
2. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» от 25.08.2014 № 1618-р // Собрание законодательства РФ. 01.09.2014. № 35. Ст. 4811.
3. Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20.01.1918 // Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1957. 627 с.
4. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18.12.1917 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. Ст. 161–163.
5. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О расторжении брака» от 19.12.1917 // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М.: Изд-во политической литературы, 1974. 747 с.
7. Ленинский сборник XXI / под ред. В.В. Адоратского, В.М. Молотова, М.А. Савельева, В.Г. Сорина. М.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б); Партиздат, 1933. 324 с.

8. Пчелинцева Л.М. Семейное право России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 720 с.
9. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: Изд-во Библейско-Богословского Ин-та св. ап. Андрея, 1996. 352 с.
10. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 1995. 461 с.
11. Шестопалов М.А. Особенности синодальной модели государственно-церковных отношений в России // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика: мат-лы ежегодной Всероссийской научной конференции памяти проф. Ф.М. Рудинского (Москва, 23 апреля 2015 г.) / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: МГПУ, Изд-во ЦОЗ, 2015.

Literatura

1. Semejnýj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ (red. ot 04.11.2014) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 01.01.1996. № 1. St. 16.
2. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF «Ob utverzhdenii Konceptii gosudarstvennoj semejnoy politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» ot 25.08.2014 № 1618-r // Sobranie zakonodatel'stva RF. 01.09.2014. № 35. St. 4811.
3. Dekret SNK «Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly» ot 20.01.1918 // Dekrety' Sovetskoj vlasti. T. 1. M.: Gos. izd-vo politicheskoy literatury', 1957. 627 s.
4. Dekret VCIK, SNK RSFSR «O grazhdanskom "brake, o detyax" i o vedenii knig" aktov" sostoyaniya» ot 18.12.1917 // Sobranie uzakoneniij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. M., 1942. St. 161–163.
5. Dekret VCIK, SNK RSFSR «O rastorzhenii braka» ot 19.12.1917 // SU RSFSR. 1917. № 10. St. 152.
6. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. T. 33. M.: Izd-vo politicheskoy literatury', 1974. 747 s.
7. Leninskij sbornik XXI / pod red. V.V. Adoratskogo, V.M. Molotova, M.A. Savel'eva, V.G. Sorina. M.: Institut Lenina pri CK VKP(b); Partizdat, 1933. 324 s.
8. Пчелинцева Л.М. Семейное право России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 720 с.
9. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917–1941. Dokumenty' i fotomaterialy'. M.: Izd-vo Biblejsko-Bogoslovskogo In-ta sv. ap. Andrey, 1996. 352 s.
10. Shershenевич G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. M.: Statut, 1995. 461 s.
11. Shestopalov M.A. Osobennosti sinodal'noj modeli gosudarstvenno-cerkovny'x otnoshenij v Rossii // Prava i svobody' cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty' i yuridicheskaya praktika: mat-ly' ezhegodnoj Vserossijskoj nauchnoj konferencii pamyati prof. F.M. Rudinskogo (Moskva, 23 aprelya 2015 g.) / pod obshh. red. D.A. Pashenceva. M.: MGPU, Izd-vo COZ, 2015.

M.A. Shestopalov

Marriage: an act of civil status or a sacrament?

The article analyses the norms of family law in Russia, the Soviet decrees connection with the position of Church in relation to the registration and dissolution of marriages.

Keywords: state, church, marriage, a sacrament, church wedding, an act of civil status.

С.А. Бурьянов

Перспективы развития международного права и глобальных исследований в сфере права на IV Международном научном конгрессе «Глобалистика – 2015»

25 –30 октября 2015 года в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Московском государственном институте международных отношений (университете) Министерства иностранных дел Российской Федерации состоялись посвященные 70-летию ООН и году председательства России в БРИКС IV Международный научный конгресс «Глобалистика» на тему «Глобальное управление и дипломатия в нестабильном мире», Глобальный университетский саммит БРИКС и IX Конвент Российской ассоциации международных исследований на тему «Многосторонние институты: глобальная эффективность vs. национальные интересы».

Юбилейные мероприятия были инициированы факультетом глобальных процессов МГУ и прошли при поддержке и содействии: Российского общественного комитета «ООН — 70», Российской ассоциации содействия ООН, Российского научного фонда (РНФ), Международной ассоциации глобальных исследований, Международного консорциума глобальных исследований (Global Studies Consortium), Международной общественной организации «Евразийское содружество», Неправительственного экологического фонда имени В.И. Вернадского, Международного фонда Н.Д. Кондратьева, Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, Российской академии образования (РАО), Русского географического общества (РГО), Центра долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования ФГП МГУ, Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, Информационного центра ООН в Москве, МИА «Россия Сегодня», журналов «Международная жизнь» и «Мир перемен» и др.

Торжественное заседание, посвященное 70-й годовщине ООН, состоялось 26 октября 2015 года в актовом зале Интеллектуального центра — Фундаментальной библиотеки МГУ.

Конгресс и программу юбилейных мероприятий открыли председатель Оргкомитета Конгресса ректор МГУ академик В.А. Садовничий и председатель Общественного Комитета «ООН-70» ректор МГИМО (У) академик А.В. Торкунов.

27 октября 2015 года в рамках Конгресса сотрудниками юридического института МГПУ совместно с факультетом глобальных процессов МГУ была организована и проведена секция «Перспективы развития международного права в контексте глобализации общественных отношений», модераторами которой выступили заведующий кафедрой международного права и прав человека, д. ю. н., профессор А.И. Кривенький и к. ю. н., доцент кафедры международного права и прав человека С.А. Бурьянов. Большая работа по организации и проведению секции была проведена сотрудником кафедры международного права и прав человека В.В. Урдиным.

Московский городской педагогический университет на Конгрессе представлял целый ряд преподавателей и студентов, среди которых: к. ю. н., доцент С.А. Афанасьева (доклад «Свобода мысли и слова в период глобализации общественных отношений»); к. ю. н., доцент С.А. Бурьянов (доклады «Перспективы развития международного права в контексте проблемы формирования глобального права и управления», «Глобальное право как первичная основа глобального управления»); студентка 4-го курса Т.Г. Зашева (доклад «Перспективы развития ООН в контексте проблемы формирования глобального управления»); д. и. н., профессор А.И. Кривенький (доклад «Перспективы развития международного частного права в контексте глобализации права»); к. ю. н., доцент Е.А. Крупеня (доклад «Статусное публичное право в условиях глобализации и интеграции национальных правовых систем и международного права»); к. ю. н., доцент Ю.В. Куракина (доклад «Права человека в условиях глобализации: социокультурные особенности»); студент 3-го курса Д.М. Никитаев (доклад «Перспективы прав человека в условиях глобализации»); д. ю. н., профессор Д.А. Пашенцев (доклад «Особенности влияния глобализации на развитие правовой системы России»); к. ю. н., профессор В.А. Северухин (доклад «Системные проблемы государства в условиях глобализации»); к. ю. н., доцент М.В. Токмовцева (доклад «Международные договоры и соглашения как источники правового регулирования внешней торговли стран Евразийского экономического союза»); к. ю. н., доцент И.В. Шишенина (доклад «Права человека в современном мире»).

28 октября в Большом зале ДК МГУ состоялось заключительное пленарное заседание и торжественное закрытие Конгресса. В ходе подведения итогов 26 ученых из России, США, Бразилии, Австралии, Казахстана, Индии и Японии стали академиками недавно созданной Международной академии глобальных исследований, среди которых — заведующий кафедрой международного права и прав человека Юридического института МГПУ профессор А.И. Кривенький.

В заключение были приняты за основу проект рекомендаций и обращение участников Конгресса к научным, общественным, политическим и бизнес-

кругам. В частности, в Обращении участников IV Международного научного конгресса «Глобалистика» «Объединимся ради спасения цивилизации!» говорится следующее: «Смертельные угрозы нависли над цивилизацией, являющейся высшим достижением эволюции общества, главной ценностью человечества. Угрозы природно-экологические — исчерпание лучших природных ресурсов, критические изменения климата и загрязнения окружающей среды, растущее число природных и антропогенных катастроф.

Угрозы социодемографические — депопуляция, постарение, растущая волна нерегулируемой миграции, нищета и голод для значительной части человечества.

Угрозы технологические — использование достижений науки и техники для нарушения равновесия природы и общества, создание систем оружия, способного уничтожить жизнь на Земле.

Угрозы экономические — рост виртуальной экономики «мыльных пузырей», неустойчивость и хаотичность экономической динамики, несправедливое распределение богатства, небывалые масштабы безработицы, особенно среди молодежи.

Угрозы социокультурные — падение престижа науки, деградация образования и культуры, подрыв нравственных устоев семьи и общества.

Угрозы геополитические — обострение геополитических противоречий, реанимация призрака «холодной войны», новый виток гонки вооружений, нарастание терроризма, возникновение и распространение террористического государства ИГИЛ.

Организация Объединенных Наций, которая за 70 лет проделала огромную работу по предотвращению угрозы новой мировой войны и самоубийственного столкновения цивилизаций, выработала и приняла Цели устойчивого развития на период до 2050 года. На глобальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН выдвинуты инициативы по объединению всех здоровых сил планеты для противостояния грозным вызовам XXI века.

Однако эти цели и инициативы не смогут остановить сползание человечества к катастрофе, если не будет достигнуто единство всех здоровых сил человечества, если не будут выработаны и приведены в действие институты, механизмы и ресурсы диалога и партнерства цивилизаций и государств, социальных сил и поколений ради спасения цивилизации.

Мы обращаемся к Организации Объединенных Наций с призывом взять на вооружение идеалы становления ноосферы и интегральной цивилизации, предложенные гениальными учеными XX века, использовать их для реализации Целей устойчивого развития на период после 2015 года и выхода на траекторию глобального устойчивого развития цивилизации на основе диалога и партнерства цивилизаций и государств, социальных сил и поколений.

Мы обращаемся к руководителям региональных объединений и союзов, государств-членов ООН с призывом объединиться для адекватного и своевременного ответа на угрозы и вызовы XXI века, отодвинув на второй план реально существующие различия интересов и противоречия.

Мы обращаемся к лидерам политических партий и общественных движений, ученым, деятелям культуры и религий, руководителям корпораций и банков, лидерам нового поколения, информационных компаний и средств массовой информации с призывом консолидировать свои силы для того чтобы спасти цивилизацию, противостоять разрушающим ее силам, построить справедливое и процветающее общество, исходя из нашей ответственности перед прошлыми, настоящими и будущими поколениями!

Если здоровые силы человечества не сумеют объединиться ради спасения цивилизации, то вскоре будет пройдена точка невозврата, движение к катастрофе станет необратимым и современные поколения будут прокляты вымирающими потомками! Объединимся, пока не поздно!».

Кроме того, на заключительном пленарном заседании Конгресса было объявлено об инициативе по созданию Ассоциации глобальных исследований в сфере права, выдвинутой участниками секции «Перспективы развития международного права в контексте глобализации общественных отношений». Участники секции заявили об актуальности формирования и развития академической дискуссионной среды по проблематике глобальных исследований в сфере права и перспективам формирования глобального права. В качестве цели создания Ассоциации была названа необходимость формирования теоретико-правовой и нормативной базы, направленной на решение глобальных проблем и переход к устойчивому развитию человеческой цивилизации.

В работе Конгресса приняли участие более 700 человек — специалисты, ведущие исследователи в области глобальных исследований, философии, социологии и политологии, географии и экологии, экономики и демографии, истории и права, геополитики и геоэкономики, прикладной математики и теории управления из 50 стран мира, в том числе известные зарубежные ученые Джозеф Мифсуд (Великобритания), Эрвин Ласло (Венгрия), Йохан Прантл (Австралия), Самех Эбул Энин (Египет), Штефан Роу (Швейцария), Тони Харпер (США), Шерри Кросс (США), Каделль Ласт (Бельгия), Ягдиш Кхатри (Индия) и др.

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

О.И. Чердаков

Рецензия на монографию Д.А. Пашенцева «Финансово-правовая традиция России» (М.: Кнорус, 2015. 192 с.)

Современная политическая ситуация способствует активизации попыток поиска утраченной национальной идентичности, пробуждению интереса к историческим корням отечественной системы права. Финансово-правовая традиция России — это актуальная и недостаточно исследованная тематика.

Рецензируемая монография имеет комплексный характер: она написана на стыке таких научных направлений, как теория права, история права и финансовое право. Привлекает обращение автора к современной научной методологии, что позволило в процессе исследования отойти от принципов нормативизма и сформулировать ряд интересных тезисов. Среди них отметим следующие положения:

- право становится правом, только реализуясь в действиях человека;
- право и религия находятся в сложной диалектической взаимосвязи и взаимозависимости;
- понимание правовой традиции каждым конкретным ученым детерминировано его типом правопонимания;
- одним из главных факторов формирования российской правовой традиции выступает фактор религиозный.

В монографии сформулировано авторское определение: правовая традиция — это исторически сложившаяся и развивающаяся совокупность принципов построения правовой системы, которая выражается в нормах, правовых обычаях, понятиях, ценностях и представлениях. Правовая традиция, по мнению автора, представляет собой право в развитии, в объективной и субъективной обусловленности, в особенностях применения и интерпретации (с. 7).

В работе выделены основные признаки, детерминирующие правовую традицию и ее особенности. Совокупность этих признаков, список которых,

как отмечает автор, не является исчерпывающим, дает наглядное представление о том, чем одна правовая традиция отличается от другой. И с этим вполне можно согласиться.

Также заслуживает внимания авторское определение понятия «правовая система» — это структурированная совокупность правовых норм, институтов и правоприменительных механизмов, существующих в данном конкретном государстве, достигших достаточно высокой степени развития, исторически обусловленных и соответствующих определенному уровню правосознания (с. 13).

Рассматривая процесс формирования отечественной финансово-правовой традиции, автор достаточно подробно, с опорой на нормативные акты и архивные материалы, проанализировал динамику российского дореволюционного законодательства в бюджетной, налоговой, кредитно-банковской сферах. Наглядно показаны те идеи, которые оказали влияние на практическое принятие правовых норм в финансовой сфере.

Проанализировав процесс формирования финансово-правовой традиции в России, автор монографии сделал выводы, представляющие несомненный научный интерес. Среди них отметим следующие положения:

- активное развитие финансово-правовой традиции стало возможным только с началом становления финансового права как самостоятельной отрасли права;
- особенностью финансово-правовой традиции стало ее формирование сверху, усилиями правительства, что объяснялось его фискальными интересами и потребностями;
- формирование финансово-правовой традиции осуществлялось в процессе совершенствования правового регулирования финансовой деятельности государства.

В целом рецензируемая монография представляет собой качественное и интересное научное исследование, которое может привлечь внимание не только ученых-теоретиков, но и практиков, а также студентов, аспирантов и преподавателей.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2016, № 1 (21)**

Бегичев Евгений Валерьевич — соискатель кафедры истории государства и права Российского университета правосудия (begichev@yandex.ru)

Борисова Наталья Евгеньевна — доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (ne0609@bk.ru)

Бурьянов Сергей Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и прав человека Юридического института МГПУ, ведущий научный сотрудник, сопредседатель Совета Института свободы совести (burianov-msk@yandex.ru).

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (adorskaya@yandex.ru)

Куксин Иван Николаевич — доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (proffkuk-1944@yandex.ua)

Логинова Евгения Владимировна — кандидат юридических наук, доцент филиала Российского государственного социального университета в г. Дедовск (dedovsk@rgsu.ru)

Малахов Валерий Петрович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы России, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (valery-malakhov@mail.ru)

Марченко Михаил Николаевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова (MarchenkoMN@mgpu.ru)

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права МГПУ (dp-70@mail.ru)

Пряхина Татьяна Михайловна — доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин МГПУ (PrjahinaTM@mgpu.ru)

Сбежнев Владимир Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин МГПУ (v_sbeznev@mail.ru)

Ситдикова Любовь Борисовна — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического института МГПУ (LBSitdikova@mail.ru).

Уткин Владимир Владимирович — аспирант кафедры административного и финансового права РУДН (7432640@bk.ru)

Чердаков Олег Иванович — доктор юридических наук, профессор, проректор Международного юридического института (olegmui@mail.ru)

Честнов Илья Львович — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права СПб ЮИ(Ф) АГПРФ, заслуженный юрист РФ (ichestnov@gmail.com)

Шестопалов Михаил Андреевич — аспирант кафедры теории и истории государства и права МГПУ (shestopalov@live.ru)

«MCU Vestnik Series “Legal Sciences”», № 4 (20) – 2016 / Authors

Begichev Evgeniy Valeryevich — PhD student, department of history of state and law, Russian University of Justice (begichev@yandex.ru)

Borisov Natalia Evgenyevna — Doctor of law, professor, department of state and legal disciplines, Law Institute, MCU (ne0609@bk.ru)

Buryanov Sergey Anatolyevich — PhD in law, assistant professor, department of international law and human rights, MCU, leading researcher, co-chairman of the Board, Institute of Freedom of Conscience (burianov-msk@yandex.ru)

Dorskaya Aleksandra Andreyevna — Doctor of law, professor, head of international law department, Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen (adorskaya@yandex.ru)

Kuksin Ivan Nikolaevich — Doctor of law, honored lawyer of the Russian Federation, professor of criminal law department, law Institute, MCU (proffkuk-1944@yandex.ua)

Loginova Evgenia Vladimirovna — PhD in law, assistant professor, the branch of Russian State Social University in Dedovsk (dedovsk@rgsu.ru)

Malakhov Valeriy Petrovich — Doctor of law, professor, honored worker of higher school of Russia, professor of the department of theory of state and law, Moscow University of MIF named after V.Y. Kikot (valery-malakhov@mail.ru)

Marchenko Mihail Nikolaevich — Doctor of law, professor of the department of theory and history of state and law faculty of Moscow state University named after M.V. Lomonosov (MarchenkoMN@mgpu.ru)

Pashentsev Dmitriy Alekseevich — Doctor of law, professor of the department of theory and history of state and law, MCU (dp-70@mail.ru)

Pryakhina Tatyana Mikhailovna — Doctor of law, professor of the department of state and legal disciplines, MCU (PrjahinaTM@mgpu.ru)

Sbezhev Vladimir Alekseevich — PhD in law, assistant professor, department of state and legal disciplines, MCU (v_sbezhev@mail.ru)

Sitdikova Lyubov Borisovna — Doctor of law, professor of civil law disciplines, Law Institute, MCU (LBSitdikova@mail.ru)

Utkin Vladimir Vladimirovich — graduate student, department of administrative and financial law, PFUR (7432640@bk.ru)

Cherdakov Oleg Ivanovich — Doctor of law, professor, Vice-Rector of International Law Institute (olegmui@mail.ru)

Chestnov Ilya Lvovich — Doctor of law, professor of the department of theory and history of state and law of St. Petersburg Law Institute (F) AGPRF, Honored Lawyer of the Russian Federation (ichestnov@gmail.com)

Shestopalov Michael Andreevich — postgraduate student, department of theory and history of state and law, MCU (shestopalov@live.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 авт. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. **Рисунки** должны выполняться в графических редакторах. **Графики, схемы, таблицы** нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: Т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к главному редактору *Дмитрию Алексеевичу Пашенцеву* (Москва, ул. Новокузнецкая, д. 16, кафедра теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета). Телефон редакции: (499) 959-55-51. E-mail: dp-70@mail.ru

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 1 (21), 2016

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62496 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор *Д.А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденеева

Редактор:

С.П. Пузырьков

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М.В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. e-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 23.03.2016 г.
Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Объем: 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.